

НАУКА КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВО

№ 4 2021 / ТОМ 27

НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛ

СОВРЕМЕННЫЕ /
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ /
В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся
ОБЩЕСТВЕ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА /
И СТРАТИФИКАЦИЯ СОЦИУМА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ /
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА /

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ /

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ /
И НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

ISSN 2713-0681

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№ 4 / 2021

Том 27

DOI: 10.19181/nko.2021.27.4

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издается с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва • 2021

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, зам. директора по научной работе, руководитель центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН; декан социологического факультета РГГУ.

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, младший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и госуправления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, Университет ОАЭ (ОАЭ).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Ковалевски Мацей доктор социологических наук, профессор, Щецинский университет (Польша).

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, профессор РГГУ; профессор РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, профессор, Воронежский филиал РАНХиГС.

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, МосГУ.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт Социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Чупров Владимир Ильич, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Deputy Director of Science and Research, Head of the Center for Political Science ISPR FCTAS RAS; Dean of the Sociology Department, RSUH.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Junior researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, United Arab Emirates University (UAE).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, ISPR FCTAS RAS.

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPА.

Maciej Kowalewski, Dr hab. (Soc.), Professor, University of Szczecin (Poland).

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPА.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Professor, RSUH; RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPА.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPА Voronezh branch.

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Moscow University for the Humanities.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Vladimir I. Chuprov, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Franс E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

Содержание

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Селезнев И. А.

Евразийская интеграция и внутренний конфликтный потенциал стран Центрально-Азиатского региона 6

Чумаков В. А.

Политические контексты «мягкой силы» и культурно-образовательной дипломатии европейских стран как каналов локально-глобальных взаимодействий 17

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

Костоломова М. В.

Четвёртая промышленная революция: противоречия новой социальной реальности и её техно-цифровая безопасность. 30

Гупта Д.

Влияние пандемии на повседневность: на примере Индии (на англ.) 44

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СТРАТИФИКАЦИЯ СОЦИУМА

Арсеенко А. Г.

Проблемы дестандартизации и прекаризации труда в контексте глобализации-американизации-деглобализации мировой экономики в XXI веке. 54

Буткалюк В. А.

Проблема социально-экономического неравенства в глобальном и национальном измерении. 66

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Зубарев С. М., Иванов А. В.

Социально-политические риски цифровизации и их влияние на государственное управление 76

Новоженина О. П.

Национальные проекты развития страны в оценках гражданского общества. . . 92

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Пророк В.

Социально-политический выбор России в контексте идеологий 107

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Березина А. В., Колосова Е. А.

Чтение современных российских подростков в условиях цифровой реальности 122

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Кара-Мурза С. Г.

Цитирование в науке и подходы к оценке научного вклада. 132

© ИСПИ ФНИСЦ РАН, 2021
© ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, 2021

Content

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

- Seleznev I. A.*
Eurasian integration and the internal socio-political conflict potential
of the Central Asian region 6
- Chumakov V. A.*
Political contexts of the “soft power”, cultural and educational diplomacy
of the European countries through channels of local-global
interactions 17

MODERN PROBLEMS IN A TRANSFORMING SOCIETY

- Kostolomova M. V.*
The fourth industrial revolution: contradictions of the new social reality
and its techno-digital security 30
- Gupta D.*
The impact of pandemic on our daily life: the case of the India (in Eng.) 44

SOCIAL STRUCTURE AND STRATIFICATION OF SOCIETY

- Arseienko A. G.*
Problems of destandardization and precarization of labor in the context
of globalization-americanization-deglobalization of the world economy
in the XXI century 54
- Butkaliuk V. A.*
Global and national dimensions of the socio-economic inequality problem 66

POLITICAL SOCIOLOGY

- Zubarev S. M., Ivanov A. V.*
Socio-political risks of digitalization and their impact
on public administration 76
- Novozhenina O. P.*
National development projects of the country in the assessments of civil society 92

POLITICAL CULTURE

- Prorok V.*
Socio-political choice of Russia in the context of ideologies 107

SOCIOLOGY OF CULTURE

- Berezina A. V., Kolosova E. A.*
Reading of today Russian adolescents in the context
of digital reality 122

SOCIOLOGY OF SCIENCE AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Kara-Murza S.G.*
Citation in science and approaches to the evaluation of scientific contributions 132

© ISPR FCTAS RAS, 2021
© PUBLIC RUSSIAN ACADEMY
OF SOCIAL SCIENCES, 2021

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI 10.19181/nko.2021.27.4.1
УДК 327.3

И. А. Селезнёв¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В статье рассмотрены внутренние вызовы безопасности в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР), причины социальной нестабильности и возникновения конфликтов. В статье дается характеристика общего и особенного в социально-политическом положении по странам ЦАР. Данное исследование проведено в рамках теории конфликта. В работе использована авторская типология издержек и рисков на пути межгосударственной интеграции: риски роста (экономические, социальные, безопасности) и имманентные риски, а также характеристика природы региональных конфликтов. Автор анализирует интересы России в ЦАР, конфликтный потенциал региона, перспективы развития евразийской интеграции в регионе. В качестве основных конфликтогенных внутривнутриполитических факторов действуют: бедность населения, рост социальной дифференциации, высокий уровень безработицы, переизбыток трудоспособного населения, социально-экономическая нестабильность; архаизация общественной жизни; межэтнические противоречия; наличие религиозно-фундаменталистского и экстремистского подполья, выжидающего момента для захвата власти; распространение наркомании и деятельность занятых транзитной наркоторговлей организованных преступных сообществ; угроза политической дестабилизации региона как в процессе передачи власти новому поколению руководителей, так и смены руководящих элит. Евразийская интеграция способна усилить российский вектор в политике вовлеченных в евразийскую интеграцию стран, но не упразднит влияния других векторов, лишь сбалансирует их. Участие в евразийской интеграции способно помочь странам ЦАР укрепить свою независимость и суверенитет. Поскольку, внешнеполитическая «многовекторность», понимаемая зачастую как отдаление от России приводит к возрастанию зависимости от других центров силы, что в конечном счете противоречит национальным интересам самих государств ЦАР.

Ключевые слова: Центрально-Азиатский регион, ОДКБ, ЕАЭС, евразийская интеграция, региональные конфликты, социально-политическая напряженность.

Для цитирования: Селезнёв И.А. Евразийская интеграция и внутренний конфликтный потенциал стран Центрально-Азиатского региона // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 4. С. 6-16. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.1

Введение. Случившийся 28 апреля – 1 мая 2021 г. вооруженный пограничный конфликт между Киргизией и Таджикистаном стал поводом обратиться к изучению конфликтного потенциала в регионе, эффективности интеграционных евразийских инициатив и возможностей и интересов России в «юж-

ном подбрюшьё». Ведь оба эти государства де-юре являются союзниками по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), участниками Евразийского банка развития (ЕАБР). Киргизстан – член Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Таджикистан рассматривает возможность вступления в Союз и конфликт этих государств с применением военной силы вызвал разговоры о кризисе евразийской интеграции и всех этих объединений, в частности. Хотя новейшая история знает прецеденты военных столкновений между членами одного военно-политического союза (напр. членов НАТО Греции и Турции, достаточно вспомнить вооруженный конфликт на Кипре в 1974 г.), но это, тем не менее, не даёт индульгенции при возникшей напряженности между участниками ОДКБ.

Киргизско-таджикский конфликт породил политические спекуляции: каждая из сторон неоправданно призывала к военной помощи сил ОДКБ и отсутствие таковой было использовано для дискредитации организации. Так, на заседании комитета по международным делам, обороне и безопасности Жогорку Кенеша – парламента Киргизской Республики, оппозиционными депутатами было предложено пересмотреть членство в ОДКБ и присоединиться к «другой организации» (имелось в виду НАТО). Данное предложение о выходе из ОДКБ и размещении баз НАТО получило широкое обсуждение среди киргизских пользователей социальных сетей¹.

Тут можно согласиться с точкой зрения, что проблема региональных конфликтов представляет собой комплекс вопросов, имеющих жизненно важное значение для государств: увеличение общества потребителей непреклонно приводит к дилемме между «хлеба и зрелищ» и «деньги и власть». И таким современным экстремальным зрелищем становится политика создания региональных конфликтов, которые будоражат общественное мнение и позволяют его отвлечь от насущных проблем, перераспределять финансовые потоки под свои интересы, найти иностранных спонсоров и таким образом засветиться в большой политике, обеспечить себе карьерный рост, подавить оппозицию, изменить контент СМИ, изменить расстановку политических и экономических сил влияния в конфликтующих сторонах, обосновать милитаризацию экономики и миграционные процессы [1, с. 67-68].

Обсуждение. В свое время развернулась целая дискуссия по поводу более точного наименования данного региона: «Средняя» или «Центральная» Азия [2, с. 13-17]. В данной работе мы станем использовать термин «Центрально-Азиатский регион (ЦАР)», под которым будет пониматься политико-географическое пространство, ранее обозначавшееся термином «Советская Средняя Азия и Казахстан», включающее 5 постсоветских государств. После 1991 г. эти республики Союза ССР обрели независимость и получили возможность самим выбирать своё будущее и вектор развития. Россия как правопреемница СССР перестав быть метрополией для новых независимых государств ЦАР, начала выстраивать с ними отношения как с суверенными акторами международных отношений. Но ЦАР был и остаётся для России на историческую перспективу зоной национальных интересов. И в царский, и в советский период ЦАР был территорией, важной для российского государства в стратегическом, геополитическом, экономическом и социальном аспектах. И Россия сохраняет целый комплекс механизмов влияния в ЦАР [3, с. 76-92].

¹ В Кыргызстане заговорили о выходе из ОДКБ и размещении баз НАТО // Seldon.News. 11 мая 2021. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/250513890> (дата обращения 25.10.2021).

По мнению экспертов, интересы России в ЦАР определяются, в первую очередь, следующими причинами: присутствие там сокращающегося, но все же достаточно многочисленного русского населения, зачастую подвергающегося дискриминации; наличие социально-политических факторов (как между, так и внутри новых независимых государств), грозящих дестабилизацией ситуации и возникновением «вакуума влияния», который будет заполнен криминальными и фундаменталистскими структурами, что в условиях фактической прозрачности границ угрожает безопасности самой России; значительный объем энергоносителей в ЦАР, привлекающий внимание многих внешних сил, заинтересованных в геоэкономическом вытеснении из него России, пока еще сохраняющей в своих руках контроль над немалой частью системы экспортных газо- и нефтепроводов [4, с. 160-161].

Ну и, конечно же, Россия заинтересована в предупреждении и разрешении межгосударственных и межэтнических конфликтов в ЦАР, подобных столкновениям на киргизско-таджикской границе. Учитывая массовую трудовую миграцию из стран региона, такие конфликты чреваты распространением межэтнической розни между киргизами и таджиками, приехавшими на работу в Россию и такие инциденты уже были зафиксированы. Также, после конфликта на границе двух республик, обучающиеся в Киргизстане студенты из Таджикистана получали угрозы и подвергались преследованиям. Из-за этого большинство из них заявили о нежелании продолжать обучение в Киргизии². (Год назад, в 2020 г. российское общество и правоохранительные органы уже столкнулись с фактами межнациональной розни между представителями азербайджанской и армянской диаспор по поводу обострения событий в Нагорном Карабахе).

Соответственно, интересы Россия состоят в сохранении экономической и политической стабильности на пространстве ЦАР, развитии интеграционных процессов, укреплении межгосударственных экономических, культурных, образовательных связей; урегулировании имеющихся и предотвращении возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к границам РФ странах; использовании Россией объектов оборонной инфраструктуры, расположенных в государствах-партнерах по евразийской интеграции; недопущении расширения НАТО на территорию бывших республик СССР; противодействии распространению экстремизма и терроризма, наркотрафика и оргпреступности через соседние государства.

За четверть века евразийской интеграции на постсоветском пространстве возникли такие инициативы как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, каждая из которых имеет свои функции и решает свои задачи. Евразийская интеграция может в долгосрочном плане помочь усилить экономическое сотрудничество на постсоветском пространстве и, соответственно, уменьшить негативный эффект глобальных кризисных явлений [5].

Однако ЕАЭС предстоит сделать еще многое для того, чтобы удерживать и стимулировать общественный интерес к объединению. Пока страны-участницы ЕАЭС проигрывают другим государствам, например, в привлекательности образовательных услуг, научно-технического сотрудничества, импортируемых товаров и капитала. Поэтому очень важно, добиваться прогресса в «проседающих» отраслях межгосударственного сотрудничества и интеграции, работать с общественным мнением: обеспечивать своевременное информирование ши-

² Студенты из Таджикистана в Кыргызстане заявили об угрозах и преследованиях // Sputnik Таджикистан : [сайт]. 17 июля 2021. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210717/tajikistan-kyrgyzstan-studenty-konflikt-granica-1040955417.html> (дата обращения 25.10.2021).

рокой общественности о проводимой работе по развитию интеграции, вести объективную дискуссию о ее преимуществах и недостатках для населения, для бизнеса, для отдельных стран и их регионов [6, с. 177-178].

Россия рассматривает государства-участники евразийской интеграции в качестве близких экономических и стратегических союзников. Наличие совместных угроз объединяет партнеров, требует скоординированных усилий по выработке единой системы международного военного сотрудничества в соответствии с провозглашенными целями государств-членов ОДКБ и их союзников [7, с. 40-48]. Тем не менее, руководители государств ЦАР периодически заявляют, что проводят «многовекторную» политику, направленную, в первую очередь, на укрепление их собственной независимости. [8, с. 56-68; 9, с. 157-161].

В этом плане опасения (а для многих и надежды), что ЕАЭС и другие интеграционные инициативы приведут к возврату России к роли «старшего брата» напрасны. ЕАЭС в случае, если в его рамках удастся наладить стабильное взаимовыгодное экономическое сотрудничество, способен усилить российский вектор в политике вовлеченных в евразийскую интеграцию стран. Но он не отменит при этом других векторов, только сбалансирует их.

Так, за счет экономических факторов российский вектор в ЦАР в последнее время сильно ослаб по сравнению с китайским. ЕАЭС может помочь в том, чтобы уравновесить этот тренд. Усиление экономического сотрудничества с Россией в этом плане может только помочь вовлеченным в ЕАЭС странам ЦАР укрепить свою независимость, в частности, по отношению к Китаю. Ведь, фактически, внешнеполитическая «многовекторность», понимаемая зачастую как отдаление от России приводит к возрастанию зависимости от других центров силы (США и ЕС, Турции, либо от КНР), что в конечном счете противоречит национальным интересам самих государств ЦАР [10, с. 173]. Поэтому, нельзя не согласиться, что основным препятствием для нормативного и институционального развития евразийской интеграции является отсутствие политической воли, четко обозначенной на высшем государственном уровне [11, с. 9].

Нельзя не согласиться с экспертной точкой зрения, что участие России в ЕАЭС лишь отчасти поможет решить проблемы в экономике. Успешность евразийской интеграции во многом зависит от характера и состояния внутренних социально-политических взаимоотношений российского гражданского общества и государства. Без поддержки россиян, их высокого уровня доверия власти, положительных оценок деятельности первых лиц государства процесс евразийской интеграции со стороны России столкнется с рядом трудностей, препятствующих функционированию таких проектов, как валютный союз (введение единой валюты) ЕАЭС, создание общей телерадиовещательной компании, разрешение свободного передвижения граждан в регионе ЕАЭС и другие [12, с. 72].

Методология. Данное исследование проведено в рамках теории конфликта. В рамках исследования были использованы следующие методы: ситуационный анализ, ивент-анализ, анализ документов, вторичный анализ социологических данных. В методологическом отношении в работе использована следующая авторская типология издержек и рисков на пути межгосударственной интеграции:

1. **Риски роста** – все те проблемы и сложности, которые возникают при институционализации интеграционных процессов. К их числу относятся:
 - (1) **экономические риски** – связанные с неравномерностью экономического развития государств ЕАЭС, разными скоростями роста благосостояния населения, цифровой экономикой, тарифными барьерами и т.п.;

(2) **социальные риски** – связанные с занятостью, безработицей; сюда же относятся миграционные риски и связанные с ними проблемы интеграции, социального обеспечения и социальной работы с мигрантами; неустойчивость поддержки интеграции среди населения принимающих миграцию государств-участников ЕАЭС; вопросы поддержания высокого уровня социальной сплоченности и солидарности; необходимость решения проблем, связанных с управлением многообразием; отсутствие необходимой миграционной инфраструктуры; отсутствию общей системы образования, профессиональной и языковой подготовки, психологические барьеры в принимающем обществе и т.п.;

(3) **риски безопасности** – рост преступности, распространение экстремизма, терроризма, наркотрафика и т.д.

2. **Имманентные риски** – порождаемые самим суверенным государственным статусом стран-участниц ЕАЭС, для которых существует определенная «красная черта» ограничений, дойдя до которой дальнейшие интеграционные продвижения воспринимаются в качестве угрозы суверенитету [10, с. 167-173].

Также обозначим и некоторые характерные черты региональных конфликтов (РегК):

(1) РегК можно рассматривать, как опережающее проявление назревающих глобальных конфликтов;

(2) в основе РегК лежат противоречия в сфере экономики, политики, религии и идеологии, и они, как правило, протекают в русле национально-этнических и религиозных столкновений;

(3) РегК отличаются составом участников, в качестве которых выступают административно-территориальные образования или этнические группы;

(4) РегК вовлекают в свою орбиту большие массы населения со своими зонами влияния;

(5) РегК связаны с динамикой и трансформацией восприятия исторических ситуаций; (6) формированием образа конфликтной ситуации у народа занимается политический менеджмент с активным использованием СМИ [13, с. 79-95].

Результаты. Сначала рассмотрим подробнее внутренний социально-политический конфликтный потенциал в государствах ЦАР.

1) Бедность, рост социальной дифференциации, высокий уровень безработицы, переизбыток трудоспособного населения, социально-экономическая нестабильность.

2) За годы суверенитета в государствах ЦАР произошла архаизация общественной жизни, связанная с широким распространением клановости, землячества, коррупции, продвижения и покровительства родственникам, низкой эффективностью государственных структур, пренебрежения правами человека, разделением властей и т.п. Это не может не порождать социальной напряженности. По мнению специалистов, клановая организация социума в странах ЦАР, распространяет консолидирующие направления лояльности как по горизонтали в пределах кровнородственных сообществ, так и по вертикали, воспроизводящей иерархию связей от элитных верхов до рядовых участников объединений. Центральноазиатские кланы, приспосабливаясь к современности, обретая новые сущностные качества,

остаются актуальным социально-политическим феноменом, наличествует симбиоз новых практик управления с традиционными системами рекрутирования элит через землячество, кумовство, родство и т.п. При этом, в такой неформальной системе ценностей, президенту республики отводится роль «отца нации», верховного арбитра для всех остальных кланов. Противоречия с элитной верхушкой, порождаемые традиционным вектором эволюции кланов, инициируют «регионализацию» кланов, их консолидацию вокруг повестки, замыкающейся на местные проблемы. Такой «разворот» клановых сообществ может иметь деструктивные последствия, в том числе потенциально ведущие к сецессии [14, с. 250-259].

- 3) В обществах стран ЦАР сохраняются и межэтнические противоречия. Достаточно вспомнить киргизско-узбекские столкновения в Киргизии, в Оше и Джалал-Абаде в июне 2010 г. Стоит обратить внимание, что политические противники лидера Киргизстана С. Жапарова, обвиняют его в приверженности к киргизскому национализму. По некоторым оценкам, рейтинг популярности президента по этим причинам крайне низок у многочисленной узбекской общины на юге страны, где его считают сторонником антиузбекских настроений и действий, в частности, в период ошско-джал-алабадских событий 2010 г.³
- 4) Джихадисты, исламские фундаменталисты ждут своего часа, чтобы в случае возникновения политической нестабильности общества прийти к власти. Эти круги используют для вовлечения в ряды своих сторонников идеологические мотивы, связанные и не связанные с религией. Для дискредитации правящих светских режимов фундаменталистами широко используются спекуляции на существующих социальных проблемах и противоречиях стран ЦАР. Часто представители религиозно-экстремистских организаций связаны с криминальными группами, используя их для маскировки своей деятельности, а также получения доходов, материальных и людских ресурсов [15, с. 24].
- 5) Распространение наркомании и деятельность занятых транзитной наркототорговлей организованных преступных сообществ. Практически во всех государствах ЦАР за последние годы наблюдается рост числа наркозависимых, что связывается в том числе и с нерешенностью проблемы поступления наркотиков из Афганистана [4, с. 152]. Существуют связи наркомафии с исламистскими радикалами и есть угроза сращивания занятых наркотрафиком организованных преступных сообществ (ОПС) с экстремистским и террористическим подпольем. Активизация экстремистских и террористических организаций в ЦАР крайне выгодна для наркомафии по двум причинам: (а) отвлекает внимание силовых структур региона; (б) дает возможность объединять свои усилия с террористическими организациями с целью дестабилизации обстановки в регионе. Реальность такой кооперации еще более вероятна в период смены политических элит в некоторых странах ЦАР, что может привести к появлению представителей наркомафии в высших структурах государственной власти. Отдельная проблема – в появлении идеологического обоснования наркототорговли, ко-

³ Почему осужденного Садыра Жапарова так продвигают в премьер-министры и как он стал так популярен среди некоторых протестующих // Клоор.Кг: Новости Кыргызстана. 07 октября 2020. URL: <https://kloop.kg/blog/2020/10/07/pochemu-osuzhdennogo-sadyra-zhaparova-tak-prodvigayut-v-premer-ministry-i-kak-on-stal-tak-populyaren-sredi-nekotoryh-protestuyushhih> (дата обращения 25.10.2021)

торая стала рассматриваться как один из действенных инструментов борьбы с Западом и его союзниками [16, с. 146].

- 6) Потенциальным вызовом остаётся угроза политической дестабилизации региона как в процессе передачи власти новому поколению руководителей, так и смены руководящих элит. В Таджикистане, по ряду экспертных оценок, на среднесрочной повестке дня стоит передача власти от президента Э. Рахмона к его сыну Р. Эмомали. И Таджикистан может стать следующим объектом для попытки «цветной революции», тем более, что в стране для этого существуют все социальные условия. Учитывая события гражданской войны 1990-х гг. в республике, последствия дестабилизации могут быть непредсказуемыми. Даже в относительно благополучных государствах региона могли быть проблемы с передачей верховной власти, но тем не менее, за прошедшие годы можно было наблюдать в целом удачные примеры транзита власти в Туркменистане (избрание вице-президента Г. Бердымухамедова президентом после смерти президента С. Ниязова), в Узбекистане (избрание премьера Ш. Мирзиёева президентом после смерти президента И. Каримова) и в Казахстане (по сценарию «рокировки в китайском стиле», с избранием председателя Сената К.-Ж. Токаева на должность президента и сохранением за «национальным лидером» Н. Назарбаевым постов главы Совбеза Казахстана, члена Конституционного совета и председателя правящей партии «Нур-Отан»).

Особняком в этой группе стран стоит Киргизстан. Если Западом не были признаны в качестве «свободных и справедливых» никакие выборы, проводимые в Казахстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане с момента обретения независимости, и политические режимы в этих государствах воспринимались в качестве авторитарных, то в Киргизии сложилась специфическая политическая культура смены власти, которую можно было бы назвать «охлократической» (свержение власти через массовые выступления недовольного населения). Подобная особенность политической жизни Киргизстана ослабляет государственные структуры и ставит процесс смены власти в зависимость как от регионально-субэтнических и властно-корпоративных кланов, так и от ОПС. Периодичность подобных решений внутриполитических социальных кризисов в стране лишь подтверждает нашу гипотезу. (См. «тюльпановая революция» в марте 2005 г., приведшая к отстранению от власти президента А. Акаева; свержение президента К. Бакиева в апреле 2010 г.; «третья киргизская революция» октября 2020 г., результатом которой стала отставка с президентского поста С. Жээнбекова и, в конечном счете, приход к власти С. Жапарова). Тем не менее, следует обратить внимание на усиление президентской вертикали власти в стране: большинство граждан Киргизии на референдуме 10 января 2021 г. проголосовало за президентскую республику, а в апреле 2021 г. была принята новая Конституция, закрепившая данную форму правления. Характерно, что это уже 3-й раунд изменений в основном законе Киргизской Республики относительно формы правления, каждый раз осуществляемый по итогам «революций».

Так, спустя два года после «тюльпановой революции» в период президентства К. Бакиева были проведены изменения в основном законе в пользу усиления полномочий президента, но по итогам «второй киргизской революции» 27 июня 2010 г. прошел референдум по новой конституции, которую приняли 90,57% голосами «за»: тогда государство после нараставших в период правления

президента К. Бакиева авторитарных тенденций стало парламентско-президентской республикой. Теперь снова усилены президентские полномочия.

Если США и страны Запада демонстрируют неприятие возможного усиления власти президента в политической системе Киргизстана, то Россия, КНР и Казахстан заняли другую позицию, поддерживая в первую очередь стабилизацию ситуации, под чем понимается отсутствие межэтнических конфликтов в стране и соблюдение руководством Киргизии ранее достигнутых договоренностей. Поэтому показательно, что лишь в середине ноября 2020 г. правительство России возобновило финансовую помощь Киргизии, приостановленную в период нестабильности внутривнутриполитической в Бишкеке. Поэтому неудивительны заявления С. Жапарова и в качестве кандидата в президенты КР и избранного президента о России как главном стратегическом партнере Киргизии. Тем не менее, стоит учитывать, что изменение формы правления не застрахует Киргизстан от повторения привычного сценария с силовым захватом власти в результате массовых выступлений, поскольку сохраняются застарелые конфликты, а инициатива с реформой конституции — не новация, а возвращение устоявшейся практики, когда с приходом нового лидера и сплоченной и организованной группы его сторонников менялось и зачищалось политическое поле. Но тогда и следует ожидать, что через какое-то время весь цикл смены власти повторится⁴.

Итак, очевидной является значимость внутренних причин в системе вызовов безопасности ЦАР. Каждый из вышеописанных факторов способен запустить или оказаться фоновым условием для реализации негативных сценариев развития. Стоит провести сравнение с межгосударственными факторами развития конфликта, что и будет проведено в следующей статье цикла.

Библиографический список

1. Евсеев, В. О. Методология применение экспертных систем для анализа региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3(29). С. 65-78. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.06.
2. Алексеева, Н. Н., Иванова, И. С. Средняя или Центральная Азия? // География. Первое сентября. 2003. № 28. С. 13-17.
3. Притчин, С. А. Российская политика в Центральной Азии в XXI в. // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 6 (63). С. 76-92.
4. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / Под общ. ред. Г. И. Осадчей. М. : БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. 374 с. ISBN 978-5-907063-15-0. DOI: 10.18334/9785907063150.
5. Тренды мирового социально-политического развития в условиях кризиса / Под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина. М. : ИМЭМО РАН, 2012. 150 с. ISBN 978-5-9535-0331-0.
6. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Г. В. Оситов, В. К. Левашов, С. В. Рязанцев [и др.]. М. : Перспектива, 2020. 532 с. ISBN 978-5-905790-48-5. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532.
7. Цыплин, В. Г. Особенности укрепления военно-технического потенциала государств-членов ОДКБ в 2019 году // Военная история России: проблемы, поиски, решения : Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 3 ч. (Волгоград, 11–12 сентября 2020 г.). Волгоград, 2020. С. 40-48.
8. Фомин, М. В. Россия. Матрица социальной (не)стабильности // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 8. С. 56-68. DOI: 10.20542/0131-2227-2010-8-56-68.

⁴ Лисицын А. «Нами правила водители и телохранители». В Киргизии меняют конституцию // РИА Новости. 22 ноября 2020. URL: <https://ria.ru/20201122/kirgiziya-1585600772.html> (дата обращения 25.10.2021).

9. *Фомин, М. В.* Россия в мировых конфликтах. Горизонт – 2019 // Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение. сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам за 2009 год. /Под общ. ред. А. А. Аслаханова, В. М. Соловьева и С. В. КОРТУНОВА. М., 2010. С. 157-161.

10. *Селезнев, И. А.* О первых итогах евразийской интеграции, достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 164-176. DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51488.

11. *Журавлёв, В. Е.* О некоторых тенденциях евразийской экономической интеграции // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10, № 3(24). С. 5-9.

12. *Левашов, В. К., Шупианова, И. С., Афанасьев, В. А., Новоженина, О. П.* Российское гражданское общество и государство в процессах евразийской интеграции // Наука. Культура. Общество. 2019. № 3-4. С. 66-77. DOI: 10.38085/2308829X-2019-3-4-66-77.

13. *Евсеев, В. О., Селезнев, И. А.* Конфликт-менеджмент и методы исследования региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3. С. 79-95. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.07.

14. *Рекк, Д. А., Егоров, В. Г.* Социально-политическая эволюция кланов Центральной Азии // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 3(23). С. 250-259. DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-250-259.

15. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде / Под общ. ред. А. П. Новикова ; АТЦ СНГ, МОФ «Российский фонд мира». М. : Изд-во «Русь», 2018. 96 с. ISBN 978-5-8090-0093-2.

16. *Селезнев, И. А.* Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 143-152.

Дата поступления в редакцию: 25.10.2021.

Принята к печати: 10.11.2021.

Сведения об авторе:

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

e-mail: igdrake@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 74352

ORCID: 0000-0003-2862-9444

ResearcherID (Web of Science): J-8175-2018

Scopus: ID 57203573051

I. A. Seleznev¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

EURASIAN INTEGRATION AND THE INTERNAL SOCIO-POLITICAL CONFLICT POTENTIAL OF THE CENTRAL ASIAN REGION

Abstract. The article examines the internal security challenges in the Central Asian region (CAR), the causes of conflicts within the countries of the region. The article describes the general and special features of the socio-political situation in the CAR countries. This study was conducted within the framework of the theory of conflict. The paper uses the author's typology of costs and risks on the path of interstate integration: growth risks (economic, social, security) and immanent risks, as well as characteristics of the nature of regional conflicts. The author analyzes Russia's interests in the CAR, the conflict potential of the region, and the prospects for the development of Eurasian integration in the region. The main conflict-causing internal political factors are: poverty of the population, the growth of social differentiation, high unemployment, an overabundance of the able-bodied population, socio-economic instability; the archaization of public life; interethnic contradictions; the presence of a religious fundamentalist and extremist underground, waiting for the moment to seize power; the spread of drug addiction and the activities of organized criminal communities engaged in transit drug trafficking; the threat of political destabilization of the region both in the process of transferring power to a new generation of leaders and the change of leadership elites. Eurasian integration can strengthen the Russian vector in the policies of the countries involved in Eurasian integration, but it will not eliminate the influence of other vectors, it will only balance them. Participation in the Eurasian integration can help the CAR countries strengthen their independence and sovereignty. Since foreign "multi-vector" policy, often understood as a distance from Russia, leads to an increase in dependence on other centers of power, which ultimately contradicts the national interests of the CAR nations themselves.

Keywords: Central Asian region, CSTO, EAEU, Eurasian integration, regional conflicts, socio-political tension.

For citation: Seleznev I.A. (2021) Eurasian integration and the internal socio-political conflict potential of the Central Asian region. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 4. P. 6-16. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.1

References

1. Evseev V. O. (2021) Methodology application of expert systems for the analysis of regional conflicts. *CITISE*. No. 3. Pp. 65-78. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.06 (in Russ.).
2. Alekseeva N. N., Ivanova I. S. (2003) Middle or Central Asia? *Geografiya. Pervoe sentyabrya*. No. 28. Pp. 13-17 (in Russ.).
3. Pritchins S. A. (2020) Russia's policy in central Asia in the XXI-th cent. *National Strategy Issues*. No. 6 (63). Pp. 76-92 (in Russ.).
4. *Eurasian integration processes: socio-political dimension* (2018) Ed. by G. I. Osadchaya. M. : BIBLIO-GLOBUS. 374 p. DOI: 10.18334/9785907063150. ISBN 978-5-907063-15-0 (in Russ.).
5. *The Trends of World Social-Political Development under the Crisis conditions* (2012) Ed. by E. Sh. Gontmakher, N. V. Zagladin. M. : IMEMO RAS Publ. 150 p. ISBN 978-5-9535-0331-0 (in Russ.).
6. Osipov G. V., Levashov V. K., Ryazantsev S. V. [et al.] (2020) *Rossiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh pandemii: sotsial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskoe razvitiye Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu [Russian society and state in the conditions of pandemic: sociopolitical situation and demographic development of the Russian Federation in 2020]*. M. : Perspektiva Publ. 532 p. ISBN 978-5-905790-48-5. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532 (in Russ.).

7. Tsyplin V. G. (2020) Features of strengthening military-technical capacity of CSTO member states in 2019. In : *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya [Military History of Russia: problems, searches, solutions]*: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine: v 3 ch. (Volgograd, September 11–12, 2020). Volgograd. Pp. 40–48 (in Russ.).

8. Fomin M. V. (2010) Russia. Matrix of social (in)stability. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 8. Pp. 56–68. DOI: 10.20542/0131-2227-2010-8-56-68 (in Russ.).

9. Fomin M. V. (2010) Russia in global conflicts. Horizon – 2019. In : *Rossiya v novom veke: vneshnepoliticheskoe izmerenie [Russia in the new century: the foreign policy dimension]*. Sbornik materialov zasedanii Ehkspertnogo soveta Komiteta Soveta Federatsii po mezhdunarodnym delam za 2009 god. Ed. by A. A. Aslakhanov, V. M. Solov'ev, S. V. Kortunov. Moscow. Pp. 157–161 (in Russ.).

10. Seleznev I. A. (2020) On the first results of Eurasian integration. achievements and risks of the Eurasian Economic Union. *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya*. No. 6. Pp. 164–176. DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51488 (in Russ.).

11. Zhuravlev V. E. (2019) On some trends of the Eurasian economic integration. *Bulletin of the Institute of World Civilizations*. Vol. 10. No. 3(24). Pp. 5–9 (in Russ.).

12. Levashov V. K., Shushpanova I. S., Afanasyev V. A., Novozhenina O. P. (2019) Russian civil society and the state in the processes of Eurasian integration. *Science. Culture. Society*. No. 3-4. Pp. 66–77. DOI: 10.38085/2308829X-2019-3-4-66-77 (in Russ.).

13. Evseev V. O., Seleznev I. A. (2021) Conflict management and research methods regional conflicts. *CITISE*. No. 3. Pp. 79–95. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.07 (in Russ.).

14. Rekk D. A., Yegorov V. G. (2020) Socio-political evolution of Central Asian clans. *Sotsial'nye i humanitarnyye znaniya*. Vol. 6, No. 3(23). Pp. 250–259. DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-250-259 (in Russ.).

15. *Profilaktika terrorizma i ehkstremizma v molodezhnoi srede [Preventing terrorism and extremism among young people]*. Ed. by A. P. Novikov. M. : Rus' Publ., 2018. 96 p. ISBN 978-5-8090-0093-2 (in Russ.).

16. Seleznev I. A. (2017) The role of the CSTO and the SCO in providing the security of the states of the Central Asia. *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya*. No. 4. Pp. 143–152 (in Russ.).

The article was submitted on October 25, 2021.

Accepted on November 10, 2021.

Information about the author:

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: igdrake@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2862-9444

ResearcherID (Web of Science): J-8175-2018

Scopus: ID 57203573051

DOI 10.19181/nko.2021.27.4.2

УДК 327.8

В. А. Чумаков¹

¹ Аппарат Общественной палаты России.
Москва, Россия.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» И КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН КАК КАНАЛОВ ЛОКАЛЬНО-ГЛОБАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Аннотация. Анализируется обширный организационный и проектный инструментарий, находящийся в распоряжении органов Европейского союза и ведущих европейских стран (Великобритания, Германия, Франция, Испания), применяемый ими для приложения т.н. «мягкой силы», то есть неформального продвижения национальных интересов и общеевропейских ценностей в третьих странах, включая Россию. Признается, что само существование Евросоюза в текущей конфигурации и с действующими идеологическими установками служит не столько примером и образцом для подражания, сколько объектом стремления как политических элит не входящих в ЕС стран, так и их рядового населения. Утверждается, что Европейский союз, несмотря на наличие разногласий среди некоторых его членов по отдельным политическим вопросам, в целом демонстрирует солидарное следование выработанным десятилетиями принципам, нормам и правилам социально-экономической и культурно-гуманитарной интеграции. Выявляется, что общей чертой для всех рассматриваемых национальных языковых программ и культурно-образовательных инициатив является то, что изучаемый иностранный язык всецело отражает картину мира своего «родного» государства. Более того, в учебниках и методических пособиях в большинстве случаев присутствуют ценностные ориентиры населения либо ценностная повестка самой этой страны. Все они рассчитаны на обучение иностранцев по самым разным направлениям: как результат, большинство студентов участвует в них для расширения своих возможностей, увеличения личного капитала и дальнейшего трудоустройства в стране обучения, исходя из предполагаемого высокого уровня дохода и жизни. Делается вывод о несоразмерности значительных ресурсов, которые направляют отдельные европейские государства и уставные органы Евросоюза на продвижение общеевропейских культурных и политических ценностей, и относительно скромных усилий российского правительства по расширению «глобального» пространства Русского мира, в том числе на «локальной» территории исторически и цивилизационно близких к России евразийских стран.

Ключевые слова: Европейский союз, мягкая сила, европейские ценности, языковые программы, обучение за рубежом, НКО, иностранные агенты.

Для цитирования: Чумаков В. А. Политические контексты «мягкой силы» и культурно-образовательной дипломатии европейских стран как каналов локально-глобальных взаимодействий // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 4. С. 17-29. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.2

Европейский союз (ЕС, Евросоюз) – пожалуй, самое успешное интеграционное объединение современности в контексте локально-глобальных взаимодействий, на опыт которого ориентируются другие геополитические акторы, стремящиеся к развитию подобных наднациональных структур (например: страны-учредительницы СНГ при его создании в 1991 г. и часть этих же стран, объединившихся в Евразийский экономический союз в 2014 г.).

ЕС, несмотря на существующие разногласия среди некоторых его членов по отдельным политическим вопросам, в целом демонстрирует солидарное следование выработанным десятилетиями принципам, нормам и правилам социально-экономической и культурно-гуманитарной интеграции.

Одним из самых эффективных в контексте применения «мягкой силы» преимуществ европейского объединения является свобода передвижения для всех его граждан, причём как для путешественников и туристов, так и для студентов и рабочих рук. Введённые союзными и национальными властями в 2020-2021 гг. санитарно-логистические ограничения и запреты, связанные с распространением инфекции COVID-19, пока рассматриваются европейцами как вынужденные временные меры.

Свои интеграционные успехи Европейский союз демонстративно связывает с неукоснительной приверженностью либерально-демократическим ценностям, действуя в духе английского выражения «lead by example» (подавать пример, букв. – «лидировать примером»). Само существование ЕС в текущей конфигурации и с действующими идеологическими установками служит не столько образцом для подражания, сколько объектом стремления как политических элит не входящих в него стран, так и рядового населения этих стран.

Экономика в классическом понимании Дж. Ная причисляется к «твёрдой силе» [1], поэтому под «мягкой силой» Евросоюза и ведущих европейских стран мы будем понимать целенаправленное влияние и продвижение общеевропейских ценностей в следующих сферах:

- Образование и наука;
- Культура и искусство;
- Политическое устройство;
- Некоммерческие организации;
- Средства массовой информации.

Великобритания с 1 января 2021 г. больше не является членом Европейского союза, однако её «локальная» интеграция с ним остаётся на довольно высоком уровне, что позволяет рассматривать эту страну как неотъемлемую часть «глобальной» Европы, прежде всего, в контексте неоспоримой монополии английского языка как социо-культурного инструмента международного делового и бытового взаимодействия на евроатлантическом геополитическом пространстве.

Преподавание английского языка ведётся в мировой сети центров Британского Совета (British Council). В 2019 г. они действовали более чем в 110 странах мира. Обучение английскому языку ведётся на коммерческой основе, формируя основной источник доходов Британского Совета. Так, в 2018-2019 гг. общий доход от преподавания английского и проведения языковых экзаменов составил 727 млн фунтов стерлингов, при объеме государственного финансирования в 200 млн фунтов стерлингов [2-3]. Совокупный же бюджет Британского Совета за 2019-2020 гг. составил уже 1249 млн фунтов стерлингов. По данным самого Совета¹, в 2019-2020 гг. 76 миллионов человек очно и около 983 миллионов человек дистанционно были вовлечены в его мероприятия.

Наиболее популярным и востребованным экзаменом английского языка международного уровня является IELTS (International English Language Testing

¹ Annual Report and Accounts 2019–20 // British Council. URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/annual_report_2019-20.pdf (дата обращения 20.10.2021).

System). Согласно отчётным документам, в 2019 году экзаменовались по этой системе более 3,5 млн человек со всего мира. Экзаменационная система была создана в 80-е годы XX века, сейчас ею совместно управляют Британский Совет, Австралийское отделение международной образовательной компании IDP (IDP: IELTS Australia) и соответствующее подразделение Кембриджского университета (Cambridge English Language Assessment) [2]. Результаты IELTS учитываются при поступлении в 10 тыс. учебных заведений в 140 странах мира².

Стипендиальная программа Chevening спонсируется правительством Великобритании. Иностранцы граждане, получившие стипендиальный грант, получают возможность годичного бесплатного обучения в магистратуре любого вуза Великобритании, включая Оксфорд и Кембридж. Программа рассчитана на поддержку будущих общественных лидеров, тех, кто в перспективе будет принимать управленческие решения и оказывать политическое влияние в своих странах. Стипендия призвана поддержать их профессиональный рост и помочь строить долгосрочные отношения с Великобританией.

Стипендия Родса (Rhodes Scholarship) – это международная стипендия для обучения в Оксфорде. Стипендиаты могут обучаться на любом курсе магистратуры или аспирантуры Оксфордского университета, а также получать второе высшее образование. Помимо стоимости самого обучения, Фонд Сесилия Родса возмещает стипендиатам расходы на оплату проживания.

Стипендия Университета Оксфорд Брукс позволяет принять участие в конкурсе студентам магистратуры по специальностям «Международные отношения» и «Международная безопасность». Кроме основной программы стипендиаты участвуют в образовательных поездках в Брюссель и Гаагу, где посещают высшие органы управления Европейского союза, а также другие международные организации, в том числе Международный уголовный суд и Организацию по запрещению химического оружия.

Интересен опыт **Германии** по продвижению немецкого языка, в преподавании которого за рубежом наблюдается тотальное доминирование его литературной (кодифицированной) формы. При этом существуют и развиваются австрийский (баваризмы) и швейцарский (гельвецизмы) национальные варианты немецкого языка, а также крупные алеманнский (в Лихтенштейне), мозельско-франкский (в Люксембурге) и эйпенский (в Бельгии) диалекты.

Германское правительство располагает следующим инструментарием:

- Немецкая служба академических обменов (Deutscher Akademischer Austauschdienst, DAAD). Бюджет выделяют Министерство иностранных дел Германии (185 млн евро), Федеральное министерство образования и научных исследований (137 млн евро), Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития (54 млн евро), Евросоюз (110 млн евро) и другие источники (36 млн евро). Совокупный бюджет в год – 645 млн евро³. У DAAD множество стипендиальных программ для будущих и уже состоявшихся ученых от студентов 2 курса до докторов наук и профессоров.

² Organisations that recognize IELTS // British Council. URL: <https://takeielts.britishcouncil.org/ielts-recoignising-organisations/recognise-ielts> (дата обращения 20.10.2021).

³ Annual Report 2019 // DAAD. URL: https://static.daad.de/media/daad_de/pdfs_nicht_barrierefrei/der-daad/daad_annual_report_2019.pdf (дата обращения 20.10.2021).

- Институт Гёте (Goethe-Institut). На продвижение изучения немецкого языка за рубежом через Институт Гёте ежегодно выделяется около 445 млн евро⁴, из которых ориентировочно 2/3 выделяет МИД Германии. Еще 1/3 организация зарабатывает самостоятельно на языковых курсах уровней А1-С2 для детей, подростков и взрослых, а также на сертификационных экзаменах.
- Служба педагогического обмена при секретариате Конференции министров образования федеральных земель Германии (Pädagogischer Austauschdienst (PAD) des Sekretariats der Kultusministerkonferenz). Её миссия – обмен методиками преподавания немецкого языка среди преподавателей из разных стран;
- Центральный офис Немецких школ за рубежом (Zentralstelle für das Auslandsschulwesen, ZfA) в Федеральном административном ведомстве. Организация поддерживает более 1200 школ по всему миру, которые преподают в соответствии со школьной системой ФРГ. При успешной сдаче экзаменов выпускникам разрешается поступать в немецкие университеты.
- Институт экзамена (TestDaF-Institut) и Немецкий университет онлайн (Deutsch-Uni Online). TestDaF (Test Deutsch als Fremdsprache für ausländische Studienbewerber) – главный стандартизированный языковой тест немецкого языка как иностранного, разработанный в 1998-2000 гг. по инициативе DAAD. Он предназначен прежде всего для абитуриентов, собирающихся учиться в вузах Германии.

Кроме того, все перечисленные организации объединены в движение PASCH – «Школы: партнёры будущего» (Die Partnerschulinitiative „Schulen: Partner der Zukunft“). Эта инициатива, реализуемая в сотрудничестве с ZfA, Институтом Гёте, DAAD, PAD и Постоянной конференцией министров культуры и образования земель, была выдвинута в 2008 г. на тот момент Министром иностранных дел ФРГ Франком-Вальтером Штайнмайером (с 2017 г. – Федеральный президент Германии). С помощью современного учебного материала, повышения квалификации учителей, школьных обменов и стипендий она поддерживает школы по всему миру, предлагающие квалифицированное изучение немецкого языка. На данный момент PASCH курирует более 2000 школ в 120 странах мира. Основное внимание после Европы отводится Азии, Южной Америке и Ближнему Востоку. В 2018 г. бюджет PASCH составлял 51 млн евро.

Совокупный бюджет всех финансируемых германским правительством языковых программ составляет 1 млрд 214 млн евро⁵.

Немаловажную роль в продвижении немецких ценностей играют партийные фонды, выделяющие стипендии одарённым молодым специалистам по различным направлениям:

- Фонд им. Конрада Аденауэра (Христианско-демократический союз);
- Фонд им. Фридриха Эберта (Социал-демократическая партия Германии);
- Фонд им. Фридриха Науманна (Свободная демократическая партия Германии);
- Фонд им. Ганса Зайделя (Христианско-социальный союз);
- Фонд им. Генриха Бёлля (Союз 90/Зеленые);

⁴ Annual Report 2019-2020 // Goethe-Institut. URL: https://www.goethe.de/resources/files/pdf202/gi_jahrbuch_2020.pdf (дата обращения 20.10.2021).

⁵ Pressemappe „10 Jahre PASCH“ // Kultusministerkonferenz. URL: https://www.kmk-pad.org/fileadmin/Dateien/download/Der_PAD/Pressemappe_10JahrePASCH.pdf (дата обращения 20.10.2021).

- Фонд им. Розы Люксембург (Партия демократического социализма, сейчас – «Левые»).

Околополитический посыл несет и Международный сетевой онлайн-университет «Связь культур», – совместный проект Института Гёте и высших учебных заведений Германии, Австрии, России, Грузии и Украины – который «создает условия для развития международного сотрудничества в области образования и предотвращения конфликтов в эпоху политических разногласий»⁶.

Несмотря на то, что единого стандарта преподавания французского языка не существует, министерства образования, культуры и иностранных дел **Франции** разработали общую систему *Qualité français langue étrangère*, которая позволяет пройти центрам преподавания французского языка необходимую процедуру сертификации. Все языковые центры, предоставляющие услуги обучения французскому языку иностранным гражданам и отвечающие ряду общих критериев, могут получить этот сертификат независимо от их статуса – государственный, частный или некоммерческий.

Преподавание французского языка ведется в глобальной сети культурных центров: Французских Альянсов (*Alliance française*) и Французских Институтов (*Institut français*). 145 Институтов располагаются в 92-х странах мира; в 132 странах действуют 850 центров Французского Альянса [4]. Ежегодно около 500 тыс. человек изучают французский в представительствах этой сети.

Продвижением французского языка за рубежом и престижа образования во Франции также занимается структура, аффилированная с министерствами иностранных дел и образования Франции, – Агентство для продвижения высшего образования и международной мобильности (*Campus France*). Это французский государственный центр информации, который предоставляет бесплатные консультации по вопросам системы высшего образования, выбору вузов и программ обучения, а также процедурам получения студенческой визы [39]. Он имеет 220 офисов в 120 странах мира и насчитывает более 265 тысяч выпускников⁷.

Агентство французского образования за рубежом (AEFE) – государственное учреждение, созданное в 1990 г. под эгидой МИД Франции – управляет сетью французских школ за рубежом, преследуя двойную цель: обеспечить непрерывность государственных услуг в сфере образования для французских граждан, живущих за пределами национальной территории, а также содействовать распространению французского языка и культуры за границей. Под управлением Агентства в 139 странах функционируют 522 учебных заведения, где обучаются 370 тыс. учащихся⁸.

Важнейшим плацдармом для реализации языковой политики Франции является Международная организация Франкофонии. Согласно тексту Хартии Франкофонии, организация поддерживает сохранение и распространение французского языка как средства международного общения. С этой целью реализуются лингвистические программы, поддерживается издание книг на

⁶ Международный сетевой онлайн-университет «Связь культур» // Гёте Институт. URL: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/m/spr/eng/inu.html> (дата обращения 20.10.2021).

⁷ Les missions de Campus France. URL: <https://www.campusfrance.org/fr/les-missions-de-campus-france> (дата обращения 20.10.2021).

⁸ Преподавание и изучение французского языка // Министерство Европы и иностранных дел Французской Республики. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/frankofoniya-i-francuzskij-yazyk/l-engagement-de-la-france-en-faveur-de-la-langue-francaise/apprendre-le-francais/> (дата обращения 20.10.2021).

французском, ведётся борьба с неграмотностью. Языковая политика проводится через три инстанции: Международная сеть французского языка (Rifram), объединяющая государственные и негосударственные учреждения франкоговорящих государств, заинтересованные в расширении использования французского языка и улучшении качества его преподавания; Международная сеть по использованию технологий в области поддержания французского языка и языков стран-партнеров (Rifal); Международная сеть франкоязычной литературы (Rilif) [5].

DELF и DALF – это названия экзаменов, которые определяют и сертифицируют знания и уровень владения французским языком иностранцами. Дипломы действительны в течение всей жизни и выдаются после успешной сдачи экзаменов в культурных центрах Франции. Они позволяют обучаться и устроиться на работу во Франции.

На сеть культурных центров Франция выделяет около 140 млн евро ежегодно, бюджет Кампус Франс составляет около 130 млн евро в год.

Доступная во всех университетах и академиях Франции стипендиальная программа Eiffel учреждена Министерством иностранных дел страны с целью привлечения лучших иностранных студентов для обучения в магистратурах и аспирантурах французских вузов. На эту стипендию могут претендовать студенты следующих специальностей: технические науки, экономика, менеджмент, юриспруденция, политология.

Стипендиальная программа Sorégnis тоже появилась при поддержке Правительства Франции для поддержки франкоговорящих молодых экономистов, юристов и инженеров из стран Центральной и Восточной Европы.

Стипендиальная программа Emile Boutmy была учреждена Университетом Sciences Po для поддержки лучших студентов, которые не являются гражданами стран ЕС и которые поступают на обучение в этот университет на одну из программ бакалавриата или магистратуры. В ней могут принимать участие студенты любых специальностей.

Испания является локомотивом популяризации испанского языка на пространстве испанофонии, в которое входит более 20 государств (Испания, Аргентина, Боливия, Венесуэла, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Сальвадор, Уругвай, Чили, Эквадор, Пуэрто-Рико, Экваториальная Гвинея). Королевское правительство постепенно сформировало комплекс институтов с единой целью – формирование обновлённого образа страны и расширение границ внешнеполитического и внешнеэкономического влияния посредством продвижения испанского языка и культуры [6].

Структурной основой упомянутого комплекса стал Институт Сервантеса (Instituto Cervantes) – некоммерческое учреждение, созданное в 1991 г. под эгидой Министерства иностранных дел и при покровительстве монаршей семьи Испании для преподавания испанского языка, распространения испанской и латиноамериканской культуры [7]. В настоящее время 88 центров Института Сервантеса работают в 45 странах мира. Директор Института назначается Советом министров Испании. Деятельность учреждения строится на основе его целей, определённых в Законе о создании Института:

1. Способствовать распространению, изучению и использованию испанского языка во всем мире, совершенствуя методы решения этой задачи;

2. Способствовать распространению испанской культуры за пределами страны при взаимодействии с иностранными компетентными органами и государственными учреждениями⁹.

Помимо языковых курсов (как официального – кастильского, – так и полуофициальных языков Испании, – аранский, баскский, галисийский) и сертификационных языковых экзаменов, Институт поддерживает научную деятельность испанистов, проводит культурные мероприятия и предоставляет открытый доступ в свои библиотеки. Бюджет Института Сервантеса, по данным на 2018 г., составил 129 млн евро¹⁰.

Важной частью культивации испанского языка является сохранение, поддержание и развитие современных языковых стандартов. Определяющую роль в этом играет основанная в 1713 г. Королевская академия испанского языка (Real Academia Española), чьей целью стало сохранение лексики и звучания кастильского языка в их наивысшей «элегантности и чистоте» [8]. Работа академии направлена на формирование языковой и литературной нормы испанского языка, она издает «Словарь испанского языка» и другие лингвистические труды. Исследование живого языка, его развития, общих и региональных трансформаций является ядром их совместной работы с созданной в 1951 г. Ассоциацией академий испанского языка (Asociación de Academias de la Lengua Española), которая объединяет 21 академию стран Латинской Америки, а также Филиппин, Пуэрто-Рико и США.

Уникальной в своём роде является образовательная корпоративная программа Santander Universidades, учрежденная крупнейшей кредитно-финансовой группой Испании «Сантандер», – поощрение образования на испанском языке, создание центров и кафедр испанского языка, развитие изучения Испании. За годы существования программы были заключены договоры с 1000 университетами, предоставлено 68671 грантов на обучение, вложено 119 млн евро по трем стратегическим направлениям: образование (студентов и преподавателей), предпринимательство (для создания сообщества предпринимателей в университетах через объединение компетенций) и трудоустройство студентов (В 2019 г. поддержку программы получили более 19 тыс. выпускников)¹¹.

Общей чертой для всех описанных национальных языковых инициатив и культурно-образовательных программ является то, что изучаемый иностранный язык всецело отражает картину мира своего «родного» государства. Более того, в учебниках и методических пособиях в большинстве случаев присутствуют ценностные ориентиры населения либо ценностная повестка этой страны.

Все эти программы рассчитаны на обучение иностранных студентов по самым разным направлениям. Большинство студентов участвует в них для развития своих способностей, увеличения личного капитала и возможности дальнейшего трудоустройства в стране обучения, исходя из предполагаемого высокого уровня дохода и жизни.

⁹ Ley 7/1991, de 21 de marzo, por la que se crea el Instituto Cervantes (Закон 7/1991 от 21 марта об учреждении Института Сервантеса). URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/17-1991.t1.html (дата обращения 20.10.2021).

¹⁰ Présentation du budget de la politique culturelle à l'étranger // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación. URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/fr/SalaDePrensa/NotasDePrensa/Paginas/2019_NOTAS_P/20190124_NOTA012.aspx (дата обращения 20.10.2021).

¹¹ Banco Santander launches its online #StayAtHome scholarships for over 20,000 university students and lecturers // Santander <https://www.santander.com/en/press-room/news/2020/04/banco-santander-launches-online-stayhome-scholarships-for-over-20000-university> (дата обращения 20.10.2021).

Помимо национальных, есть и международные проекты. На первых стадиях реализации программы **Европейского союза по обмену студентами и преподавателями между университетами** стран-членов ЕС *Erasmus* и *Erasmus+* были нацелены на внутриевропейский сегмент, однако затем они стали распространяться и на другие регионы Евразии (Исландия, Лихтенштейн, Македония, Норвегия, Турция, Сербия), а также на Россию. Задача этих программ в повышении качества образования в Европе, развитии мобильности и культурных связей студентов европейских и соседних с ЕС стран. С момента запуска программы в 1987 г. её участниками стали более 2,2 млн студентов. Для участия в конкурсе кандидату достаточно успешно проучиться минимум 2 года в родном вузе и в достаточной мере овладеть языком, на котором ведется обучение в принимающем университете. Традиционно наибольшее число иностранных студентов принимают Испания, Франция и Германия, они же лидируют и по количеству студентов, отправленных за рубеж. В соотношении к общему наличному числу студентов больше всех на обучение за границу отправляет Люксембург. Эксперты-культурологи в целом согласны, что программы Erasmus способствуют культурной интеграции в Европе и помогает созданию панъевропейской идентичности, а также способствует развитию единой Европы.

Одним из наиболее серьезных инструментов «мягкой силы» Европейского союза в области образования являются **рейтинги вузов** (в частности, QS World University Rankings и Times Higher Education), в которых европейские университеты занимают крайне высокие позиции. Например, Оксфордский и Кембриджский университеты Великобритании стабильно попадают в топ-5 ведущих университетов мира.

В свою очередь, главные российские вузы занимают довольно низкие позиции. Так, в рейтинге QS на 2021/2022 учебный год только МГУ им. М. В. Ломоносова попал в топ-100 (78 место), в то время как ни один другой **российский** вуз не вошёл даже в топ-200¹². И хотя рейтинги далеко не всегда являются объективными, подобная диспропорция в определённом смысле «обесценивает» в глазах населения риторику наших властей об исторически высоком качестве отечественного образования и, напротив, способствует созданию привлекательного имиджа европейской системы образования и науки среди рядовых россиян.

Одна из основных задач в области защиты прав человека, которая поставлена в Глобальной стратегии Евросоюза по внешней политике и политике безопасности¹³, — содействие деятельности **НКО и правозащитников**. В России при поддержке ЕС реализуется ряд проектов в области защиты прав человека, которые предполагают общественную дискуссию, неформальное образование и продвижение соответствующей проблематики силами гражданских активистов. Кроме того, при содействии Евросоюза российские правозащитные некоммерческие организации оказывают помощь гражданам в защите их прав — в том числе заявителям, обратившимся в Европейский суд по правам человека в Страсбурге.

При этом ещё в 1994 г. по инициативе Европарламента был создан Европейский инструмент содействия демократии и правам человека. Речь идёт о финансовой поддержке проектов в области демократии и прав человека по всему миру,

¹² 200 лучших университетов мира - 2021/22 // РИА Новости. 08 июня 2021. URL: <https://na.ria.ru/20210608/qs-1735143578.html> (дата обращения 20.10.2021).

¹³ Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности // European Union External Action. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_global_strategy_ru.pdf (дата обращения 20.10.2021).

в рамках которой ежегодно объявляются конкурсы, направленные, в частности, на оказание помощи правозащитникам, предотвращение пыток, а также реабилитацию жертв жестокого обращения. Размер грантов в таких конкурсах — от 150 тыс. до 2 млн евро, общий объем составляет около 150 млн евро в год. В среднем это позволяет покрыть до 80-90% стоимости всего проекта. В России этот инструмент работает с 1997 г., за этот период поддержку получили около 400 проектов [9].

В то же время, представители российского правозащитного сообщества признают: их организациям «сейчас трудно найти независимые источники финансирования кроме европейских фондов, прежде всего грантов Еврокомиссии»¹⁴.

Вместе с тем, в последние годы работа общественных организаций в России сопряжена с требованием строгого соблюдения национального законодательства в области НКО. Связано это в первую очередь с принятым в 2012 г. и существенно дополненным в 2021 г. так называемым «законом об иностранных агентах»¹⁵, значительно осложнившим получение финансирования из-за рубежа. «Иностранцами агентами», согласно закону, объявляются российские некоммерческие организации, получающие финансирование из иностранных источников и участвующие в то же время в политической деятельности. Такие НКО должны быть включены в специальный реестр Минюста России, для них ужесточаются правила отчетности: число необходимых документов увеличивается в несколько раз, значительно возрастает и степень их детализации. С начала действия закона в соответствующий реестр были включены более 100 организаций. Около 30 из них (включая все занимавшиеся международным усыновлением) из-за возросшей административной и финансовой нагрузки были вынуждены закрыться.

И хотя точного определения политической деятельности в законе нет, отмечается, что научная и иная гуманитарная деятельность не относится к политической. Тем не менее, Евросоюз не прекратил поддержку отдельных организаций, занимающихся в России правозащитной проблематикой.

Иностранные СМИ также являются одним из важнейших инструментов реализации «мягкой силы», поскольку они в буквальном смысле транслируют точку зрения родной страны на происходящие в мире события. С целью донесения своей позиции до граждан России ведущие европейские медиа и информационные агентства содержат русскоязычные службы.

Первая радиотрансляция Би-би-си для СССР состоялась 23 июня 1941 г. — переведенная на русский язык речь У. Черчилля, в который он сообщал о нападении Германии на Советский Союз. Однако регулярное вещание на русском началось позже — с 1946 и продолжалось по 2011 год на коротких и средних волнах. С 2011 г. трансляции Русской службы Би-би-си проходили в формате спутникового Интернет-вещания (официально из-за сокращения бюджета) [10]. В 2019 году вещание было полностью прекращено, впрочем, веб-сайт издания, социальные сети и канал на YouTube продолжают регулярно пополняться новост-

¹⁴ Мишина В. На защите права. Как Евросоюз помогает российским НКО // Совместный проект Европейского союза и ИД «Коммерсантъ». URL: <http://eu.kommersant.ru/prava-cheloveka.html> (дата обращения 20.10.2021).

¹⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 4172; О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях»: Федеральный закон от 05.04.2021 № 75-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 15. Ч. 1. Ст. 2442.

ными заметками, журналистскими расследованиями, репортажами, подкастами и документальными фильмами.

Бюджет Немецкой волны (*Deutsche Welle*) формируется за счёт налоговых средств из федерального бюджета Германии, который разбит на разделы (*Einzelplan*): в нём присутствует раздел Федерального канцлера (*Bundeskanzlerin*) и раздел Бюро федерального канцлера (*Bundeskanzleramts*). В рамках этих двух разделов обеспечивается деятельность Уполномоченного Федерального правительства по делам культуры и СМИ (*Beauftragter der Bundesregierung für Kultur und Medien* — ВКМ), который в свою очередь и финансирует Немецкую волну. Также телекомпания вправе получать деньги от рекламы и спонсорства. Совокупный бюджет в год - 406 млн евро¹⁶.

В пределах франкоговорящих стран вещают *три международных франкоязычных телеканала*, призванные поддерживать интересы Франции, создавать положительный образ страны в мире, содействовать распространению французского языка [4]. Это TV5, CFI (Французский международный телеканал) и TVFI (Французское международное телевидение) В ряде стран, прежде всего африканских, вещание данных телеканалов общедоступно и бесплатно.

Кроме того, создаются и новые русскоязычные СМИ, зарегистрированные и получающие финансирование из стран ЕС. Самым известным информационным агентством, представляющим указанную модель, является издание Meduza, недавно внесённое¹⁷ Минюстом России в Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента. Данным ресурсом регулярно ставятся под сомнение успехи российского политического руководства и всесторонне критикуется деятельность государственного аппарата. Однако благодаря притягательному дизайнерскому оформлению и удобной навигации сайта, а также качественным (текст, аудио и видео) журналистским материалам Meduza набрала весьма высокую популярность в русскоговорящей молодёжной среде.

Таким образом, ведущие европейские государства и Евросоюз в целом располагают впечатляющими возможностями и широким спектром инструментов в области использования «мягкой силы», которые оказывают комплексное социокультурное воздействие на третьи страны, включая Россию, очевидно влияя в том числе на внутривосточные процессы.

Уместен неутешительный вывод о несоразмерности значительных ресурсов, которые направляют отдельные государства-члены и уставные органы ЕС на продвижение общеевропейских культурных и политических ценностей, и относительно скромных усилий российского правительства по расширению «глобального» пространства Русского мира, в том числе на «локальной» территории исторически и цивилизационно близких к России евразийских стран.

Библиографический список

1. Лебедева, М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3(54). С. 212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223.

¹⁶ Annual Report 2019: Revenue and Expenditure Account. Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/en/deutsche-welle-annual-report/a-3530526> (дата обращения 20.10.2021).

¹⁷ Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента // Министерство юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (дата обращения 20.10.2021).

2. Харитонова, Е. М. «Мягкая сила» во внешней политике государства: опыт Великобритании (вторая половина 1990-х – 2010-е гг.): автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Харитонова Елена Марковна; [Место защиты: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН], 2017. 24 с.

3. Красноперова, М. А., Рахманова, С. Т. Язык как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Великобритании на примере деятельности Британского Совета // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8, № 2А. С. 189-195.

4. Боголюбова, Н. М., Николаева, Ю. В. Языковой аспект внешней культурной политики современной Франции // Труды Санкт-петербургского государственного университета культуры и искусств. 2010. Т. 190. С. 211-221.

5. Боголюбова, Н. М., Николаева, Ю. В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен : уч. пособие. СПб. : СПбКО, 2009. 413 с. ISBN 978-5-903983-10-0.

6. Карданова, М. Л., Эздекова, Л. Б. Роль культурно-языкового фактора как инструмента «мягкой силы» во внешней политике Испании // Дискуссия. 2015. № 8(60). С. 72-76.

7. Рябова, Е. Л., Терновая, Л. О. Россия-Испания: многогранность взаимодействия и возможности обучения // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 6(120). С. 15-25.

8. Кудеярова, Н. Испанский язык: две проекции одного явления // Российский совет по международным делам (РСМД). 20 ноября 2013. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ispanskiy-yazyk-dve-proektsii-odnogo-yavleniya> (дата обращения 20.10.2021).

9. Леонов, А. С. Взаимодействие Европейского союза с национальными правозащитными учреждениями в рамках политики развития и европейской политики соседства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 143-152.

10. Гребеньков, С. Д. Проблемы глобализации в СМИ. М. : Лаборатория книги, 2011. 97 с. ISBN 978-5-504-00148-7.

Дата поступления в редакцию: 22.10.2021.

Принята к печати: 19.11.2021.

Сведения об авторе:

Чумаков Виталий Александрович, кандидат политических наук, МВА (European Economics), помощник руководителя ФКУ «Аппарат Общественной палаты России». Москва, Россия.

e-mail: v.chumakov@opr.ru

Author ID РИНЦ: 252113

V. A. Chumakov¹

¹ Civic Chamber of the Russian Federation. Moscow, Russia.

POLITICAL CONTEXTS OF THE “SOFT POWER”, CULTURAL AND EDUCATIONAL DIPLOMACY OF THE EUROPEAN COUNTRIES THROUGH CHANNELS OF LOCAL-GLOBAL INTERACTIONS

Abstract. The use of “soft power” as the set of extensive organizational and project tools by the conventional bodies of the European Union and leading European countries (Great Britain, Germany, France, Spain) for informal promotion of their national interests and common European values in third countries, including Russia, is being examined. Existence of the EU as itself in the comprehensive configuration and with the current ideological principles serves not so much as an example and a role model but as an object of aspiration of both the political elites of non-EU countries and their ordinary population. Despite the notorious disagreements among some of its members on certain political issues EU demonstrates solidarity in adherence to the principles, norms and rules developed over decades for socio-economic and cultural-humanitarian integration. Considered national language programs, cultural and educational initiatives have a common feature that the studied foreign language fully reflects the life of its “native” land. Moreover, textbooks and teaching aids in most cases contain value orientations of the people or value agenda of the whole country. All of them are designed to train foreigners in a variety of majors: as a result, most exchange students participate therein for their capabilities expansion, personal capital increase and possible further employment in the country of study, based on the expected high level of income and everyday life. Conclusion is drawn about the disproportion of the significant resources directed by individual European states and the central EU bodies to promote common European cultural and political values, and the relatively modest efforts of the Russian government to expand the “global” Russian world towards the “local” areas which historically and civilizationally gravitate to Russia.

Keywords: European Union, soft power, European values, language programs, study abroad, NGO, foreign agents.

For citation: Chumakov V.A. (2021) Political contexts of the “soft power”, cultural and educational diplomacy of the European countries through channels of local-global interactions. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. № 4. P. 17-29. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.2

References

1. Lebedeva M. M. (2017) “Soft power”: the concept and approaches. *MGIMO Review of International Relations*. No 3(54). Pp. 212-223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223 (in Russ.).
2. Kharitonova E. M. (2017) “*Myagkaya sila*” vo vneshnei politike gosudarstva: opyt Velikobritanii (vtoraya polovina 1990-kh – 2010-e gg.) Cand. Dis. [“Soft power” in a state’s foreign policy: the United Kingdom’s experience (second half of 1990’s – 2010’s). Cand. Diss] (in Russ.).
3. Krasnoperova M. A., Rakhmanova S. T. (2019) Language as a tool of “soft power” in foreign policy of Great Britain on the example of the British Council. *Theories and Problems of Political Studies*. Vol. 8. No. 2A. Pp. 189-195 (in Russ.).
4. Bogolyubova N. M., Nikolaeva Yu. V. (2010) The linguistic aspect of foreign cultural policy of modern France. *Trudy Sankt-peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Proceedings of St. Petersburg State University of Culture and Arts]*. Vol. 190. Pp. 211-221 (in Russ.).
5. Bogolyubova N. M., Nikolaeva Yu. V. (2009) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i mezh-dunarodnyi kul'turnyi obmen : uch. posobie [Intercultural communication and international cultural exchange : manual]*. SPb. : SPbCO Publ. 413 p. ISBN 978-5-903983-10-0 (in Russ.).
6. Kardanova M. L., Ezdekova L. B. (2015) The role of cultural-linguistic factor as a tool of “soft power” in foreign policy of Spain. *Discussion*. No. 8(60). Pp. 72-76 (in Russ.).

7. Ryabova E. L., Ternovaya L. O. (2018) Russia-Spain: multifaceted interaction and learning opportunities for each other. *Ėtnosocium i mežnacional'naâ kul'tura*. No. 6(120). Pp. 15-25 (in Russ.).

8. Kudeyarova N. (2013) Spanish: two projections of the same phenomenon. *Russian International Affairs Council (RIAC)*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ispanskiy-yazyk-dve-proektsii-odnogo-yavleniya> (last request 20.10.2021) (in Russ.).

9. Leonov A. S. (2015) Interaction between the European Union and national human rights institutions within the frameworks of the EU development policy and the European neighborhood policy. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. No. 3. Pp. 143-152 (in Russ.).

10. Greben'kov S. D. (2011) *Problemy globalizatsii v SMI [Problems of Globalisation in the Media]*. M. : Laboratoriya knigi Publ. 97 p. ISBN 978-5-504-00148-7 (in Russ.).

The article was submitted on October 22, 2021.

Accepted on November 19, 2021.

Information about the author:

Vitaliy A. Chumakov, Candidate of Political Science, MBA (European Economics),
Executive office Assistant head, Civic Chamber of the Russian Federation.

Moscow, Russia.

e-mail: v.chumakov@opr.fu

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

DOI 10.19181/nko.2021.27.4.3
УДК 316.4

М. В. Костоломова¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ЧЕТВЁРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПРОТИВОРЕЧИЯ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ЕЁ ТЕХНО-ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме четвёртой промышленной революции, свидетелями и участниками которой сегодня является каждый член общества. Автор анализирует процесс формирования новой социальной реальности и отмечает его неоднозначный характер. С одной стороны, происходят очевидные инновационные прорывы во многих отраслях жизнедеятельности, способные значительно «улучшить» человеческое существование. С другой стороны, экспоненциально нарастают противоречия и парадоксы такого «дивного нового мира», формируются «отложенные» вызовы и риски, трансформируются морально-нравственные, этические алгоритмы социального взаимодействия. Автор акцентирует внимание на том, что сегодня человечеству, чтобы сформировать равновесно-безопасную социальную среду, необходимо вникнуть в суть процесса четвёртой промышленной революции. Для этого требуется не просто осмысливать свои предстоящие научно-технологические «шаги», но в равной степени те глубинные изменения, которые уже запущены.

Кроме того, в статье также отмечается особая роль пандемии COVID-19, которая, по мнению многих исследователей, навсегда изменила привычные социетальные контуры, сформировав некую «пост-пандемийную» социальную реальность. В работе анализируется уникальность ситуации «наслоенности» двух трансформационных процессов — экспансии четвёртой промышленной революции и реформатирование бытия вирусом COVID-19. В виду этого, как отмечает автор, человек начинает практически, на уровне бытовой жизни, сталкиваться с возрастающим объёмом изменений, порождаемых этими процессами, а также испытывать страх будущего и перманентное состояние тревоги. Поэтому в современной социальной реальности складывается адекватный запрос на формирование «ответа» на новые, в том числе цифровые вызовы и риски, а также необходимость в стратегической разработке регламентирующих и адаптивных мер. Автор обосновывает необходимость разработки стратегии техно-цифровой безопасности и включения её в соответствующие федеральные нормативные акты.

Ключевые слова: четвёртая промышленная революция, индустрия 4.0., социальная реальность, техно-цифровая безопасность, человек, дегуманизация, социум, прогресс, парадокс.

Для цитирования: Костоломова М.В. Четвёртая промышленная революция: противоречия новой социальной реальности и её техно-цифровая безопасность // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 4. С. 30-43. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.3

На заре XXI века человеческая цивилизация приблизилась к стадии такого технологического развития, к которому стремилось все предыдущие столетия. И вот, мы стоим у порога новой социальной реальности, пронизанной ожида-

нием чего-то масштабного, трансформирующего, и порой, даже шокирующего своим инновационным характером. При этом, такое перманентно-возбужденное ожидание как бы «по умолчанию» является предвкушением положительного результата неких *общецивилизационных усилий*. Их лейтмотив — бесконечный прогресс и улучшение качества жизни, и даже преодоление собственной, физиологической «ограниченности» и «конечности». В данном случае невозможно не согласиться с основателем и Президентом Всемирного экономического форума Клаусом Швабом: «По масштабу, объёму и сложности это явление, которое я считаю четвёртой промышленной революцией, не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества» [1, с. 9]. При этом, человечеству ещё только предстоит осознать всю полноту темпов развития и размаха «новой революции». Тем более, что уже на современном этапе очевидны неоднозначные нюансы этого процесса.

С одной стороны, стремление Человека как вида к «дивному новому миру», подразумевающее прогрессивное научно-технологическое развитие во всех сферах жизнедеятельности, кажется вполне адекватным, резонным и даже естественным. С другой стороны, характер, глубина и объём таких открытий за последние десятилетия, а также возможности, которые они открывают, чреватые перевоплощением научного наследия в личное средство достижения негуманистических целей, выражающее гегемонию определенных элитарных групп.

Аналогичным образом балансирует амбивалентная оценка общественности: отчётливо прослеживаются резко полярные позиции на этот счёт. Кардинальные перемены, которые, на первый взгляд, кажутся «нереальными», ассоциируются с далёким будущим, часто, в противовес своей ожидаемости одним сообществом на разных уровнях восприятия (в том числе, на обывательском уровне) сталкиваются со своей невосприимчивостью другой социальной группой. Однако, на самом деле, грядущие перемены более чем реальны, так как уже запустили глобальные парадигмальные сдвиги, затронув все сферы человеческой жизнедеятельности.

В связи с этим, современная социальная реальность — это сложный феномен, который не просто фиксирует переход к иной стадии развития общества, но позиционирует себя *качественно-прорывным скачком к новой технологической* стадии человеческой цивилизации, гораздо более непредсказуемой и мало прогнозируемой. Сегодня можно встретить ещё такие её наименования: цифровая, электронно-цифровая, новая индустриальная стадии и прочее. Однако в данном случае, понятийная категоризация становится лишь неким паллиативом в попытке описать, структурировать, подвести под общий знаменатель комплекс разнонаправленных, но взаимосвязанных процессов. Довольно длительное время можно уделить детерминации происходящих глобальных перемен, их функциональным характеристикам, в попытке «измерить» трансформирующийся ими социальный порядок. «В результате новый социальный порядок, представляется большинству людей метасоциальным беспорядком, т. е. автоматической и неконтролируемой последовательностью событий, диктуемой логикой рынков, технологий, геополитической ситуации и тому подобного» [2, с. 193].

Действительно, под системным воздействием, широтой и глубиной протекающих изменений на микроуровне от обывателя ускользают аспекты, определяющие его социальную жизнь, а на макроуровне — часто упускаются из виду (осознанно или бессознательно) подталкивающие глобальное общество к парадигмальным сдвигам ситуации:

- человек сам формирует и запускает своими действиями изменения социальной среды, затем испытывает на себе последствия этих изменений (неожидаемых, непрогнозируемых). Часто эти трансформации выходят из-под контроля и приносят существенный объём дополнительных явных и латентных вызовов и рисков;
- человек начинает практически сталкиваться с возрастающим объёмом изменений, порождаемых оказывающей влияние на все сферы жизнедеятельности четвёртой промышленной революцией и как результат – начинает испытывать страх будущего.

С одной стороны, в большинстве случаев страх будущего, ожидание чего-то неконтролируемого, но способного в корне изменить привычный уклад жизни – естественная реакция человека на подобную складывающуюся вокруг него обстановку. С другой стороны, определяя такую ситуацию с макро-социологического ракурса, мы сталкиваемся с очевидной и острой проблемой *требования безопасности* как состояния, в том числе, нивелирующего страх индустрии 4.0¹. Причём речь идёт не только о безопасности человека от последствий процессов изменяющейся социальной реальности, но и об объективной безопасности новой социальной структуры по отношению к самой себе (перманентно формирующиеся вызовы и риски), а также о её безопасности на внешнем, международном уровне. Фактически мы говорим о национальной безопасности, точнее об одной из её ключевых сфер.

Дело в том, что с учётом исторического и современного контекста социальной реальности национальная безопасность утратила значение узко отраслевой оборонной направленности, и стала носить интегральный характер, объединив в себе системно все виды безопасности. Национальная безопасность – это «состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее, – граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и *все виды безопасности (курсив авт.)*, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности»². Поэтому государство должно выступать гарантом национальной безопасности, что подразумевает обеспечение безопасности общества по ключевым сферам его жизнедеятельности (военная, экономическая, финансовая, энергетическая и ресурсно-сырьевая, продовольственная, социальная, социокультурная, демографическая, социально-политическая, экологическая безопасности и пр.).

Техно-цифровая среда, пронизывающая практически всю человеческую жизнедеятельность, на сегодняшний день не просто переходит в разряд таких ключевых сфер, но занимает среди прочих *одно из определяющих положений*. Современная социальная реальность сталкивается с устойчивой потребностью

¹ Изначально термин «Индустрия 4.0» после своего появления в 2011 году на Ганноверской промышленной выставке-ярмарке был предназначен для обозначения новой технологической концепции «умного завода», сегодня он часто употребляется как синоним Четвёртой промышленной революции.

² «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 // Гарант: [информационно-правовой портал]. URL: <https://base.garant.ru/71296054/> (дата обращения: 26.08.2021).

в формировании «ответа» на новые цифровые риски и угрозы, а также в стратегической разработке регламентирующих и адаптивных мер. Техно-цифровая безопасность должна быть обеспечена государством на национальном уровне и, следовательно, требует включения в соответствующие нормативные акты [3].

Под *техно-цифровой безопасностью* мы предлагаем понимать такое состояние как личности, так и всего общества в целом, когда, с одной стороны, обеспечивается соответствующее мировому уровню технологическое и электронно-цифровое развитие государства в рамках установленных норм и утвержденных этических регламентов, с другой стороны, на всех уровнях власти оперативно осуществляется регламентированная деятельность по устранению возникающих в процессе цифровизации и технологизации человеческой жизнедеятельности цифровых рисков и угроз посредством превентивных, адаптивных или нивелирующих мер. Такой подход позволит в допустимом объёме контролировать ситуацию, формируя среду динамичного, но устойчивого равновесия [3].

Сегодня человечеству, чтобы достичь столь амбициозной цели в формировании равновесно-безопасной социальной среды, необходимо вникнуть в суть процесса четвёртой промышленной революции. Для этого требуется не просто осмысливать свои предстоящие научно-технологические «шаги», но в равной степени те глубинные изменения, которые уже запущены. Тем более, беспелециозно позитивный посыл, исходящий от апологетов и однозначных сторонников интенсификации данного «революционного» процесса, вызывает справедливые вопросы *так ли это на самом деле*, ведь даже сам К. Шваб заявляет: «Как и в случае большей части инноваций четвёртой промышленной революции, *последствия возникновения, развития и использования новых материалов предугадать невозможно*» (*курсив авт.*) [1, с. 35].

Также стоит отметить, что весь процесс анализа «глубинных изменений» индустрии 4.0 и последующая методологическая разработка концепта техно-цифровой безопасности осложняется *парадоксальностью* современной социальной реальности. Учтём следующий комплекс наиболее важных противоречий.

- Человек как созидатель и деструктор.

Хотя человечество стоит на пороге четвёртой промышленной революции и продолжает являться носителем величайших духовных и материальных ценностей, в современной социальной реальности сложились явления и процессы (запущенные самим же человеком), которые не только угрожают уничтожением всех достижений человеческого гения, но и самой человеческой цивилизации. Среди основных угроз следует обозначить: разрушение естественной среды обитания человека; усиление глобального экономического неравенства; интенсификация процесса распада «традиционных ценностей»; религиозная и идеологическая радикализация; международный терроризм; возрастание роли личностного (человеческого) фактора и его воздействия на явления и процессы социальной реальности; повышение вероятности межгосударственных конфликтов (в т.ч. информационных и гибридных); создание новейших социальных технологий (типа «управляемого хаоса» и пр.); и, наконец, *неадекватное использование высокотехнологий* (цифровых, нано, биотехнологий) [4].

Это происходит от того, что закон социальной энтропии³ связывает воедино круг проблем, обусловленных взаимоотношением человека и социальной ре-

³ Закон социальной энтропии: степень энтропии старой системы социальной реальности прямо пропорциональна содержанию и характеру действий человека как стратегического элемента этой системы и обратно пропорциональна воздействию складывающейся на основе этих действий характеру и содержанию новой социальной реальности (авт. Осипов Г.В.) [5].

альности [5]. Сосредоточение последнего на азарте технологических открытий даже во имя «благих» целей сегодня не только теряет всякий смысл без научного социологического анализа, но и, как мы уже упомянули, приобретает характер невежественной безответственности, способной привести к катастрофе.

- Прагматичные оптимисты: обязательства без ответственности.

Ещё одним, не менее весомым аргументом в аспекте необходимого, более внимательного, научного анализа происходящих перемен, следует обозначить принципиальную позицию сторонников интенсивного и «незамедлительного» технологического прогресса. Неоднократно упомянутый нами Клаус Шваб, являющийся центральным «рупором» и апологетом индустрии 4.0., считает себя «прагматичным оптимистом», уверенным, что так или иначе, положительные эффекты технологических инноваций перевесят все их негативные проявления. Тем более, по его мнению, а значит и по мнению значительной, заинтересованной доли его сторонников, представителей мировых корпораций, научного сообщества, бизнеса и экономики «фактически наука развивается такими темпами, что на пути прогресса встают уже не технические, а юридические, нормативные и этические ограничения» [1, с. 42]. Получается, что по мнению «прагматичных оптимистов», этика и мораль — это лишь препятствия на пути реализации, например, «спроектированных младенцев, обладающих конкретными качествами или устойчивостью к определенным заболеваниям» или «генно-модифицированных животных» [1, с. 44].

- Экспоненциальный рост спирали последствий и качества знания.

Сегодня мы можем наблюдать ещё один парадокс: трансформационные изменения, то есть последствия, которые влечёт за собой переход к индустрии 4.0, *сами становятся источником* воздействия на ход этой революции (как процесса во времени). При этом, перманентно увеличивается скорость их возникновения.

Также стремительная «текучесть» социальной реальности, форсируемая разработкой и использованием новых наукоёмких технологий, способствует общему накоплению знания в некий содержательный информационный континуум, его смысловой трансформации и выходу из-под контроля на новый системный уровень. То есть, «обнаружение одного нового явления в науке может приводить к тому, что оно, в рамках сопутствующих интеллектуальных разработок, неоднократно усиливается в течение короткого срока, приобретая иные качественные характеристики и последствия для общества» [4, с. 131].

Приведённые выше парадоксы не исчерпывают перечень противоречий, скорее они становятся некой имманентной константой современного общества, а также несут за собой шлейф связанных с ними новых парадоксальных ситуаций. Поэтому не вопреки, а благодаря стойкой, но довольно односторонней уверенности «прагматичных оптимистов» в завтрашнем дне и стремлении к «дивному новому миру», сегодня очевидна необходимость разработки стратегий, способных хотя бы в минимальных масштабах в будущем упреждать «подводные камни» настигающей нас четвёртой промышленной революции. Этот факт возвращает нас к запросу на *концепт техно-цифровой безопасности и переводу его в практическую плоскость*.

Однако, чтобы осуществить методологическую разработку стратегии техно-цифровой безопасности, необходимо провести довольно глубокий анализ основных научных достижений. Все новые открытия сегодня имеют, по мнению Шваба, общую особенность: «они эффективно используют всепроникающую силу цифровых и информационных технологий» [1, с. 31]. Основатель Всемир-

ного экономического форума выделяет 21 «глубинное изменение» в качестве определяющих дальнейшие тренды развития науки и технологии достижения. Среди наиболее активно развивающихся «изменений»: имплантируемые технологии, «носимый» интернет и интернет вещей, «умный» дом и «умные» города, беспилотные технологии, искусственный интеллект, принимающий управленческие(!) решения и прочее [1, с. 288]. Очевидно, что каждое из перечисленных достижений имеет как положительный, так и отрицательный эффект для человека в частности, и для социума в целом. Но для разработки стратегии техно-цифровой безопасности недостаточна оценка дихотомии «хорошо-плохо».

На наш взгляд требуется *онтологический анализ истинной сути* последствий перемен, которые влечёт за собой четвёртая промышленная революция. Речь идёт, как сказано ранее, не об очевидных положительных или отрицательных предполагаемых эффектах того или иного открытия (например, редактирования генома), а о том, как оно, это открытие, уже проявило себя метафизически, как оно повлияло на человека и социум. Фактически мы говорим о парадигмальном сдвиге, «других», нематериальных фундаментальных пертурбациях, которые навсегда изменят (или уже изменили?) привычную для нас социальную реальность.

В качестве неоспоримого фактора трансформации социальной реальности выступила и пандемия COVID-19, которая, по мнению многих исследователей навсегда разорвала привычные социетальные контуры, сформировав некую «постпандемийную» социальную реальность. Безусловно, речь идёт о пока ещё плохо изученном феномене с иными траекториями развития в настоящем и будущем, но совершенно очевидно, что макросоциетальные и микросоциетальные изменения в социуме, запущенные пандемией, таят в себе значительный «взрывной» потенциал, требующий в перспективе понимания и адекватного ответа от общества. Таким образом, помноженность, наложенность сложных, многовекторных процессов друг на друга требуют гибкой, адаптивной и динамичной стратегии техно-цифровой безопасности, которая позволила бы избежать односторонней позиции в формировании своего методологического основания.

При разработке стратегии и сопряжённому с ней поиску выхода социальной реальности в состояние устойчивого развития необходимо обратить внимание на следующие динамично развивающиеся *тренды*, заложенные как последствиями COVID-19, так и общим трансформационным посылом индустрии 4.0.

1. Рандомное возникновение новых вызовов и рисков (в том числе цифровых) – приоритетный тренд, который следует учитывать при выработке стратегии техно-цифровой безопасности. Несмотря на тот факт, что качественный и количественный порядок научных открытий и достижений растёт, здесь и сейчас социум является чаще сторонним наблюдателем этих процессов, нежели активным пользователем. Этот факт сопряжён со множеством бытовых, экономических, социальных, культурных и прочих нюансов, начиная от недоступности этих технологий из-за дороговизны или их социально-групповой элитарной «эксклюзивности» и заканчивая информационной изолированностью, выражающейся в неосведомленности обывателя о «новейших открытиях». Требуется признание того факта, что *методологически* новые технологии при всей нацеленности на эффективный результат *сегодня* по своим перспективным и качественным характеристикам рассчитаны на «будущие», «отложенные» эффекты. В виду этого, просчитать вероятные риски и большие вызовы в настоящий момент практически невозможно.

2. Новые правила жизнедеятельности – трансформация этики и морали.

Изменения, происходящие в новой социальной реальности, рано или поздно достигнут точки конфликта с устоявшимися морально-нравственными правилами, ценностным каркасом отживающей себя парадигмы социального устройства.

Поэтому целесообразно вести речь о движении в направлении создания новых регулятивных правил и ментальных алгоритмов жизнедеятельности социума. Особого внимания и сохранения требуют этические нормы, устоявшиеся в обществе и стабилизирующие его. Наиболее трудной задачей с позиции сохранения социального баланса будет проведение демаркационной линии между «хорошими» и «плохими» инновациями для человека. Причём как с позиции борьбы общественных мнений, так и с позиции лоббирующих «прогресс любой ценой» элит.

3. Индифферентность в оценке инноваций.

В инновациях четвёртой промышленной революции всегда присутствует незримая рискованная составляющая и новый сокрытый для общества смысл, как положительный, так и отрицательный, подчас преодолевающий глубоко устоявшиеся правила жизнедеятельности общества. Тем более, как было упомянуто ранее, совершенные открытия, чаще всего, имеют «отложенный» эффект, а это значит, что их объективная оценка сейчас невозможна. На формирование тренда индифферентной оценки происходящих научно-технологических «прорывов» сильно повлияла обрушившаяся на мир пандемия COVID-19, когда, например, многие научные изыскания «вдруг» оказались не важны, а первостепенной задачей стали поиски вакцины.

4. Углубление онтологического неравенства.

Основной сутью данного тренда является глубокий когнитивный диссонанс, заключающийся в том, что проходя этап развития и становления высокотехнологического пространства, ментально социум отстаёт от него.

Из-за высоких скоростей технологического развития отсутствует осмысление обществом общей картины изменений и как следствие происходит отставание от своевременного «встраивания» в них. Временная и содержательная невозможность успеть за данными изменениями порождает некоторую автономность «постпандемийной» социальной реальности, где её пространство самодостаточно и локализовано от общества. «В результате мы можем стать свидетелями нарастающей поляризации в мире, которая разделит тех, кто принимает происходящие изменения, и тех, кто им сопротивляется» [1, с. 160].

Разумно вести речь не только о смене образа, глубине и скорости мышления человечества – мало просто чувствовать скоростной масштаб изменений, но нужно ему соответствовать, иметь необходимые навыки жизни, уметь оперативно принимать решения. Актуализируется качественное изменение самого человека, его внутренних ритмов и наличие некоей социально-психологической мимикрии в новых реалиях.

Поэтому социум сейчас переживает сложный и многоуровневый процесс «онтологического расслоения», когда одни социальные группы продолжают жить по укоренившимся картинам мира многолетней давности, не имеющим к реальности прямого отношения, а другие – легко «вливаются» в новое техно-цифровое социальное пространство, формируя класс «продвинутого»

пользователя этой реальности. Как пишет К. Шваб: «Это онтологическое неравенство разделит тех, кто приспособился, и тех, кто сопротивляется переменам, превратив их, по сути, в победителей и неудачников. Победители могут даже получить выгоду от некоторых проявлений радикального улучшения человека, возникших в результате деятельности определённых секторов четвёртой промышленной революции (например, генной инженерии), тогда как неудачники таких возможностей будут лишены» [1, с. 160].

Кроме того, если обратить внимание на материальное выражение данного аспекта неравенства, то «опасность заключается в том, что четвёртая промышленная революция делает принцип «победитель получает всё» доминирующим в отношениях между странами и внутри них. Это усугубит социальное напряжение и конфликты, обусловит создание менее взаимосвязанного и более нестабильного мира, особенно с учётом того, что сегодня люди значительно лучше информированы о социальной несправедливости и несоответствиях в условиях жизни разных стран» [1, с. 79].

5. Отчуждение идентичности (обезличивание, потеря «я»).

Современная социальная реальность в силу воздействующих на неё извне факторов стала по-бодрийеровски гиперреальна: что реально, а что ложно? Общецивилизационная экспансия четвёртой промышленной революции, помноженная на пандемию COVID-19, сформировала опасную для идентичности человека среду, причём в нескольких проекциях – ментальной, психологической, физической.

Ментально и психологически человек переживает кризис своей идентичности в аспекте испытываемых им широкого спектра «непривычных» эмоций, не вписывающихся в его «допандемийную» картину мира. Цифровая среда, в свою очередь, как бы закрепляет своим существованием и своими инструментами этот гиперреальный мир. Посредством цифровой среды стало возможным выразить весь поток как положительных, так и сугубо отрицательных эмоций, но не вступая в «живой» контакт с другим человеком. Стремительно развивающаяся симуляция общения, виртуальное взаимодействие с другим(-и), в карантинный период приобрела совершенно новое значение, став, с одной стороны, «мостом» между людьми. При том, что, с другой стороны, она укрепила ложное чувство «перманентной коннективности», круглосуточного бытия «на связи». Такая ситуация сформировала парадоксальное ощущение, с одной стороны, близости со всем миром, с другой стороны – отчуждения от него, индифферентности. Этот диссонанс не только ещё больше обострил чувство одиночества, но приблизил человека к потере собственного «я».

Стихийно возникающая и намеренно конструируемая в обществе полемика на тему пандемии COVID-19, связанный с ней коллективный страх, воздействуют на каждого индивида в той или иной степени. Человек теряет *свои* ценностные и мировоззренческие установки, он не понимает, кем является в этом мире, что теперь хорошо, а что плохо, где границы толерантности и собственного мнения – слишком велико разнообразие предлагаемых и часто навязываемых вариантов. Несмотря на кажущееся многообразие выбора посредством цифровой среды формируются и запускаются извне определённые тренды на восприятие и оценку современной реальности, основополагающих ценностей и «правильных» установок. Такая «цифровая мода» не даёт челове-

ку быть собой, усугубляя чувство подавленной растерянности и подталкивая к напускному конформизму.

6. Дегуманизация (новый виток) [6].

Стремительное распространение вируса COVID-19 по всему миру и сопутствующие процессы трансформации социальной реальности сегодня сконструировали тренд, который в будущем будет лишь развиваться. Вопрос о том, как выжить в создавшихся условиях приобретает особое значение. Помимо узкого смысла, акцентированного на буквально физическом выживании Человека, рождается смысл широкий, подразумевающий выживание и *сохранение Человека как создателя и регулятора своей социальной реальности*.

«Посткарантинная» реальность, помноженная на технологическую гонку индустрии 4.0., создает волну процесса дегуманизации, который выражается в следующем:

- *В размытии ценностного «каркаса»* посредством внушения через СМИ (в основном через сеть Интернет) «непопулярных», но удобных для определенных группировок идей, мыслей, установок, что в результате выражается в трудностях при выстраивании межличностных связей, в деформации института семьи, потере морально-нравственных ориентиров, отказе от табуирования и запретов, привитии цинизма и т.д.
- *В постепенном разрушении мировоззрения*, как целостной, объёмной картины мира и подмена «новой философией» транс- и постгуманизма, подразумевающей «бесконечное улучшение человека с использованием достижений научно-технического прогресса (ко-эволюция человека и роботизированных систем, киборгизация)» [7, с. 18], а также формирование «искусственной копии тела человека, управляемой мыслью с помощью нейроинтерфейса»⁴. И хотя данные мировоззренческие концепции широко подвергаются критике, скорее всего, их последователи будут расти в силу общего контекста социетального развития в сторону индустрии 4.0.
- *В экспансии цифровых технологий*: декларируются преимущества искусственного интеллекта (далее – ИИ) над разумом человека, внушаются благие цели цифровизации человеческой жизни («облегчение» быта, процесса коммуникации, усвоения знаний, физического продления жизни, улучшение своего организма и пр.), что выражается как в конкретных, очевидных процессах, как, например, вытеснение человека с его рабочего места и замена его ИИ (имеем в виду любой вид труда), так и в возникновении нового вида отклоняющегося поведения – *цифровой девиации*⁵. Формируется ресурсная база для контроля всех сфер жизни человека.
- *В процессе отчуждения права на личную свободу*, обретающего в виду всеобщей и порой принудительной цифровизации, ощутимый для Человека масштаб. Сегодня технологии позволяют по «цифровому следу» («кибер-тени»), оставляемому пользователем, собрать всю требуемую о нём информацию: его характер, интересы, желания, внешность, круг общения

⁴ Ключевые этапы проекта Аватар //Россия-2045. Стратегическое общественное движение: [сайт]. URL: <http://www.2045.ru> (дата обращения 25.08.2021).

⁵ Цифровая девиация, или цифровое девиантное поведение – это совокупность эмоциональных, физических, социальных, интеллектуальных и мировоззренческих реакций Человека на кардинальные изменения окружающей социальной среды, вызванные влиянием цифровизации на все уровни человеческого бытия [10].

и пр. «Мы словно обзавелись еще одним набором генов — но уже цифровых. Множество алгоритмов уже сегодня идут по нашему цифровому следу, занимаясь анализом написанных нами текстов или профилированием в соцсетях...»⁶. Таким образом, при необходимости возможно не только контролировать человека, но также направлять его самого или его действия. Ситуация, с введенными цифровыми пропусками для передвижения населения в целях сдерживания распространения вируса COVID-19, наглядно проиллюстрировала, что сегодня такой контроль возможен не только в виртуальном пространстве.

- *В направленной дегуманизации социальных институтов*, что приводит к переформатированию функций этих институтов как средств, способствующих стратегии расчеловечивания. Довольно яркий пример – система образования. Постепенное и растянутое во времени отчуждение гуманистической парадигмы, выражающееся в обесценивании и выхолащивании самой сути процесса передачи знания через диалог ученика и учителя. Сегодня созданы все условия для того, чтобы этот процесс напоминал сделку между поставщиком (педагогом) услуги (образовательной) и её потребителем (учеником). Кроме того, небывалое до этого, широкое распространение, во время активной фазы пандемии COVID-19, получило дистанционное обучение, в принципе исключаящую какую-либо «живую» коммуникацию.
- *В дегуманизации научного знания*, что заложило основы для «расчеловечивания» посредством системообразующих институтов – науки и образования. Существует мнение, что «уже на ранних этапах становления новоевропейская наука является дегуманизированной, поскольку основная её претензия на объективность задается однозначно сконструированным предметом изучения, использованием некоторых стандартных правил его исследования и *исключением личности из процесса познания*» [8, с. 77].
- *В направленной дегуманизации Человека в различных аспектах его бытия* – духовном, физическом, коммуникативном, этическом, эстетическом и др. Такой подход подразумевает внедрение нового, соответствующего индустрии 4.0., «гиперреального» потребления, как процесса, определяющего человека. «Фундаментальный бессознательный, автоматический выбор потребителя состоит в принятии стиля жизни особого общества (значит, это больше не выбор! – тем самым опровергается теория автономии и суверенности потребителя)» [9, с. 99]. Намеренно подвергается обесценению язык, навязываются новые гендерные роли, разрушается этнокультурная идентичность и прочее.

7. Требование соответствия Человека новой реальности.

Технологии четвёртой промышленной революции, укорененные в современной социальной реальности благодаря карантинному периоду, в свою очередь диктуют неотложную необходимость формирования новых умений, знаний и компетенций у социума. Важно отметить прямую взаимозависимость современного высокотехнологичного «постпандемийного» рынка труда и необходимости приобретения обществом качественно иных и содержательно новых (инновативных) компетенций для широкого круга профессий, что также формирует

⁶ *Пази М.* Кибер-ДНК // Эксперт online/ [сайт]. 02.09.2019. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2019/16/kiber-dnk/ (дата обращения 07.09.2021).

маргинализированную часть общества – «выпавших» из профессии людей. Тем более, что «почти треть работающих граждан (30%) считают, что *не становятся более профессиональными* на своей работе»⁷. Подобные тенденции отражены в результатах многочисленных исследований, проведённых за период пандемии. Например, согласно опросу, проведённому компанией Boston Consulting Group, специализирующейся на управленческом консалтинге, только 3% опрошенных россиян не хотят переqualificироваться ни при каких обстоятельствах, в то время как 56% высказали своё желание сменить сферу деятельности в любом случае, а 41% опрошенных готовы переqualificироваться, *если будет необходимость*⁸.

Неоспорим тот факт, что уже сегодня новые технологии кардинально изменяют характер рынка труда во всех отраслях и профессиях. Фундаментальной неопределённостью остаётся степень замены труда автоматизацией. Вероятно, в большей степени это будет зависеть от уровня экономического развития конкретной страны и конкретно рассматриваемой отрасли.

Заключение. Современная социальная реальность – сложный феномен, в качестве неоспоримых факторов трансформации которого выступают многочисленные и разнонаправленные процессы четвёртой промышленной революции и последствия пандемии COVID-19. Думаем, эти события уже навсегда разорвали привычные социетальные контуры, сформировав некую совершенно новую парадигму социальной реальности. Немалое количество противоречий и парадоксов неизбежно формирует социальную реальность как феномен, состоящий из огромного числа неизвестных переменных. Безусловно, речь идет о феномене с иными траекториями развития в настоящем и будущем, но совершенно очевидно, что макросоциетальные и микросоциетальные изменения в обществе, порожденные индустрией 4.0. и пандемией, таят в себе значительный «взрывной» потенциал, требующий в перспективе понимания и адекватного ответа от общества.

Сегодня вопрос о том, как не только жить, но и выживать в создавшихся условиях, приобретает особое значение. Необходимо концентрироваться на задаче сохранения за Человеком роли создателя и регулятора адекватной и комфортной для себя социальной реальности. Учитывая синергетический эффект происходящих процессов, их многовекторность, помноженность и наложенность друг на друга, требуется гибкая, адаптивная и динамичная *стратегия техно-цифровой безопасности*, которая позволила бы выйти на метасоциологический уровень решения многих дестабилизирующих общество проблем и избежать односторонней позиции в оценке «отложенных» больших вызовов и рисков.

⁷ Человек и его работа // ВЦИОМ: [сайт]. 24.08.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chelovek-i-ego-rabota> (дата обращения 07.09.2021).

⁸ Опрос BCG проходил в период с октября по начало декабря 2020 года. Специалисты опросили более 200 тыс. человек из 190 стран мира. В выборку вошли мужчины и женщины в равных долях. В основном представители компании опрашивали людей до 40 лет. [См. Как пандемия изменила рынок труда // РБК Тренды: [сайт]. 31.05.2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/60ae308e9a7947daf82dcdd9> (дата обращения: 07.09.2021)].

Библиографический список

1. Шваб, К. Четвёртая промышленная революция. М. : Эксмо, 2020. 288 с. ISBN 978-5-699-98379-7.
2. Осипов, Г. В., Степашин, С. В. Экономика и социология знания: практическое пособие. М. : Наука, 2009. 220 с. ISBN 978-5-02-036842-2.
3. Костоломова, М. В., Кареева, С. Г., Пинчук, А. Н. Концепт техно-цифровой безопасности: социальный контекст становления и теоретико-методологические основания // Вестник НГУЭУ. 2021. № 2. С. 220-230. DOI: 10.34020/2073-6495-2021-2-220-230.
4. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве / Г. В. Осипов, С. Г. Кареева, С. В. Климовицкий [и др.]; отв. ред. Г. В. Осипов. М.-СПб. : Нестор-История, 2020. 208 с. ISBN 978-5-4469-1638-2.
5. Осипов, Г. В. Введение в социологическую науку. М. : Наука, 2010. 336 с. ISBN 978-5-02-037103-3.
6. Костоломова, М. В. Социальная реальность и процесс дегуманизации: новые смыслы // Вестник НГУЭУ. 2020. № 3. С. 241-250. DOI: 10.34020/2073-6495-2020-3-241-250.
7. Костоломова, М. В. Трансгуманизм: от идей к парадигме // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2019. № 6. С. 17-22. DOI: 10.20339/AM.06-19.017.
8. Макиенко, М. А. Истоки дегуманизации научного знания // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 318, № 6. С. 72-77.
9. Бодрийяр, Ж. Общество потребления / пер. с франц. Е. А. Самарская. М. : АСТ, 2020. 384 с. ISBN 978-5-17-122729-6.
10. Костоломова М. В. Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 2(30). С. 41-53. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7302.

: 16.09.2021.
: 08.10.2021.

Сведения об авторе:

Костоломова Марина Викторовна, кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
e-mail: m.kostolomova@yandex.ru
Author ID РИНЦ: 783830
ResearcherID (Web of Science): H-1743-2016

M. V. Kostolomova¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION: CONTRADICTIONS OF THE NEW SOCIAL REALITY AND ITS TECHNO-DIGITAL SECURITY

Annotation. The article is devoted to the topical topic of the fourth industrial revolution, which every member of society is witnessing and participating in today. The author analyzes the process of forming a new social reality and notes its ambiguous nature. On the one hand, there are obvious innovative breakthroughs in many areas of life that can significantly “improve” human (not only social) existence. On the other hand, the contradictions and paradoxes of such a “brave new world” are exponentially increasing, “deferred” challenges and risks are being formed, moral and ethical algorithms of social interaction are being transformed. The author focuses on the fact that today humanity, in order to form a balanced and safe social environment, needs to delve into the essence of the process of the fourth industrial revolution. To do this, it is necessary not just to comprehend their upcoming scientific and technological “steps”, but equally those profound changes that have already been launched.

In addition, the article also notes the special role of the COVID-19 pandemic, which, according to many researchers, has forever changed the usual societal contours, forming a kind of “post-pandemic” social reality. The paper analyzes the uniqueness of the situation of “layering” of two transformational processes – the expansion of the fourth industrial revolution and the reformatting of being by the COVID-19 virus. In view of this, as the author notes, a person begins practically, at the level of everyday life, to face an increasing volume of changes generated by these processes, as well as to experience fear of the future and a permanent state of anxiety. Therefore, in the modern social reality, there is an adequate demand for the formation of a “response” to new, including digital challenges and risks, as well as in the strategic development of regulatory and adaptive measures. The author substantiates the need to develop a strategy for techno-digital security and include it in the relevant federal regulations.

Keywords: the fourth industrial revolution, industry 4.0., social reality, techno-digital security, man, dehumanization, society, progress, paradox.

For citation: Kostolomova M.V. (2021) *The fourth industrial revolution: contradictions of the new social reality and its techno-digital security.* Science. Culture. Society. Vol. 27. № 4. P. 30-43. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.3

References

1. Shvab K. (2020) *The fourth industrial revolution.* M. : Eksmo. 288 p. ISBN 978-5-699-98379-7 (in Russ.).
2. Osipov G. V., Stepashin, S. V. (2009) *Economics and sociology of knowledge.* M. : Nauka. 220 p. ISBN 978-5-02-036842-2 (in Russ.).
3. Kostolomova M. V., Karepova S. G., Pinchuk A. N. (2021) Concept of Techno-Digital Security: Social Context of its Formation and Theoretical-Methodological Foundations. *Vestnik NSUEM.* No. 2. Pp. 220-230. DOI: 10.34020/2073-6495-2021-2-220-230 (in Russ.).
4. Osipov G. V., Karepova S. G., Klimovickij S. V. [et al.] *New social reality: system-creating factors, security and development prospects.* M.-SPb. : Nestor-Historia. 208 p. ISBN 978-5-4469-1638-2 (in Russ.).
5. Osipov G. V. (2010) *Introduction to Sociological Science.* M. : Nauka. 336 p. ISBN 978-5-02-037103-3 (in Russ.).
6. Kostolomova M. V. (2020) Social Reality and the Dehumanization Process: New Meanings. *Vestnik NSUEM.* No. 3. Pp. 241-250. DOI: 10.34020/2073-6495-2020-3-241-250 (in Russ.).
7. Kostolomova M. V. (2019) Trans-humanism: from ideas to paradigm. *Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly.* No. 6. Pp. 17-22. DOI: 10.20339/AM.06-19.017 (in Russ.).
8. Makienko M. A. (2011) The origins of the dehumanisation of scientific knowledge. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta.* Vol. 318, No. 6. Pp. 72-77 (in Russ.).

9. Baudrillard J. (2020) *La Société de consommation*. Trans. by E. A. Samarskaya. M. : AST Publ. 384 p. ISBN 978-5-17-122729-6 (in Russ.).

10. Kostolomova M. V. (2020) Digital Deviance as a Phenomenon of New Social Reality: Methodological Foundations and Conceptualization. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 8, No. 2. Pp. 41-53. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7302 (in Russ.).

The article was submitted on September 16, 2021.

Accepted on October 08, 2021.

Information about the author:

Marina V. Kostolomova, Candidate of Sociology, Leading Researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

e-mail: m.kostolomova@yandex.ru

Author ID РИИЦ: 783830

ResearcherID (Web of Science): H-1743-2016

DOI 10.19181/nko.2021.27.4.4
УДК 316.62

D. Gupta¹

¹ Tripura University, Agartala, India.

THE IMPACT OF PANDEMIC ON OUR DAILY LIFE: THE CASE OF THE INDIA

Abstract. We feel lonely from time to time and these feelings of loneliness sometimes have a serious effect on our mental health. However, in this pandemic this feeling of loneliness was a long time scenario. It has been seen that the long-term loneliness is associated with an increased risk of certain mental health problems, including depression, anxiety and increased stress. During this Pandemic we have seen a different situation and a change this change has a serious impact on everyone's life. Due to Covid-19 there was a serious lock down in the country. This lock down has created a feeling of separation and loneliness in the life's of every individual, due to this lockdown all schools, colleges and Universities have been closed and due to this everything was in an online mode. Many students living in the villages in India had to face a lot of network problems and it was a problem for them to do online classes. All the markets and shops were closed and there was also a rise in the prices and the small shops have to face a lot of losses due to this pandemic situation. Hope everyone can get a better life after this pandemic. My work is focused on all over India but especially on Tripura.

Keywords: loneliness, separation, mental health, feelings, lockdown.

For citation: Gupta D. (2021) The impact of pandemic on our daily life: the case of the India. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 4. P. 44-53. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.4

Introduction. Pandemic has rapidly affected our day-to-day life, businesses, disrupted the world trade and movements. Most of the countries have slowed down their manufacturing of the products. The various industries and sectors are affected by the cause of this disease; these include the pharmaceuticals industry, solar power sector, tourism, Information and electronics industry. This virus creates significant knock-on effects on the daily life of citizens, as well as about the global economy. This pandemic has affected thousands of peoples, who are either sick or are being killed due to the spread of this disease. The most common symptoms of this viral infection are fever, cold, cough, bone pain and breathing problems, and ultimately leading to pneumonia. This, being a new viral disease affecting humans for the first time, at present vaccines is available. Thus, the emphasis is on taking extensive precautions such as extensive hygiene protocol (e.g., regularly washing of hands, avoidance of face-to-face interaction etc.), social distancing, and wearing of masks, and so on. This virus is spreading exponentially region wise. Countries are banning gatherings of people to the spread and break the exponential curve. Many countries are locking their population and enforcing strict quarantine to control the spread of the havoc of this highly communicable disease.

Research methods. The study is qualitative in nature. Both primary and secondary data are collected for the study. Primary data is collected from field through some interaction and telephonic interview. Secondary data has been collected from books, research articles, websites and internet source.

This paper has been reviewed from the secondary data available, as well as some primary data is have been taken by the help of some interaction of different persons

and telephonic interview, various past journals, research papers, and other useful websites related to Pandemic, problems of young people and old people, physical and mental as well as Suicidal thoughts, due to the Pandemic. My work is based on India but I had focused mainly on my state Tripura, the second largest state in North east India. For conducting this review research, related articles were focused on and keywords like “stress and anxiety”, “Physical and mental health”, “suicide problems”, “youths”, and “social and emotional problems” faced due to Pandemic lockdown were used. For identifying articles that focussed on the theme of Pandemic stress and anxiety among Indian people, specific terms like “suicide”, “Physical and mental problems”, “youths”, “social and emotional problems”, and other related words were used.

Loneliness due to pandemic. Loneliness is rarely seen in people who interact with people, and people who are active in society have a better overall health compared to those who do not socialize with others. Loneliness defines public health which is most common in people living in large cities and in poor and remote areas. Other risk factors for loneliness include personal circumstances and circumstances, health and disability, and lifestyle changes. High risk of loneliness for women, young people, and people who are dissatisfied with family, who have negative views of old age, have little contact with relatives, who feel burdened by family and friends for support, listen to COVID-19 related news, have a few entertainment resources, and be released [1].

In the lockdown it can be seen make people who are working in other states came to their hometown and its results loss of their jobs. Many young people have become unemployed due to this and this is one of the very crucial factors for them to get effected due to the lock down.

When a person stays alone in their home for few weeks they probably feel sick and this is not to be regarded as a physical sickness but as a mental sickness, mental health of a person is also an important factor for the lockdown loneliness. Due to this Pandemic many people are feeling the problem of stress and anxiety.

This pandemic has shown different problems, the problem which has given rise to stress and depression for several teenagers. A 1986 study in High Schools in Minnesota, within the US showed that although 61% of the students are depressed and appear to not handle their problems in constructive ways, 39% suffer from mild to severe depression [1]. Stress is characterized by feelings of tension, frustration, worry, sadness and withdrawal that commonly last from some hours to some days. Depression is both more severe and longer lasting. Due to this pandemic these problems of stress and depression have been seen in young and old people.

Young people become stressed for several reasons the foremost common of those are: break up with boy/girl friend, increased arguments with parents, trouble with brother or sister, increased arguments between parents, change in parents' financial status, serious illness or injury of friend and trouble with classmates. Additionally, children from single parents or broken homes are subjected to a near harrowing experience which brings about stress and depression. These stress inducing events are centred within the two most vital domains of a teenager's life: home and faculty. In this pandemic many young people have committed suicides there was many reports on suicide, this suicides had been committed due to some personal issues as well as some family problems. This pandemic has shown a different face in everyone's life [2].

They relate to problems with conflict and loss. Loss can reflect the important or perceived loss of something concrete like an admirer or money, and it can mean the loss of such intrinsic things as self-worth, respect, friendship or love. Teenagers reply to stress and depression by exhibiting rather more anger and ventilation; being passive and aggressive. They argue, fight and complain nearly everything as it has been seen during the lock down for not doing online classes due to the lack of availability of Smartphone one student from the village of India committed suicide. Drinking, smoking and crying more often – especially in young people – are other popular signs due to staying at home for a long time it became more tremendous. They're also less inclined to try and do things with their family or to travel together with parents' rules and requests. Ultimately, most teens will develop and assume the responsibility for his/her own protection and peace of mind. But during the years of learning and practice, parents, teachers and helping adults must remember of the signs and patterns that signal danger.

Suicide is that the second leading explanation for death in youth aged 15–24 years, with a rate of 13.9 deaths by suicide during this population per day; the speed of suicide attempts is 100–200 times more than that of completions 18 [2]. Suicide intention has been much popular in during the lockdown, many people who detached themselves from their family and were living in complete isolation have committed suicide, there are also some reports many movie stars had also committed suicide. During this lockdown young people in danger include people who exhibit declining school grades, chronic sadness, family dysfunction, problems with sexual orientation, individuality, physical or sexual assault, alcohol or drug misuse, have a case history of suicide, or have made a previous suicide attempts.

Several studies have proved that feelings of depression and hopelessness are significantly inducing suicidal thoughts and behaviours. Studies further state that the deadly combination between despair and depression seems to have predicted suicide [3, p. 125].

Impact of Pandemic on Rural India. The social life of man has undergone different stages of development. The earliest human communities were perhaps the loosely organised aggregations of a few families who carried on mutual independent activities in gathering food and defending themselves against their enemies. These primitives' bands were migratory, gradually, man acquired skill and knowledge in agriculture then began the settled life of man. With the development of agriculture and the consequent stabilisation of the source of the food, human communities become more prominent. These communities came to know as village communities. The village is the oldest communities of man.

There are various programs for the development of the villages in India such as Community development programme, Employment development schemes, small farmers Development agency, scheme for providing self – employment to educated unemployed etc. This works are not to be properly functionalised due to the Pandemic.

It has been observed that the urban population is steadily increasing in India. One of the main reasons for this is the migration of rural population towards the urban areas. It has been estimated that around 45% of the annual increase in urban population is due to migration [4, p. 450].

Before the pandemic it has been seen that many people from outside state has been migrated to the cities for jobs. Employment is the main focus for the people to migrate from one place to another or from the rural areas to the cities but , at the

present situation it has been seen that many labours from different parts of India visited the north eastern states of India but due the situation of the pandemic there are no jobs available for them and they have to return to their home town but due to unavailability of transportation it was not possible for them to go to their own places , and there was a complete chaos and a problematic situation.

Rural society is based predominantly on agriculture. Village agriculture is sharply distinguished from urban industry by the fact that it is based on direct extraction from Nature by man. Land is the basic means of production in the countryside. Land is a part of nature, through made arable by human labour. From land, the rural people produce, by means of techniques and their labour power, such a variety of agrarian products as food, cotton, jute, tea coffee, tobacco and others. Urban industry only transforms the products of agriculture into industrial products. In city factories and mills, such agricultural products as cotton, jute and sugarcane are transformed into cotton and jute cloth and sugar respectively [5, p. 23].

The basic difference between agriculture and industry plays a significant role in shaping the social institutions, the psychology and the ideology if the rural and urban populations [5, p. 23].

Due to the pandemic situation the small industries are not able to perform in a smooth way, the production was very less and due to the lockdown situation, the farmers are not been able to visit the cities to sell their produce and after the lockdown scenario we can see there is a rise in price of the vegetables in the markets, huge loss in the small shops due to no sell of products.

Role of Government in the Pandemic. The first reason why government is needed for a society is to safeguard and protect the rights of its members or citizen. People have certain unalienable rights that among these are Life, liberty, and the pursuit of happiness. Government is needed to protect these rights. In the absence of proper government, society would be without and order or discipline. People with brutal power could hold all the rights and resources. Therefore, government is needed to make and implement certain laws and regulations to protect people from ruthless violations of their rights.

The second reason to have a government is purely economic. There are certain goods and services that people need but the private sector entrepreneurs may not come forward to provide these goods and services. For example, police, national defence, roads, electricity and infrastructure. Private entrepreneurs would not provide these services because either it would be hard to make people pay for them [6, p. 7].

India alertly implemented surveillance as early as January 17, even before the primary cases were officially detected. This followed by a series of travel advisories and restrictions, and efforts to repatriate and quarantine Indian nationals getting back from abroad. But low testing rates have always been a significant drawback. When the curfew and lockdown were imposed, only 6,500 samples had been tested nationwide, and also the daily testing capacity in mid-March was just 1,400 samples. Testing capacity has increased in recent weeks – over 1,000 laboratories with daily testing capacity of over 300,000 samples – but testing rates are still low. In line with the FIND database from Flag Day, India tests around 4,100 people per million compared with a world average of over 29,000 tests per million.

During this pandemic the government has imposed lockdown and curfews in different states of the country as a result no one can go out of their home except if there is any emergency situation. People during the lockdown used to stay at their home with their family. There was all over police and law official in different areas

appointed to check if any out of their home without any reason, if they found any person sitting in the park or in the road side strike actions are taken against him/her and it has also be seen in the news and televisions police are giving heavy beating to the people with stick who were unnecessarily moving around without any reason this action took place specially in Tripura located in the north east India. There are some people who have to go to their offices and also for emergency purposes such as government official who are working as officers, doctors, nurses and bankers have to go to their offices for work. On the other hand the government offices run on a roaster duty that means all the employs will come to work at different times, not all together like shifting duty, so to avoid the crowd and maintain a distance. Mask was compulsory for all if any person who are seen without wearing a mask than action are taken against them and also amount of money is also charged such as Rs 500 etc.

In Tripura many students who were studying or working in outside countries and different parts of India, came to their own place and for that sample were taken from them to check if they were Covid-19 positive or not, if someone is found positive than they were taken to the Covid centres and were given free treatment. The government of Tripura send a message in the television and also in the social media that if a person is doing any job outside Tripura not to visit Tripura now because the condition is very bad and many people are effected with this virus and if any one visit in his/her home they may lose their jobs and now to get a job in Tripura is very hard. So it was better for them to stay where they are now.

In Tripura, during the lockdown the shops were opened for 5 hours and it had been said that if anyone want to go to the market they can visit to the market at a given time from 8am to 12pm. After that the markets or the vegetables shops will remain closed. It has been seen that there are many people who are poor and cannot buy any things due to their economic problems or the old age people who are living in their house alone; it was not possible on their part to go to the market to buy things. So the government provided them the things or the food items which they needed and there was no problem for the poor people and the old age people. This was also the situation in all the states of North east India. So it has been seen that the government in various state played a crucial role during the Pandemic.

The Tripura government announced an Rs.579-crore relief package, including job creation under “Mahatma Gandhi national rural employment guarantee” and financial assistance, to ease the burden on the poor who are facing hard times during the pandemic. Since people are facing hardships due to the COVID-19 situation, the government has decided to generate jobs worth Rs.332 crore under the Mahatma Gandhi National Rural Employment Act (MGNREGA) in the state [7].

A one-time assistance of Rs.1000 and ration items would also be provided to seven lakh needy families, the chief minister said. While the financial assistance which will be sent through Direct Bank Transfer will cost Rs. 70 crore, an additional Rs 80 crore will be required for providing ration to the poor, he said.

The state government would also provide a social pension of two months in advance to over four lakh beneficiaries, including senior citizens and widows, and Rs 24 crore has been sanctioned for the poor under Tripura Urban Employment Programme (TUEP) in urban areas [7]. The state government has sanctioned Rs. 30 crore from the state budget to ensure healthcare for the tribal's, there is also a plan to upgrade the 150- bed hospital.

The government in Khumulwng district of Tripura has laid the foundation for the installation of a 150 LPM oxygen generation plant. The chief minister, during

his visit to Khumulwng district, also held a meeting with the newly elected representatives of the District. It has been seen that Tripura was holding the top position in the country in terms of vaccination, as many as 16, 27,000 people had been inoculated the state¹.

The state government has sent a proposal for another 18 oxygen plants because oxygen is important in the battle against COVID-19. Meanwhile, given the surge in corona virus cases in the state, the Tripura government has decided to suspend local train services from May 27 till June 6 2021. However, long-distance trains will continue, as usual, a railway².

Effect on our health. Pandemic also have a serious effect on our health. It is due to loneliness it is a major public health problem because it is associated with an increase in morbidity and mortality. Loneliness is one of the most important challenges to be addressed during the pandemic. The condition can be explained because loneliness levels may increase due to an increase in the number of social and psychiatric disorders after illness. Royal evidence shows that isolation during a Pandemic can results to some infectious diseases, such as fear, frustration, helplessness, isolation, loneliness, shock, sadness and anxiety, and little happiness.

COVID-19 lockdown has led to depression related to length of separation, fear of infection, anxiety, feeling powerless, frustration, boredom, inadequate purchasing, insufficient information, financial loss and discrimination, which further increases social isolation and loneliness.

It have also been seen that, the issue of growing stress is rising in a person. Mental health is deteriorating from house to house while in Corona's custody. Doctors say that the heart crisis has also increased due to this. Mental health is directly related to heart disease and various types of heart problems. That's according to a study by the American Heart Association.

Increased stress increases the secretion of the hormone adrenaline in the body. Its effect is to increase blood pressure. Excessive blood pressure increases the risk of heart disease. Those who have excessive stress on their minds never get relief. As a result, the level of adrenaline in the body is higher all the time. That is the damage to the heart. In addition to this, the secretion of cortical hormone also increases. Psychiatrist Sanjay Grog reports that excessive levels of cortisol increase blood cholesterol and sugar levels. It also damages the heart. Inflammation is also caused by stress. It also affects the health of the heart.

Impact on education. The significance of education in modern societies cannot be underestimated. A literate and educated people are very much essential for both to maintain and developing these societies. The crucial need of education for the people in various spheres of modern social life has been highly recognized.

In this pandemic we have noticed a different system of education, online method of learning has been introduced, it is quite interesting and it became very much popular. Actually it has been seen that the Whatsapp apps is mostly used for sending messages or link to the students to join the online classes and meeting apps such as Zoom and Goggle meet were also used for doing the classes in the Universities and

¹ Tripura Chief Minister announces Rs 579 crore relief package for pandemic-hit poor people // The Economic Times. May 27, 2021. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/tripura-chief-minister-announces-rs-579-crore-relief-package-for-pandemic-hit-poor-people/articleshow/83005510.cms> (last request 11.11.2021).

² Ibid.

also in different institutions. Online seminars and conferences were also conducted by the use of this meeting apps and it became a very popular platform and an opportunity to present research papers.

Students can sit at their home and can listen the lectures of their teachers not so much hurry to go to Universities and colleges, it was an advantage for them. On the other hand students who are living in the villages have to face many network errors and cannot do their classes properly. Many exams in the school, colleges and Universities were cancelled or taken in an online mode, and it has been seen in Tripura that this system of online examination has gained much popularity.

In Tripura (a small state in the North east India), it has been seen many a families due to its financial problems cannot buy smart phones for their children and due to this situation it is not possible for the children to do their online classes and for that reason some have committed suicide.

So this condition cannot be allowed to continue longer. However, with time the situation is changing, many schools and colleges are going to open. Students feel comfortable in there known positions. So education will progress and people will be benefited.

Social and economic Problems

Social

- a. Service sector is not being able to provide their proper service.
- b. Cancellation of sports and tournaments.
- c. Cancellation and avoiding of national and international travels.
- d. Disruption of celebration of cultural, religious and festive events.
- e. Limitless stress on the population.
- f. Social distancing with our peers and family members.
- g. Closure of the hotels, restaurants and religious places [7, p 78-79].

Economic

- a. Slowing of the manufacturing of essential goods.
- b. Disruption of the supply chain of products.
- c. Losses in national and international business
- d. Poor cash flow in the market [7, p. 78 – 79].

Problems in health care. Challenges in the diagnosis, quarantine and treatment of suspected or confirmed cases are many; there was a high burden on the functioning of the existing medical system. Patients with other diseases and health problems are getting neglected and this disease caused them to suffer more. Overload on doctors and other healthcare professionals, who are at a very high risks. It has also been seen that many doctors have also been affected due to this virus when they directly came in contact with their patients. In the medical shops there is a huge crowd of people and it is not possible to provide high protection to all, so there is a disruption of the medical supply chain.

In Tripura, it has been seen that due to lack of oxygen facilities many Covid 19 patients were in a serious condition and many of them had died.

The Tripura health department has advised the state government to stop entry of outsiders to control the spike in Covid cases. A senior official of the state administration said the Tripura government has been advised several times in the past two weeks to restrict the entry of people coming from outside the state. It was further suggested by the government, people who were coming from outside states have to remain in their home at least for a week as quarantine, but it was seen that those

who are advised home isolation are not following instructions. Even asymptomatic patients are roaming around³.

Tripura has about 2,200 active Covid-19 cases and almost half of them are from Agartala and its surroundings. All district hospitals have been strengthened with Covid treatment infrastructure and sufficient number of Covid care centres across the state has been opened⁴.

Role of Social media during the Pandemic. The growth of social media has been phenomenal over the past decade, the appearance of social media platforms like Facebook, Twitter and Instagram has been helping us in many ways, especially to speak better. In tough times sort of a pandemic, the necessity for social media is inevitable so as to pass the data from one place to a different place during a quick manner. For instance, when a whole lockdown was announced in March 2020, people were unable to come out of the shock for some time and it had been the social media platforms that helped them to an outsized extent in knowing what would function and what wouldn't during the lockdown.

The fact to be noted here is that the people are having the ability to share information regarding the provision of beds, oxygen supply, and vaccine through social media during an outbreak like this. Communication has not been really easy within the past and today many lives are being saved using social media. We are able to witness each day the social media posts by various people explaining their needs and therefore the help done by various celebrities and other good people after seeing those posts, the social media platforms are helping the governments to tackle the pandemic by creating a basic awareness among the people on the disease and its spread. The daily announcements given by the government to wear mask and be safe, are reaching the people faster through social media than the normal means. It enables them to remember of the present situation, to follow the protocols and be able to face the challenges. After we say that the social media is contributing immensely to cut back the distress during a virulent disease, it's also a challenge to cope with the fake information that is being spread on a daily basis with a cruel motive to create people afraid. It's important to create use of the social media effectively and acquire eliminate pain during this pandemic situation [8].

During the lockdown many people were using the platform of social media as a source of entertainment; they used to post their story, poems and pictures in the Face book and instagram. It is true that due to the lockdown all the cultural programmes had been cancelled and postponed, hence social media played a vital role during those days, we can able to see many writers and poets in the social media sites produced due to the pandemic. Many people used the social media for cultural activities, doing recitation of poems, dancing competitions, watching drama, singing song and getting many likes and comments in the social media platform.

It can be seen that due to the use of social media people can express their emotions both positive and negative and can get support from others.

Conclusion. This pandemic situation has brought much negative impact in our lives. Loneliness has been created due to pandemic, no physical contact with one another, no offline meeting etc. All Universities, schools and colleges were closed and everything was in an online mode, but also due to pandemic we came to meet

³ *Bhattacharjee B.* (2021) Prevent entry of outsiders: Tripura health department to government // The Times of India. May 9, 2021. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/agartala/prevent-entry-of-outsiders-tripura-health-department-to-government/articleshow/82496144.cms> (last request 11.11.2021).

⁴ *Ibid.*

many people in the social media. Social media had also played a very crucial role during the Pandemic. Online seminar and conferences was only possible due to the pandemic.

The main problem in the present day situation is not only Covid 19 as a disease. The more important factor is loneliness psychological depression and separation from each other. Though this factors are essential to prevent the disease till it remains a very important factor in human relationship. Still there is hope and people will come over this situation soon all over the world scientists are labouring hard to produce medicines. So the situation is changed definitely and we have already seen the impact of these changes in the medical world.

References:

1. Shah S. G. S., Noguera D., van Woerden H. C., Kiparoglou V. (2020) The COVID-19 Pandemic: A Pandemic of Lockdown Loneliness and the Role of Digital Technology. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. No. 11. DOI: 10.2196/22287.
2. How to help children and teens manage their stress (2019, October 24). *American Psychological Association*. URL: <http://www.apa.org/topics/child-development/stress> (last request 11.11.2021).
3. Bhattacharjee A., Ghosh T. (2020) Suicide among youths – Identifying risks and protection factors: A review analysis. *Saraswat: the Tripura University Research Journal*. Vol. 1. Issue 1. Pp. 114-130.
4. Shankar Rao C. N. (2004) *Sociology of Indian Society*. New Delhi : S. Chand Publ. 763 p. ISBN 978-81-2192-403-0.
5. Desai A. R. (1997) *Rural Sociology in India*. Bombay : Popular Prakashan. 968 p. ISBN 978-81-7154-154-6.
6. Sarma J. V. M. (2018) *Public Finance Principles and Practices*. New Delhi : Oxford University Press. 363 p. ISBN 978-0-19-947961-0.
7. Haleem A., Javaid M., Vaishya R. (2020) Effects of COVID-19 Pandemic in Daily Life. *Current Medicine Research and Practice*. Vol. 10. Issue 2. Pp. 78-79. DOI: 10.1016/j.cmrp.2020.03.011.
8. Important role of social media during Pandemic disaster (2021, May 4). *Karpagam Academy of higher education*. URL: <https://kahedu.edu.in/important-role-of-social-media-during-pandemic-disaster> (last request 11.11.2021).

The article was submitted on November 03, 2021.
Accepted on November 20, 2021.

Information about the authors

Debajyoti Gupta, Masters Student, Department of Liberal Arts,
Tripura University, Agartala, India.
e-mail: debajyoti111.gupta@gmail.com

Д. Гупта¹

¹ Университет Трипуры. Агартала, Индия.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: НА ПРИМЕРЕ ИНДИИ

Аннотация. Время от времени все мы чувствуем себя одинокими, и чувство одиночества в определенных ситуациях способно серьезно повлиять на наше психическое здоровье. В период пандемии коронавируса одиночество и отсутствие социальных контактов для многих стало слишком продолжительным, концентрированным. Эксперты отмечают, что длительное одиночество связано с повышенным риском для психического здоровья, оно способствует развитию депрессий, повышению тревожности и стрессу. Во время этой пандемии мы наблюдали и другие факторы, оказавшие не менее серьезное влияние на жизнь и психическое состояние каждого человека. Из-за Covid-19 страна пережила серьезный локдаун. Продолжительный режим ограничений вызвал ощущения отчуждения и одиночества в жизни каждого; в связи с локдауном были закрыты школы, колледжи и университеты; все учебные, рабочие и бытовые процессы перешли в онлайн-режим. Многие студенты, проживающие в деревнях Индии, вынужденно столкнулись с проблемами доступности интернета, что создавало сложности для их участия в дистанционном онлайн-обучении. Все рынки и магазины были закрыты, зафиксирован рост цен, предприятия малого бизнеса и небольшие магазины понесли серьезные убытки из-за этой пандемической ситуации. Остаётся только надеяться на возможность улучшения условий жизни после окончательной победы над коронавирусом. Статья сосредоточена на рассмотрении ситуации в Индии, в первую очередь на положении штата Трипура.

Ключевые слова: одиночество, сепарация, психическое здоровье, чувства, локдаун.

Для цитирования: Гупта Д. Влияние пандемии на повседневность: на примере Индии // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 4. С. 44-53. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.4

Дата поступления в редакцию: 03.11.2021.
Принята к печати: 20.11.2021.

Сведения об авторе:

Дебайоти Гупта, аспирант, отделение гуманитарных наук.
Университет Трипуры. Агартала, Индия.
e-mail: debajyoti111.gupta@gmail.com

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СТРАТИФИКАЦИЯ СОЦИУМА

DOI 10.19181/nko.2021.27.4.5

УДК 316.334.2; 316.42

А. Г. Арсеенко¹

¹ Институт социологии НАН Украины.

Киев, Украина.

ПРОБЛЕМЫ ДЕСТАНДАРТИЗАЦИИ И ПРЕКАРИЗАЦИИ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ-АМЕРИКАНИЗАЦИИ- ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. Статья посвящается анализу содержания, сути и социальных последствий трансформации занятости в индустриально развитых странах после Второй мировой войны в условиях глобализации – американизации – деглобализации мировой экономики. Автор уделяет большое внимание разоблачению современной мифологизации цифровизации труда и трудовых отношений в странах глобального Севера с целью прикрытия подлинной сущности различных форм нестандартной занятости, которая получила широкое распространение в современной мир-системе в рамках цифрового капитализма. В центре изучения и исследования проблем дестандартизации и прекаризации труда в мире цифрового капитализма находится цифровизация сферы труда и трудовых отношений и влияние цифровой экономики на положение трудящихся в западных странах, особенно в США, ставших образцом для подражания во всем мире, в том числе в странах с «переходной экономикой». Особое внимание автором обращается на то, что внедрение нестандартной занятости в экономическую практику на Западе было вызвано переходом экономически развитых стран к новым социальным структурам накопления путем изъятия, то есть за счет сокращения расходов на оплату труда в рамках неолиберальной экономики. На основании изучения и анализа иностранных источников автор делает вывод о том, что пандемия COVID-19 стала спусковым крючком к обострению нынешнего системного кризиса глобального капитализма, что ставит на повестку дня необходимость поиска и претворения в жизнь новых, более справедливых и более гуманных форм мироустройства под лозунгами социального движения альтерглобалистов «Люди выше прибылей!» и «Иной мир возможен!».

Ключевые слова: цифровизация, трансформация, дестандартизация, прекаризация, цифровая экономика, цифровой капитализм, стандартная занятость, нестандартная занятость, пандемия Covid-19, современный кризис глобального капитализма.

Для цитирования: Арсеенко А.Г. Проблемы дестандартизации и прекаризации труда в контексте глобализации-американизации-деглобализации мировой экономики в XXI веке // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 4. С. 54-65. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.5

В современной глобалистике насчитывается около тысячи определений глобализации. Однако рост их количества не сопровождается повышением качества и ведет к многоликости концепций глобализации в зависимости от мировоззренческих позиций их авторов. По мнению немецкого социолога У. Бека, глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым политически эффективным словом [1, с. 40]. Примерно также оценивает её британский экономсоциолог Ф. Тонкисс, которая отмечает: «Глобализация является наибо-

лее распространенным и наименее определенным концептом в современном социальном анализе» [2, р. IX]. Перечень подобных выводов в интерпретации интеграционных процессов в прокрустовом ложе глобального капитализма можно продолжить. Преумножение определений глобализации движется по принципу «снежного кома» и скорее способствует усилению разночтений в понимании этого сложного феномена, имеющего объективный и субъективный характер, чем выяснению его сущности. Это не помогает снятию проблемы многоликости глобализации с академической и практической повестки дня в социологическом научном сообществе.

В результате использования различных методологических подходов разными школами в анализе глобализации *оптимисты* отождествляют её с Мировым океаном, приливные волны которого раньше или позже прибьют все лодки мировой экономики – как большие, так и малые – к заветному берегу счастья. В отличие от оптимистов *реалисты* видят в ней не Великого Уравнителя, а Великого Разделителя, расколовшего мир на выигравших и проигравших. *Пессимисты* рассматривают её через призму популяризации в планетарном масштабе всех бед и невзгод на Земле. *Скептики* же отрицают определение глобализации первыми, вторыми и третьими и считают её сфабрикованным околонуучным конструктом в социологическом дискурсе. В конечном итоге в настоящее время представители разных социологических школ в большей мере занимаются выяснением отношений между собой, чем поиском ответов на реальное обострение всех глобальных проблем человечества в XXI веке.

Наличие многих противоречий в глобалистике требует от социологической науки создания теории глобализации, адекватной вызовам современности. По признанию видного американского социолога Дж. Арриги, разработанная К. Марксом теория капитализма «предвосхищала нынешнее понимание ‘глобализации’» [3, с. 86]. В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс дали глубокую научную характеристику процессов, названных в наше время «глобализацией». Квинтэссенция их выводов предельно четко изложена в одном выражении: буржуазия «создает себе мир по своему образу и подобию» [4, с. 34]. В связи с этим в журнале «Contemporary Sociology» на исходе XX века отмечалось, что «до тех пор, пока капитализм продолжает существовать, марксистская теория будет сохранять свою полезность в деле изменения общественного положения человека» [5, с. 270]. Как справедливо отмечает известный британский социолог Э. Хобсбаум в предисловии к недавнему изданию «Манифеста Коммунистической партии» в Российской Федерации: «"Манифест" до сих пор остается классикой, даже после краха советского коммунизма и упадка, пережитого марксистскими партиями и движениями во многих странах мира ... "Манифест" может многое рассказать о мире, стоящем на пороге XXI века» [4, с. 12]. В этом контексте уместно и целесообразно сделать краткий экскурс в историческое прошлое глобализации, чтобы лучше понимать её настоящее и предвидеть её будущее.

Как известно, глобализация носит «пульсирующий» характер и развивается в русле восходящих и нисходящих трендов. В период между двумя мировыми войнами бурный подъем первой волны глобализации в XIX – начале XX века сменился не менее весомым спадом глобальных процессов в междувоенное время. Он был преодолен в относительных измерениях только в 1970-е годы. Глобализация претерпела множество изменений после окончания Второй мировой войны. В рамках ялтинско-постдамской системы она разделялась на со-

циалистическую и капиталистическую и развивалась в духе соревнования двух экономических систем. По признанию М. Тэтчэр, явные успехи СССР и других социалистических стран в этом отношении были прямой угрозой капитализму и стимулировали «подрыв социализма изнутри» западными державами. Демонтаж социализма в странах Восточной Европы и СССР снял главное препятствие на пути к утверждению глобального капитализма. Временно став единственной сверхдержавой после холодной войны, США приступили к трансформации современного мира «по своему образу и подобию» в соответствии с задачами учреждения «американского века».

Пальма первенства в этом отношении принадлежит демократической партии. Отвечая на вопрос «Что такое глобализация?», Б. Клинтон в период своего президентства (1993-2001) неоднократно отмечал, что «глобализация – это американизация». На исходе XX века демократы взяли курс на внедрение в практику «глобализации по-американски» и навязали её под эгидой США почти всему миру. Республиканцы продолжили претворение в жизнь планов установления мирового господства США после прихода к власти в 2001 г. В Заявлении о принципах Организации «Проект новый американский век», созданной республиканской партией в 1997 г., однозначно подчеркивалось: «Наша цель – достижение американского лидерства в мире...» [6, с. 59]. К претворению в жизнь установки на утверждение «Рах Americana» кормчие США стремились с предвоенных времен, когда более 80 лет назад, 17 февраля 1941 г. основатель и издатель журнала «Life», сторонник республиканской партии Г. Люс разместил в нём свою колонку размером в 4500 слов под названием «American Century». В ней он призвал США в то время, когда война бушует за океаном, «духовно и практически» готовиться к возможности глобального лидерства¹.

В результате реализации установок Белого дома на обретение мирового господства США глобализация на рубеже веков стала отождествляться с американизацией. По мнению американских социологов, «Американизацию можно определить как мощный односторонний процесс, имеющий тенденцию подавлять конкурирующие процессы (например, японизацию), а также мощь локальных сил, которые могут противостоять, модифицировать и/или превращать американские модели в гибридные формы» [7, р. 35]. Становление многополярного мира на пороге XXI века обусловило закат американской гегемонии и деглобализацию. Но это не повлекло за собой отказ США от лидерства в современном мире. В то же время под влиянием Евросоюза продолжается вестернизация стран с «переходной экономикой». Неолиберальная практика дерегулирования труда и трудовых отношений в интересах капитала внедряется на постсоветском пространстве с тяжелыми последствиями для рабочего класса. Куда ведет использование западного опыта в этом плане свидетельствует 30-летнее «перемальвание» Украины, по словам К. Поланьи, в жерновах «сатанинской мельницы капитализма». Ставка «поводырей» украинской нации на то, что «заграница нам поможет», т. е. поделится с ними деньгами и опытом, привела к депривации населения, деиндустриализации экономики, депопуляции территории, обнищанию и деградации Украины (более подробно о этом вопросе см. [8]).

С переходом мирового сообщества от однополюсного к многополярному миру глобализация по американским лекалам постепенно пошла на спад. Это открыло путь к деконструкции и реконструкции традиционной глобализации,

¹ Atkinson P. C. A look back at 'The American Century' // The Hill. 2021, 20 February. URL: <https://the-hill.com/opinion/national-security/539700-a-look-back-at-the-american-century> (last request 11.11.2021).

поиску альтернативной модели глобального управления в интересах всех стран и народов, усилению деглобализационных процессов. В интерпретации видного социолога У. Белло, «Деглобализация – это не выход из мировой экономики. Это переориентация экономики с упора на производство на экспорт на производство для местного рынка» [9, р. 113]. В решении этой стратегической проблемы странами глобального Юга крайне важное место принадлежит преодолению метаморфоз глобализации-американизации-деглобализации, которые на изломе веков оказали огромное влияние на дестандартизацию и прекаризацию труда и трудовых отношений в мире глобального капитализма. Ибо названная переориентация возможна только в условиях планомерного повышения потребительского спроса путем сокращения низкооплачиваемой нестандартной занятости, выгодной ТНК.

Как известно, прелюдией к дестандартизации и прекаризации труда и трудовых отношений на Западе стал переход от «стального» XX века к новой «постиндустриальной» эпохе, от фордизма к постфордизму, от кейнсианства к неолиберализму. Эта «смена вех» была вызвана необходимостью введения в действие новых социальных структур накопления, ибо старые исчерпали свои возможности по многим причинам, в т.ч. в результате определенного сокращения социально-экономического неравенства в капиталистическом мире. «Славное послевоенное тридцатилетие» позволило многим трудовым семьям несколько улучшить свое положение, но благодаря не «государству общего благосостояния», а по другим причинам. Прежде всего, в результате влияния «реального социализма» на западные страны и подъем стачечной борьбы в мире капитала. В начале 1970-х гг. количество стачек, например, в США колебалось от 5000 до 6000 в год и достигло пика в послевоенное время. [10, с. 367]. По признаниям «капитанов индустрии», это стало прямой угрозой накоплению капитала в государствах глобального Севера. Выход из этой ситуации сильные мира сего видели в социальном реванше буржуазии в собственных странах и передислокации многих трудоемких высокооплачиваемых производств в зарубежные страны с дешевой квалифицированной рабочей силой после демонтажа социализма.

Как известно, в послевоенную предшествующую глобализации эпоху в индустриально развитых западных странах господствовала *регулируемая институциональная структура накопления капитала*. Действуя в её рамках в тот период, промышленный пролетариат, профсоюзы и социал-демократия добились весомых сдвигов в сфере стандартизации занятости и трудовых отношений, а также утверждения индустриального гражданства и усиления регулирования национальных рынков труда в соответствии с основными идеями Международной организации труда. *Промышленное гражданство* включало в то время права и правила безопасности в следующих областях: 1) *безопасность рынка труда* – полная занятость² и проведение адекватной политики доходов на макроуровне; 2) *гарантия занятости* – регулирование произвольного сокращения и увольнения; 3) *гарантия труда* – сохранение работы и рабочего места, статуса дохода или служебного продвижения; 4) *безопасность труда* – регулирование правил охраны труда и техники безопасности; 5) *безопасность воспроизводства трудовых навыков* – право на обучение и образование для приобретения навыков; 6) *гарантированный доход* – минимальная заработная плата, адекватная ком-

² В западных странах считается, что полная занятость достигается в том случае, когда число официально зарегистрированных безработных равняется числу вакантных рабочих мест (Словарь по экономике. Пер. с англ. под ред. П. А. Ватника. СПб.: Экономическая школа, 1998. С. 402).

пенсация, сокращение неравенства; 7) *безопасность представительства* – право на учреждение независимых профсоюзов, право на забастовку [11, р. 37]. Однако большинство этих достижений в сфере труда канули в Лету с утверждением неолиберализма и нестандартной занятости в странах глобального Севера после завершения «славного послевоенного тридцатилетия».

Конец «золотого века капитализма» на изломе 70-80-х гг. сопровождался переходом к *либеральной структуре накопления*. Последняя внедрялась в практику «свободного предпринимательства» под девизом «laissez faire» («пусть они делают, что хотят») и характеризовалась следующими чертами: 1) ограниченным участием государства в регулировании экономики, бизнеса и финансов; 2) стремлением капитала полностью доминировать над трудом; 3) жестокой конкуренцией крупных корпораций; 4) господством свободно-рыночной идеологии, которая рассматривает государство как врага свободы и эффективности и восхваляет преимущества конкуренции [12, р. 367-368]. Главным драйвером новой структуры накопления капитала стало неолиберальное накопление посредством изъятия. *Ставка на сокращение затрат на рабочую силу* в его рамках привела к значительному повышению *гибкости рабочей силы* и введению *гибких трудовых отношений*.

Известный британский экономсоциолог, автор концепции «прекариата» Г. Стэндинг в своей монографии «По ту сторону нового патернализма» следующим образом раскрыл содержание навязанных труду новых форм гибкости, сыгравших впоследствии важную роль в дестандартизации и прекаризации занятости: 1) *Организационная гибкость* – это увеличение оборота, использование субподрядов и производственных «цепочек», тенденции к заключению индивидуальных контрактов; 2) *Численная гибкость* – это увеличение использования внешнего труда (контрактных рабочих, агентского труда, временных работников и др.); 3) *Функциональная гибкость* – это увеличение изменений в рабочих заданиях, ротации рабочих мест и индивидуальных рабочих; 4) *Гибкость структуры рабочего места* – это увеличение изменений в структуре рабочих мест, ассоциированных с изменениями в должностях, их количестве и т.п.; 5) *Гибкость рабочего времени* – это увеличение непрерывной работы, гибких часов и т.п.; 6) *Гибкость системы заработной платы* – это переход от фиксированных к гибким зарплатам, монетизации вознаграждений, большее использование бонусов и т.д.; 7) *Гибкость рабочей силы* – это уменьшение ее привязанности к секторам экономики, компаниям или профессиональным группам, эрозия «коллективного труда» и усиление тренда к входу работников на рынок труда и рабочей силы и к их выходу из них [13, р. 33].

Расширение гибкости сопровождалось экспансией множества новых форм нестандартной занятости (НСЗ), которая сводилась к расширению опасных, ненадежных, случайных, маргинальных, неприемлемых форм труда. По данным ВОЗ, более 50% новых рабочих мест, созданных в странах Евросоюза с 1995 г. по настоящее время, относятся к НСЗ, 14% новых рабочих мест – к временной занятости³. Многие исследователи метаморфоз труда считают, что НСЗ стала основной нишей для формирования прекарного труда и огромного расширения социально-экономического неравенства в мире капитала в XXI веке.

Несмотря на то, что стандартная занятость (СЗ) принимается за точку отсчета при обсуждении нынешних проблем НСЗ, многие «стандартные» работники

³ SDG 8: Health, decent work and the economy: Policy briefs on health and the sustainable development goals // World Health Organization. 2019. URL: www.euro.who.int/en/SDG-policy-briefs (last request 11.11.2021).

могут оказаться в такой же опасной и рискованной ситуации, как и их братья по классу, вытесненные в сферу НСЗ. Например, если их зарплата окажется ниже уровня бедности, а непрерывность и безопасность труда будут принесены в жертву накоплению капитала. СЗ служит ориентиром для НСЗ не потому, что условия труда там всегда хорошие, а потому, что договорные формы труда в сфере НСЗ не идут в сравнение со стандартной работой, где преобладает непрерывная, полная занятость и другие гарантии. Однако как стандартные, так и нестандартные рабочие места могут быть ненадежными [14, р. 18]. И первая, и вторая формы занятости не исключают массированного выталкивания париев капиталистического общества в ряды прекариата и в состав резервной армии труда.

В докладе ВОЗ «Здоровье, достойный труд и экономика» влияние НСЗ на человека приравнивается к безработице. В нем говорится: «Безработица и нестандартная занятость оказывают сильное неблагоприятное воздействие как на психическое и физическое здоровье людей, так и на их благополучие... Рост, наблюдающийся в сфере нестандартной занятости, не обеспечивающий работающим того же уровня защиты, что при стандартном трудоустройстве, неблагоприятно сказывается на физическом и психическом здоровье работающих, их семей и сообществ в целом. Вредные последствия для здоровья, связанные с такими нестандартными формами занятости, неравномерно распределены в рамках социально-экономического спектра и в наибольшей степени ощущаются теми, кто и так уже обделен»⁴. Таким образом, уровень негативного воздействия прекарного труда на человека еще выше во всех отношениях, чем НСЗ.

Особого внимания заслуживает анализ «ненадежных» форм труда, ведущих к маргинализации рабочего класса. По мнению ирландского социолога С. Пэмбрука, «прекарным» трудом считается: 1) *Работа по трудовым договорам «с нулевым результатом»*, которые не гарантируют даже минимального количества рабочих часов. 2) *Работа по контракту с фиксированным сроком или выполнением специфической задачи* означает, что действие договора прекращается с окончанием его срока или выполнением задачи. 3) *Работа по контракту с неполной занятостью* означает, что количество рабочих часов такого работника является меньшим по сравнению с таким же работником с полной занятостью. 4) *Работа по контракту с маргинальной неполной занятостью* означает сочетание низкого уровня оплаты труда с низким уровнем количества рабочих часов или срока действия контракта. 5) *Непреднамеренная неполная занятость* касается тех, кто работает неполный рабочий день не по своему выбору. 6) *Работа по контракту с временной занятостью* означает найм на работу на определенный период времени. 7) *Работа по контракту с агентством временного найма* полагает работу в иных компаниях по решению агентства. 8) *Работа самозанятых* означает работу индивидов на себя как фрилансеров или владельцев бизнеса, а не на работодателя, который платит им зарплату. 9) *Работа фальшивых самозанятых* включает тех, кто регистрируется как самозанятый, а де-факто является работником под властью работодателя [15, р. 113].

Прекаризация труда носит глобальный характер, выполняет экономические и политические функции. В этой связи профессор Кассельского университета И. Лори подчеркивает: «Если мы не сможем понять суть прекаризации, то мы не сможем понять ни политики, ни экономики современности. Прекаризация не является маргинальным явлением даже в богатых регионах Европы. Ведущие

⁴ Там же.

неолиберальные западные промышленно развитые страны больше не могут передавать её на аутсорсинг в социально-географические пространства периферии, где она оказывает влияние только на других. Прекаризация – не исключение, это скорее правило. Она распространяется даже в тех областях, которые долгое время считались безопасными. Она стала инструментом управления и основой накопления капитала...» [16].

С одной стороны, прекаризация бумерангом возвращается в страны «ядра» и содействует расширению там очагов «третьемиризации», с другой стороны, американизация стран глобального Юга способствует прекаризации стран «третьего мира» и с «переходной экономикой». После первого в истории человечества глобального финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. рабочие места в мире стали еще больше нестабильными или «плохими». И СЗ, и НСЗ не обеспечивают ныне достойный уровень жизни миллионам людей труда и их семьям. Капиталистическая экономика служит источником прекаризации труда и формирования прекариата, который характеризуется неустойчивой занятостью, низкими и непредсказуемыми доходами, утратой или лишением гражданских прав. По мнению Г. Стэндинга, этот «класс» является «новым опасным классом», ибо прекаризация труда сопровождается озлоблением, ухудшением здоровья и усилением гнева людей, что вполне может сделать его питательной средой для правого популизма. В то же время он становится опасным для власть имущих потому, что ныне все больше «прекариев» отвергают и старые левоцентристские, и правоцентристские политики и ищут новые пути решения своих трудных проблем не в возврате к «политике лейборизма», которая проповедует возможность улучшения положения прекариата в пределах доминирующих институтов и структур власти, а в новой политике создания более справедливого альтернативного общества [17].

В новой книге американского автора Дж. Садовски «Слишком умен: как цифровой капитализм извлекает данные, контролирует наши жизни и захватывает мир» отмечается: «Траектория капитализма пошла по пути все более и более высокого уровня социального неравенства, экономической нестабильности и экзистенциальной незащищенности. Цифровой поворот капитализма не нарушил эти тенденции; наоборот, он еще больше усилил и ускорил их» [18, р. 193]. В связи с этим анализ положения людей труда в условиях нынешней экспансии гиг-экономики заслуживает особого внимания со стороны социологической науки с учетом различных, зачастую противоположных оценок ее перспектив в современном капиталистическом мире. По мнению оптимистов, цифровые технологии революционизируют сферу труда и открывают возможность построения западного «инклюзивного капитализма», в интерпретации же пессимистов, они ведут к утверждению «цифрового феодализма». В его рамках нынешние платформенные фирмы извлекают стоимость посредством монополизации поисковых и электронных коммерческих услуг таким же образом, как бароны-грабители извлекали прибыль из нехватки нефти⁵.

Выигравшей стороной в результате выхода «цифрового капитализма» на глобальную арену в роли одного из основных игроков, вне всякого сомнения, является большой бизнес. Последний, как отмечает американский социолог Д. Шиллер, ранее действовал в качестве старшего партнера в глобальном мире в сою-

⁵ Mazzucato M. Preventing Digital Feudalism // Project Syndicate. 2019, October 02. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/platform-economy-digital-feudalism-by-mariana-mazzucato-2019-10> (last request 11.11.2021).

зе с многими различными некоммерческими институтами – университетами, профессиональными обществами, правительственными и иными агентствами. Ныне корпорации одержимы идеей прямого поглощения их ключевых функций в деле социального воспроизводства. На исходе XX века, подчеркивает Шиллер, цифровой капитализм обрел свободу физически преодолевать территориальные границы и, что еще более важно, извлекать экономические преимущества из отсутствия геополитических ограничений на пути его развития [19, р. 205]. Все это всемерно способствует в XXI веке дестандартизации и прекаризации труда в мире капитала несмотря на усиление в нем деглобализационных трендов.

В итоге засилья цифрового капитализма в мировой экономике цифровизация труда с каждым днем завоевывает все большие и большие производственные пространства – от сборочных конвейерных линий в автомобилестроении до касс самообслуживания в торговле. В наше время цифровой капитализм стал мощным бустером расширения автоматизации и роботизации труда и ведет к существенным изменениям и кардинальным сдвигам в сфере труда. С одной стороны, автоматизация и роботизация труда содействуют повышению производительности и снижению затрат на оплату труда, что целиком и полностью отвечает интересам накопления капитала с использованием новых социальных структур. С другой, это усиливает социально-экономическое неравенство в капиталистическом обществе и в рабочей среде и все больше и больше сужает перспективы низкоквалифицированных рабочих, занятых в уязвимых неустойчивых «нестандартных» отраслях экономики в поиске средств к выживанию в цифровом мире⁶.

«Чума XXI века» – пандемия COVID-19 – еще больше ускорила темпы цифровизации производства в последние годы и вытеснение многих рабочих, занятых выполнением рутинных физических операций, в ряды резервной армии труда, превращая их в изгоев буржуазного общества, стремящегося освободиться от «лишних» людей. К 2025 году автоматизация и новое разделение труда между людьми и машинами приведут к сокращению 85 млн рабочих мест во всем мире. Названное переформатирование производства коснется не только сфер экономики с НСЗ, но и работников в таких областях, как ввод данных, бухгалтерский учет и административная поддержка, которые станут менее востребованными по мере роста автоматизации и дигитализации их рабочих мест. Более 80% руководителей предприятий уже ускоряют планы по оцифровке рабочих процессов и внедрению новых технологий, а 50% работодателей ожидают ускорения автоматизации некоторых профессиональных ролей в своих компаниях. В отличие от предыдущих лет, в наше время создание новых рабочих мест замедляется, а сокращение старых рабочих мест ускоряется⁷. Таким образом, интенсификация пандемии COVID-19 ставит под сомнение возможность решения нынешних проблем дестандартизации и прекаризации труда в обозримом будущем и ведет к росту все большей напряженности на рынке труда с непредсказуемыми последствиями.

Короновирусный кризис в современном мире широко используется властью и правящими элитами для отвлечения внимания народов мира от

⁶ *Sedik T. S., Yoo J.* What Pandemics Mean for Robots and Inequality // IMFBlog. 2021, April 19. URL: <https://blogs.imf.org/2021/04/19/what-pandemics-mean-for-robots-and-inequality/> (last request 11.11.2021).

⁷ *Russo A.* Recession and Automation Changes Our Future of Work, But There are Jobs Coming, Report Says // World Economic Forum. 2020, October 20. URL: <https://www.weforum.org/press/2020/10/recession-and-automation-changes-our-future-of-work-but-there-are-jobs-coming-report-says-52c5162fce> (last request 11.11.2021).

нынешнего системного кризиса глобального капитализма, поразившего все жизненно важные подсистемы старого строя – экономическую, социальную, политическую, демографическую, культурную, экологическую, моральную, гуманитарную, человеческую [20]. Коронавирусная пандемия обнажила множество противоречий и пороков в мировой экономике и провал попыток капитализма затормозить неустойчивый и хрупкий экономический рост посредством спекуляций на финансовых и ипотечных рынках. Однако потуги властвующих западных элит возродить «монетарную нормализацию» в мире капитала в целях предотвращения стагнации и втягивания мировой экономики в очередную рецессию не увенчались успехом [21, р. 365].

В условиях современного кризиса глобального капитализма рассчитывать на возможность решения проблем НСЗ и прекарного труда не приходится. Ибо, как справедливо подчеркивает египетский экономист и социолог С. Амин, современный капитализм «не может породить ничего, кроме усугубления неравенства между народами (глобальной поляризации) и внутри самих народов (глобального Юга и Севера)» [22, с. 41]. В настоящее время архитекторы преобразования «экссклюзивного капитализма» в «инклюзивный капитализм» прилагают огромные пропагандистские усилия с тем, чтобы убедить народы в своей способности гальванизировать обреченный на уход в историческое прошлое капиталистический строй. К выводам о неизбежности его краха в обозримом будущем приходит сегодня все больше прогрессивных мыслителей, в частности многие представители школы системного анализа во главе выдающимся социологом нашего времени И. Валлерстайном в своей недавно вышедшей монографии [23].

В этом контексте ответственность интеллектуалов в капиталистических странах ныне заключается в том, чтобы отстаивать правду и разоблачать ложь о подлинной сущности эксплуататорского строя во всех отношениях, в том числе в области использования неприемлемых форм нестандартной и прекарной занятости в качестве инструментов новых социальных структур накопления посредством изъятия. Разрешить проблемы дестандартизации и прекарнизации трудовых отношений в рамках современного глобального капитализма невозможно. Для реализации этой задачи необходима иная альтернативная система общественного мироустройства и претворение в жизнь лозунгов нового социального движения альтерглобалистов «Люди выше прибылей!» и «Иной мир возможен!».

Библиографический список

1. Бек, У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника; Общая редакция и послесл. А. Филиппова. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 304 с. ISBN 5-89826-109-5.
2. Tonkiss, F. Contemporary Economic Sociology: Globalization, production, inequality. London : Routledge, 2006. 216 p. DOI: 10.4324/9780203970065. ISBN 9780415300933.
3. Арриги, Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век / Пер. с англ. Т. Б. Менская. М. : Институт общественного проектирования, 2009. 455 с. ISBN 978-5-903464-05-0.
4. Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии / Предисловие Э. Хобсбаума ; Пер. А. Мороз. М. : Common place, 2013. 70 с. ISBN 978-99970-0103-0.
5. Young, T. R. Marxism and Social Movements: Theory and Practice for Social Justice // Contemporary Sociology. 1999. Vol. 28, No 3. Pp. 268-270. DOI: 10.2307/2654138.
6. Долгополова, Н. А. Правые республиканцы в Вашингтоне: Влияние на внешнюю и военную политику администрации Буша-младшего. М. : Медиа-Пресс, 2003. 82 с. ISBN 5-901003-07-1.

7. *Ritzer, G., Stillman, T.* Assessing McDonaldization, Americanization and Globalization // *Global America? The Cultural Consequences of Globalization.* Liverpool : Liverpool University Press, 2003. Pp. 30-48.
8. *Петрушина, Т., Арсееко, А., Буткалюк, В.* Куда идёт Украина в XXI веке? Социальные изменения в украинском обществе в условиях экономической глобализации: социологическое измерение. Научный доклад. Киев : Институт социологии НАН Украины, 2020. 120 с. ISBN 978-966-02-9424-0.
9. *Bello, W.* Deglobalization: Ideas for a New World Economy. London-New York : Zed Books, 2002. 132 p. ISBN 9781842773055.
10. Забастовочная борьба трудящихся, конец XIX-70-е гг. XX в. : [статистика] / *А. Н. Жамалетдинова, Я. Я. Котковский, Н. Ф. Рыдванов, Л. Ф. Юхлина* ; АН СССР, Ин-т междунар. рабочего движения. М. : Наука, 1980. 502 с.
11. *Standing, G.* Work after Globalization. Building Occupational Citizenship. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA : Edgar Elgar, 2009. 366 p. ISBN 978-1-848-44164-4.
12. *Kotz, D. M.* The Final Conflict: What Can Cause a System-Threatening Crisis of Capitalism // *Science & Society.* 2010. Vol. 74. No 3. Pp. 362-379. DOI: 10.1521/siso.2010.74.3.362.
13. *Standing, G.* Beyond the New Paternalism. Basic Security as Equality. London : Verso, 2002. 306 p.
14. Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects / International Labour Office. Geneva : ILO, 2016. 45 p. ISBN 978-92-2-130941-3.
15. *Pembroke, S.* Precarious work, precarious lives: how policy can create more security. Dublin : TASC, 2018. 122 p. ISBN 978-1-9993099-0-9.
16. *Lorey, I.* State of Insecurity: Government of the Precarious / Transl. by A. Derieg. London : Verso, 2015. 148 p. ISBN 9781781685969.
17. *Standing, G.* The Precariat: Today's Transformative Class? // *Development.* 2018. Vol. 61(1). Pp. 115-121. DOI: 10.1057/s41301-018-0182-5.
18. *Sadowski, J.* Too smart: how digital capitalism is extracting data, controlling our lives, and taking over the world. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2020. 256 p. ISBN 9780262538589.
19. *Schiller, D.* Digital Capitalism: Networking the Global Market System. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 1999. 326 p. ISBN 978-0262194174.
20. *Арсееко, А. Г.* Современный кризис глобального капитализма. Киев : ООО «Друкарня Бізнесполіграф», 2021. 75 с. ISBN 978-966-139-120-7.
21. *Guillén, A.* Coronavirus Crisis or a New Stage of the Global Crisis of Capitalism? // *Agrarian South: Journal of Political Economy.* 2020. Vol. 9, No. 3. Pp. 356-367. DOI: 10.1177/2277976020970040.
22. *Амин, С.* Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. М. : Изд-во «Европа», 2007. 168 с. ISBN 978-5-9739-0108-0.
23. Есть ли будущее у капитализма? : Сб. статей / *И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун*; Пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с. ISBN 978-5-93255-405-0.

: 15.11.2021.
: 29.11.2021.

Сведения об авторе:

Арсееко Анатолий Григорьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел экономической социологии, Институт социологии Национальной академии наук Украины. Киев, Украина.
e-mail: anatoliy.arsenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3137-6487

A. G. Arseienko¹

¹Institute of Sociology of the NAS of Ukraine.
Kiev, Ukraine.

PROBLEMS OF DESTANDARDIZATION AND PRECARIZATION OF LABOR IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION- AMERICANIZATION-DEGLOBALIZATION OF THE WORLD ECONOMY IN THE XXI CENTURY

Abstract. The article is devoted to the analysis of the content, essence and social consequences of the transformation of employment in industrially developed countries after the Second World War in the context of globalization – americanization – deglobalization of the world economy. The author pays great attention to exposing the modern mythologization of the digitalization of labor and labor relations in the countries of the global North in order to cover up the true essence of various forms of non-standard work, which has become widespread in the modern world-system within the framework of digital capitalism. At the center of the study and research of the problems of destandardization and precarization of labor in the world of digital capitalism is the digitalization of the world of work and labor relations and the impact of the digital economy on the situation of workers in Western countries, especially in the United States, which has become a role model throughout the world, including the countries with “economies in transition”. The author draws special attention to the fact that the introduction of non-standard employment into economic practice in the West was caused by the transition of economically developed countries to the new social structures of accumulation by means of withdrawal, that is, by reducing labor costs within the framework of the neoliberal economy. Based on the study and analysis of foreign sources, the author concludes that the COVID-19 pandemic has become a trigger to the exacerbation of the current systemic crisis of global capitalism, which puts on the agenda the need to search for and implement new, fairer and more humane forms of world order under the slogans of the social movement of alterglobalists “People are higher than profits!” and “Another world is possible!”.

Keywords: digitalization, transformation, destandardization, precarization, digital economy, digital capitalism, standard employment, precarious work, COVID-19 pandemic, modern crisis of global capitalism.

For citation: Arseienko A. G. (2021) *Problems of destandardization and precarization of labor in the context of globalization-americanization-deglobalization of the world economy in the XXI century. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 4. P. 54-65. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.5*

References

1. Beck U. (2001) *Was ist Globalisierung?* Transl. from German by A. Grigor'ev & V. Sedel'nik. Ed. by A. Filippov. Moscow : Progress-Tradition Publ. 304 p. ISBN 5-89826-109-5 (in Russ.).
2. Tonkiss F. (2006) *Contemporary Economic Sociology: Globalization, production, inequality.* London : Routledge. 216 p. DOI: 10.4324/9780203970065. ISBN 9780415300933 (in Eng.).
3. Arrighi G. (2009) *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-first Century.* Transl. from Eng. by T. B. Menskaya. M. : Institut obshchestvennogo proektirovaniya Publ. 455 p. ISBN 978-5-903464-05-0 (in Russ.).
4. Marx K. H., Engels F. (2013) *Manifest der Kommunistischen Partei.* Preface by E. Hobsbawm. Transl. by A. Moroz. M. : Common place Publ. 70 p. ISBN 978-99970-0103-0 (in Russ.).
5. Young T. R. (1999) Marxism and Social Movements: Theory and Practice for Social Justice. *Contemporary Sociology.* Vol. 28, No. 3. Pp. 268-270. DOI: 10.2307/2654138 (in Eng.).
6. Dolgoplova N. A. (2003) *Pravye respublikantsy v Vashingtone: Vliyanie na vnesnyuyu i voennuyu politiku administratsii Busha-mladshego [Right-wing Republicans in Washington:*

- Influence on the foreign and military policy of the Bush administration*]. M. : Media-Press. 82 p. ISBN 5-901003-07-1 (in Russ.).
7. Ritzer G., Stillman T. (2003) Assessing McDonaldization, Americanization and Globalization. In: *Global America? The Cultural Consequences of Globalization*. Liverpool: Liverpool University Press. Pp. 30-48 (in Eng.).
8. Petrushyna T., Arseienko A., Butkaliuk V. (2020) *Where is Ukraine going in the 21st century? Social changes in Ukrainian society in the context of economic globalization: sociological dimension*. Scientific report. Kyiv : Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine. 120 p. ISBN 978-966-02-9424-0 (in Russ.).
9. Bello W. (2002) *Deglobalization: Ideas for a New World Economy*. London-New York : Zed Books. 132 p. ISBN 9781842773055 (in Eng.).
10. Zhamaletdinova A. N., Kotkovskii Ya. Ya., Rydvanov N. F., Yukhnina L. F. (1980) *Zabastovochnaya bor'ba trudyashchikhsya, konets XIX - 70-e gg. XX v. [Workers' strike struggle, the end of the XIX - 70s of the XX century]* : statistics. M. : Nauka Publ. 502 p. (In Russ.).
11. Standing G. (2009) *Work after Globalization. Building Occupational Citizenship*. Cheltenham, UK, and Northampton, MA, USA : Edgar Elgar. 366 p. ISBN 978-1-848-44164-4 (in Eng.).
12. Kotz D. M. The Final Conflict: What Can Cause a System-Threatening Crisis of Capitalism. *Science & Society*. 2010. Vol. 74. No. 3. Pp. 362-379. DOI:10.1521/siso.2010.74.3.362 (in Eng.).
13. Standing G. (2002) *Beyond the New Paternalism. Basic Security as Equality*. London : Verso. 306 p. (In Eng.).
14. *Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects*. International Labour Office. Geneva : ILO, 2016. 45 p. ISBN 978-92-2-130941-3 (in Eng.).
15. Pembroke S. (2018) *Precarious work, precarious lives: how policy can create more security*. Dublin : TASC. 122 p. ISBN 978-1-9993099-0-9 (in Eng.).
16. Lorey I. (2015) *State of Insecurity: Government of the Precarious*. Transl. by A. Derieg. London : Verso. 148 p. ISBN 9781781685969 (in Eng.).
17. Standing G. (2018) The Precariat: Today's Transformative Class? *Development*. Vol. 61(1). Pp. 115-121. DOI: 10.1057/s41301-018-0182-5 (in Eng.).
18. Sadowski J. (2020) *Too smart: how digital capitalism is extracting data, controlling our lives, and taking over the world*. Cambridge, Massachusetts : MIT Press. 256 p. ISBN 9780262538589 (in Eng.).
19. Schiller D. (2019) *Digital Capitalism: Networking the Global Market System*. Cambridge, Massachusetts : MIT Press. 326 p. ISBN 978-0262194174 (in Eng.).
20. Arseienko A. G. (2021) *Sovremennyyi krizis global'nogo kapitalizma [The modern crisis of global capitalism]*. Kiev : Business Polygraf Printing House. 75 p. ISBN 978-966-139-120-7 (in Russ.).
21. Guillén A. (2020) Coronavirus Crisis or a New Stage of the Global Crisis of Capitalism? *Agrarian South: Journal of Political Economy*. Vol. 9, No. 3. Pp. 356-367. DOI: 10.1177/2277976020970040 (in Eng.).
22. Amin S. (2007) *The liberal virus: permanent war and the Americanization of the world*. Transl. by Sh. Nagiba, S. Kastal'skii. M. : "Europe" Publ. 168 p. ISBN 978-5-9739-0108-0 (in Russ.).
23. *Does capitalism have a future?* Collection of articles by Immanuel Wallerstein, Randall Collins, Michael Mann, Georgi Derluguian, and Craig Calhoun. M. : Gaidar Institute Publishing House, 2015. 320 p. ISBN 978-5-93255-405-0 (in Russ.).

The article was submitted on November 15, 2021.

Accepted on November 29, 2021.

Information about the author:

Anatoliy G. Arseienko, Candidate of Historical Sciences, Leading researcher,
Department of Economic Sociology, Institute of Sociology of the National Academy
of Sciences of Ukraine.

Kiev, Ukraine.

e-mail: anatoliy.arseenko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3137-6487

DOI 10.19181/nko.2021.27.4.6
УДК 316.343.6

В. А. Буткалюк¹

¹ Институт социологии НАН Украины.
Киев, Украина.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В ГЛОБАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию социально-экономического неравенства как одной из ключевых проблем современной экономической системы. Автор анализирует эволюцию, масштабы и специфику проявления феномена неравенства в условиях постфордистского / неолиберального режима накопления капитала в глобальном измерении. Национальный контекст неравенства исследуется на примере Украины, как одной из постсоветских стран, на протяжении всего постсоветского периода последовательно реализующей принципы неолиберализма на практике.

Автор уделяет внимание изучению социальных последствий и изменений неравенства в условиях текущей пандемии COVID-19, доказывая, что интенсификация негативных трендов развития общества в условиях корона-кризиса является закономерным следствием политики допандемийного периода. Рост бедности и неравенства, а также в целом тяжелые для большинства населения последствия пандемии стали во многом результатом истощения государственных и общественных институтов в условиях неолиберализма. Выход из текущего кризиса лежит в плоскости реализации на практике общественного запроса на построение более «равного» и справедливого общества в интересах большинства населения.

Автор основывает свои выводы на большом массиве отечественных и зарубежных источников по данной проблематике, а также результатов опросов общественного мнения. В частности, в статье используются данные социологических замеров Института социологии Национальной академии наук Украины, социологической компании Research&BrandingGroup, а также международной исследовательской компании Ipsos, проведенных в 2020-2021 гг.

Ключевые слова: неолиберализм, социально-экономическое неравенство, дифференциация населения, Украина, COVID-19.

Для цитирования: Буткалюк В.А. Проблема социально-экономического неравенства в глобальном и национальном измерении // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 4. С. 66-75. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.6

На протяжении всей истории развития социологической науки исследование феномена социального неравенства не теряет актуальности и относится к ключевым направлениям научного поиска. Это объясняется, в первую очередь, тем, что «неравенство составляет нерв социальной структуры и социального порядка любого общества» [1, с. 8]. Кроме того, анализ сущности, причин и последствий феномена неравенства является базовым для понимания тенденций развития глобального и локальных обществ и ключевых процессов общественного развития. Б. Миланович в своей книге «Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации» справедливо отмечает, что изучение неравенства за последние два века, и особенно за последние десятилетия, позволит увидеть, насколько глубоки изменения, которые произошли в мире [2, с. 16].

Актуальность исследования неравенства особенно возросла в последние десятилетия, когда реализация на практике принципов неолиберальной концепции роста и развития в большинстве стран мира привела к усугублению

проблемы неравенства в глобальном, межстрановом и национальном уровнях. Научному анализу сути, причин и социальных последствий этих процессов посвящены труды многих современных исследователей [2-7]. В последние годы данные разработки дополняются изучением метаморфоз данного глобального феномена в условиях текущей пандемии COVID-19, волна которой захлестнула мир в 2020-м году [8-11].

Данная статья ставит своей задачей дополнить социологический анализ и внести посильный вклад в изучение проблемы социально-экономического неравенства в глобальном и национальном измерении. Изучение национального контекста проводится на примере Украины, как одной из стран бывшего Советского Союза, на протяжении последних 30 лет последовательно реализующей неолиберальные реформы под эгидой наднациональных институтов (МВФ, ВБ, ВТО и т.п.).

Эволюция неравенства в условиях неолиберализма: глобальный контекст. Неравенство имеет длинную историю, выступая ключевой характеристикой всех классовых обществ. В условиях капиталистической системы наблюдались разные периоды, отличающиеся большим или меньшим уровнем неравенства, зависящем преимущественно от государственной политики регулирования данного феномена.

Изучение эволюции неравенства свидетельствует о нелинейности данного процесса и наличии специфики его проявления в разные периоды экономической глобализации. Так, сильный рост глобального экономического неравенства (а именно — неравенства доходов) был фиксирован ещё с начала промышленной революции с достижением пикового значения в середине XX в. С этого периода ситуация начала постепенно меняться: рост глобального неравенства сначала замедлился, а потом (по данным МОТ, с 2004 г. [12, р. 70]) вообще наметилась тенденция к его спаду [13].

Следует отметить, что весомый вклад в приостановку роста глобального неравенства во второй половине XX в. внесли беспрецедентный экономический рост и увеличение равенства в странах группы ОЭСР в результате реализации на практике концепции государства всеобщего благосостояния. В то время как «перелом» в сторону снижения данного глобального тренда стал возможен благодаря эффекту экономической конвергенции в результате мощного экономического подъема последних лет стран Азии (Китая и Индии), выступающих в данном контексте выравнивающей силой на глобальном уровне. При этом экономическое неравенство внутри и между странами продолжало увеличиваться [12, р. 70].

Существенные изменения в контексте социально-экономического неравенства произошли с начала 80-х гг. XX века как следствие неолиберальной глобализации и перехода глобальной экономической системы к постфордистскому режиму накопления капитала. Исходной точкой тектонических изменений общественной жизни в условиях постфордизма стало реформирование сферы труда и занятости. Такие тенденции последних десятилетий, как снижение доли трудовых доходов в национальном доходе стран, размывание связи между производительностью и ростом заработной платы, демонтаж государства всеобщего благосостояния и ослабление переговорной силы профсоюзов, являющиеся результатом перекаривания глобальной экономической системы по неолиберальным лекалам, относятся к числу ключевых причин роста неравенства в сфере труда, а в результате, на уровне всего общества.

Прямым следствием этих процессов стало не только расширение пропасти между богатым «Глобальным Севером» и бедным «Глобальным Югом», но и стремительный рост неравенства внутри всех капиталистических стран [14, с. 7]. В целом можно констатировать, что расширение и углубление социально-экономического неравенства является квинтэссенцией последствий неолиберальных трансформаций, реализуемых в капиталистических странах примерно с начала 80-х годов XX века.

В условиях постфордистского/неолиберального режима накопления капитала результаты экономического роста в основном оседали в карманах небольшой группы людей, в то время как трудовые доходы большинства работающих уменьшались. Эволюция экономического развития последних десятилетий подтверждает тезис известного исследователя проблем бедности и неравенства Дж. Сибрук о том, что «создание богатства без его перераспределения усиливает неравенство» [15, с. 100].

Как уже отмечалось, рост экономического неравенства начался с 80-х гг. XX в. Так, по результатам исследования Лаборатории неравенства, после 1980 г. на 1% лиц, получающих наиболее высокие доходы, пришлось вдвое большая доля мирового роста дохода, чем на 50% самых бедных слоев населения [16, р. 11]. Рост неравенства в данный период имел место практически во всех регионах мира с отличием только в его темпах, определявшихся экономической и социальной политикой государств. Так, например, наиболее быстрые темпы роста неравенства по доходам имели место в Северной Америке, Китае, Индии и России, а относительно умеренные – в странах Европы [17, р. 5]. Ускорение поляризации доходов и богатства стало особенно заметным после 90-х годов XX в. [17, р. 1]. С разрушением СССР были сняты все препятствия на пути глобальной экспансии рыночного фундаментализма, что вскоре отобразилось на показателях неравенства как внутри стран бывшего Советского Союза, так и на международном уровне.

В глобальном измерении усиление тенденций к увеличению неравенства и концентрации богатства в руках все меньшего количества людей привели к тому, что сегодня самый богатый 1% владеет почти половиной (45,8%) всех мировых активов, в то время как нижней по богатству половине населения мира (55%) в совокупности принадлежит меньше его 1,3%¹.

Не сыграла отведенную ей некоторыми экспертами роль «выравнивателя» и пандемия COVID-19. Согласно данным Credit Suisse Research Institute, за 2020-й «пандемийный год» мировое богатство выросло на 28,7 трлн. США (или на 7,4%), а общее количество миллионеров увеличилось на 5,2 млн, достигнув 56,1 млн чел.² За указанный период группа сверхбогатых людей (UHNW, ultra high net worth) выросла на 24%, что является самым большим показателем с 2003 года. Согласно выводам авторов Доклада, 2020 год знаменует собой год, когда впервые более одного процента всех взрослых людей мира в номинальном выражении являются долларовыми миллионерами³. В более узком измерении данные тенденции привели к росту совокупного состояния 25 самых богатых семей мира на 22% или на 312 млрд долл. США⁴.

¹ Global Wealth Report 2021 // Credit Suisse Research Institute. URL: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-report-2021-en.pdf> (last request 11.11.2021).

² Ibid, p. 5.

³ Ibid, p. 17-18.

⁴ Pendleton, D. World's Wealthiest Families Gained \$312 Billion Over Past Year // Bloomberg. 2021, September 17. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-09-17/world-s-wealthiest-families-gained-312-billion-over-past-year> (last request 11.11.2021).

В это же время пандемия выступила триггером сильнейшего социального кризиса, коснувшимся жизни большинства людей в каждом уголке планеты. Дестабилизация рынка труда в условиях пандемии привела к падению уровня трудовых доходов, росту бедности и неравенства [8, с. 1-2; 10-11]. Доля трудящихся, проживающих в условиях крайней бедности, за последний год выросла с 6,6% до нынешних 7,8% (в абсолютном измерении — на 31 млн чел). За тот же период количество работников, относящихся к группе умеренно бедных, выросло примерно на 77 млн (с 11,4% в конце 2019 года до нынешних 14,2%). Эта динамика объясняется как сокращением рабочего времени, так и падением уровня зарплаток и означает нивелирование прогресса последних лет в сокращении рабочей бедности в глобальном измерении и возврат к показателям 2015 г. [9, р. 27].

Кроме того, впервые за последнее десятилетие в результате роста бедности в условиях пандемии выросло число работающих детей. Сегодня этот показатель равняется 160 млн. По прогнозам МОТ и ЮНИСЕФ, к концу 2022 года ряды малолетних работающих пополнят еще 8,9 млн детей [18, р. 8].

Можно согласиться с выводом ООН о том, что глобальный вызов пандемии стал величайшим испытанием, с которым столкнулся мир с момента создания этой Организации, обнаружившим уязвимость занятости, слабость систем медицинской помощи и социальной защиты, а также хрупкость созданных в условиях неolibеральной экономики социальных институтов⁵. Данная глобальная беда знаменовала собой проявление системного кризиса современной модели общественного развития, сильнейшие диспропорции развития которой поставили человечество в условия невозможности преодоления текущего и возможных будущих подобных вызовов.

Метаморфозы социально-экономического неравенства в постсоветской Украине. По прошествии 30 лет структурных преобразований народного хозяйства по неolibеральным лекалам Украина оказалась на периферии глобального капитализма и фактически полностью утратила свой мощный научно-технический и промышленный потенциал, превратившись в поставщика дешевой рабочей силы и сырья. Основная масса жителей Украины сегодня проживает в условиях малообеспеченности, а пропасть между богатыми и бедными только увеличивается. Отсутствие более-менее значимой доли населения со средним достатком делает общество чувствительным к экономическим и политическим потрясениям и является базовым фактором его повышенной рискогенности и нестабильности.

Украина по неравенству удерживает пальму первенства: еще в 2012 г. она заняла первое место в мире по количеству миллиардеров на 100 млрд долл. ВВП, опередив в этом смысле Швейцарию почти в два раза, США, Бразилию, Индию — более чем в два раза, Великобританию — более чем в три раза⁶. Как свидетельствуют эксперты Института демографии и социальных исследований имени М. В. Птухи НАН Украины, разница между состоянием самых богатых

⁵ Гутерриш: пандемия выявила острые проблемы, в том числе опасность биотерроризма // Русская служба новостей ООН. 02 июля 2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/07/1381332> (дата обращения 11.11.2021); Гутерриш, А. Борьба с пандемией неравенства: новый общественный договор для новой эпохи // ООН. 18 июля 2020. URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/tackling-inequality-new-social-contract-new-era> (дата обращения 11.11.2021); COVID-19 and Human Development: Assessing the Crisis, Envisioning the Recovery [11, р. 4].

⁶ Грищенко, А. «Украинское экономическое чудо», или Куда ведут реформы? // МинПром. 19 июня 2016. URL: <https://minprom.ua/opinion/212880.html> (дата обращения 11.11.2021).

и беднейших 10% населения в Украине составляет 40 и более раз [19, с. 13]. По мнению экспертов Института экономики и прогнозирования НАН Украины, доход 10% самых богатых людей в Украине превышает доход 10% беднейших граждан в 30-50 раз [20, с. 24]. В мировой практике считается, что превышение доходов 10% самых богатых над доходами 10% беднейших граждан в 10 раз является предельно-критическим и приводит к антагонизации социальной структуры [21, с. 185]. В Украине этот показатель в несколько раз больше, что является одной из основных причин грядущих социальных потрясений.

Особенно острой в Украине является проблема неравенства в сфере труда. Так, уровень заработной платы топ-чиновников и госуправленцев в одной из самых бедных стран Европы, превышает такие даже в самых развитых странах мира, что особенно цинично выглядит на фоне массового обеднения населения. Например, зарплата главы НАК «Нафтогаз Украины» (без учета ежемесячной премии) превышает среднемесячный уровень по стране в 136 раз. А зарплата руководителей «Укроборонпрома» и «Укрзалізниця» — в 70 и 45 раз соответственно [22, с. 185].

Украина относится к странам, влияние пандемии на экономики которых оказалось крайне губительным. По прогнозам ООН, рецессия, с которой столкнулась сегодня Украина, станет наиболее разрушительной за последнее десятилетие⁷. Несмотря на частичную адаптацию бизнеса и государства к новым условиям, темпы обновления экономики сегодня достаточно медленные. Одной из ключевых причин этого является низкий темп вакцинации, что создает дополнительные риски будущих экономических потерь⁸.

Сложность экономической ситуации в условиях пандемии определяется, в первую очередь, финансово-экономической слабостью и отсталостью государства «допандемийного» периода. Экономическая слабость [23, с. 102], а также пребывание Украины в сильной внешней долговой зависимости (валовой внешний долг составляет 81,2% ВВП)⁹ определили её неспособность реализовать адекватную для борьбы с пандемией социально-экономическую политику, направленную на поддержку производственного сектора и населения в условиях стагнации и падения экономики.

Кроме того, повышение уязвимости широких слоев населения в результате длительного экономического спада формировали такие специфические характеристики украинской экономики как высокий уровень безработицы (9,2% по состоянию на 2019 год по данным официальной статистики¹⁰ и около 15-17% по данным экспертов), высокий уровень неформальной занятости (от 30% до 50%), сильная зависимость от денежных переводов от трудовых мигрантов (10% ВВП) [24, р. 20], а также низкий уровень доходов и отсутствие «подушки безопасности» у большинства населения [23, с. 59-63].

В результате социально-экономические потери Украины в условиях пандемии стали очень сильными. Официальный уровень безработицы вырос с 9,2%

⁷ Огляд гуманітарної ситуації – жовтень 2020 р. // Humanitarian Response. 2020. URL: https://www.humanitarianresponse.info/sites/www.humanitarianresponse.info/files/documents/files/ukraine_humanitarian_snapshot_20201110-ua.pdf (дата обращения 11.11.2021).

⁸ Нацбанк ухудшил прогноз роста ВВП в 2021 году до 3,8% // Экономическая правда. 15 апреля 2021. URL: <https://www.epravda.com.ua/rus/news/2021/04/15/673036/> (дата обращения 11.11.2021)..

⁹ Зовнішній борг України на кінець 2020 року // Національний банк України. 22.09.2021. URL: https://bank.gov.ua/files/ES/ExDebt_u.pdf (дата обращения 11.11.2021).

¹⁰ Рівень безробіття населення // Державна служба статистики. 2021. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/> (дата обращения 11.11.2021).

до 10,5%¹¹. По результатам исследования ООН, в 2020 году более 80% домохозяйств Украины лишились доходов, а экономический кризис может привести к взрывному росту крайней бедности в стране¹².

Корона-кризис не стал для украинцев импульсом к созданию и реализации положительных механизмов её преодоления, напротив, большинство жителей избрали для себя отрицательные её образцы, в частности, тактику тотальной экономии и сокращение потребления базовых товаров и услуг. В условиях массовой хронической малообеспеченности (из исследований 2019 года средняя украинская семья тратила на продукты питания и оплату коммунальных услуг 81% совокупного месячного дохода), основной статьёй экономии украинцев стали расходы на продукты питания. Согласно данным опроса Института социологии НАН Украины, каждый четвертый респондент (27%) признался, что в условиях корона-кризиса в 2020 году он или члены его семьи были вынуждены сокращать потребление продуктов питания. Кроме того, многие жители столкнулись с такими проявлениями экономического кризиса как ограничение покупок одежды, обуви и других вещей (33%), трудности с оплатой коммунальных услуг из-за постоянного уменьшения семейного бюджета (29%), а также трудности с получением необходимого лечения и приобретением лекарств (25%).

Стагнация доходов большинства населения в условиях крайне ограниченной государственной социальной поддержки и роста стоимости жизни способствовали еще большей депривации населения и росту социально-экономического неравенства в Украине.

Сложившаяся олигархически-клановая система управления с глубоко укоренившейся коррумпированностью и неравенством противоречит интересам и ожиданиям широких слоев населения. Социологические исследования показывают, что большинство граждан Украины являются сторонниками более справедливого общественного устройства и считают нынешнюю систему несправедливой и действующей в интересах только богатых слоев населения.

Существующее в Украине неравенство доходов и богатства признают несправедливым 9 из 10 украинцев. Индекс социальной справедливости в Украине равен 9 (где «0» — наименьший уровень справедливости, «100» — самый высокий уровень справедливости). Наиболее часто украинцы сталкиваются с несправедливым, по их мнению, отношением к себе в сфере труда (в процессе трудовой деятельности, при оплате труда, при попытках устроиться на работу). Не сделал украинское общество более справедливым и «евромайдан». По мнению половины респондентов (47%) после «евромайдана» украинское общество стало еще более несправедливым, чем было до него. А каждый третий украинец (32%) уверен, что справедливости было больше в советское время¹³.

Затяжной характер пандемии угрожает Украине серьезными гуманитарными и социально-экономическими потерями, стагнацией экономики и общественной жизни, дальнейшим ростом неравенства, депривацией населения и блокированием возможностей выхода из текущего кризиса.

¹¹ Там же.

¹² Огляд гуманітарної ситуації – жовтень 2020 р. // Humanitarian Response. 2020. URL: https://www.humanitarianresponse.info/sites/www.humanitarianresponse.info/files/documents/files/ukraine_humanitarian_snapshot_20201110-ua.pdf (дата обращения 11.11.2021).

¹³ Всеукраїнське ролінгове дослідження «Рубікон» // Research & Branding Group. 2020. URL: <http://rb.com.ua/blog/rubikon/> (дата обращения 11.11.2021).

Выводы. Реализация неолиберальных реформ привела к росту экономического неравенства, нынешний уровень которого считают несправедливым большинство населения во многих странах мира. А саму систему, воспроизводящую это неравенство, таковой, которая работает в интересах богатых и влиятельных людей, а не большинства населения¹⁴.

В Украине, так и во многих других странах, социологические исследования фиксируют мощный общественный запрос на социальную справедливость и «выравнивание» социально-экономической системы в интересах большей доли населения. Особенно усилились эти настроения в условиях пандемии, со всей очевидностью показавшей слабость социальных и медицинских систем и ограниченность государственных ресурсов в борьбе с подобными глобальными вызовами. Согласно международному опросу Ipsos, сегодня большинство населения желает, чтобы после пандемии мир значительно изменился и стал более устойчивым и справедливым¹⁵. Кроме того, большинство населения поддерживает такие меры «выравнивания», как введение прогрессивного налогообложения и увеличения налоговых ставок для богатых, введение базового дохода, предоставление бесплатной медицинской помощи больным COVID-19 и увеличение государственной поддержки сферы здравоохранения.

Возросший запрос на изменения, «выравнивание» условий жизни и возможностей, а также социальную справедливость, фиксируемый сегодня во всем мире, требует свертывания неолиберальных практик и перехода к политике, учитывающей интересы более широких слоев населения. Дальнейшее игнорирование данного запроса на фоне стремительного ухудшения жизни в условиях корона-кризиса станет бустером дальнейшего усиления политической и социальной напряженности и может привести к социальным потрясениям с непредсказуемыми последствиями.

Библиографический список

1. Полякова, Н. Л. Оформление неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24, № 4. С. 7-25. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-7-25.
2. Миланович, Б. Глобальное неравенство. Новый поход для эпохи глобализации / Пер. с англ. Д. Шестакова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 333 с. ISBN 978-5-93255-489-0.
3. Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России / Под общ. ред. Н. Г. Осиповой. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2021. 276 с. ISBN 978-5-88045-478-5.
4. Стиглиц, Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Пер. с англ. Е. Рождественская. М.: Эксмо, 2015. 512 с. ISBN 978-5-699-72540-3.
5. Atkinson, A. Inequality: What Can Be Done? Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, 2015. 536 p. ISBN 978-0-674-50476-9.
6. Time to care. Unpaid and underpaid care work and the global inequality crisis / M. Lawson, A. P. Butt, R. Harvey [et al.]. Oxford: Oxfam International, 2020. 63 p. ISBN 978-1-78748-541-9.
7. Piketty, T. The Economics of Inequality. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press, 2015. 160 p. ISBN 9780674504806.

¹⁴ Відчуття роз'єднаності у 2021. Популізм, антиелітизм та нативізм // Ipsos. 2021. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-10/GA-Broken_System-Populist_Anti-Elitism_and_Nativism_2021_ua-ua.pdf (дата обращения 11.11.2021).

¹⁵ Around the world, people yearn for significant change rather than a return to a “pre-COVID normal” // Ipsos. 2020. URL: <https://www.ipsos.com/en/global-survey-unveils-profound-desire-change-rather-return-how-life-and-world-were-covid-19> (last request 11.11.2021).

8. COVID-19 и сфера труда // Вестник МОТ. Выпуск 7. 25 января 2021. 38 с.
9. World Employment and Social Outlook: Trends 2021. Geneva: ILO, 2021. 164 p. ISBN 978-92-2-031958-1.
10. The Inequality Virus. Bringing together a world torn apart by coronavirus through a fair, just and sustainable economy / *E. Berkhout, N. Galasso, M. Lawson [et al.]*. Oxford: Oxfam International, 2021. 83 p. ISBN 978-1-78748-640-9.
11. COVID-19 and Human Development: Assessing the Crisis, Envisioning the Recovery. New York: United Nations Development Program, 2020. 35 p. URL: <http://hdr.undp.org/en/hdr-covid> (last request 11.11.2021).
12. World Employment and Social Outlook: Trends 2020. Geneva: ILO, 2020. 108 p. ISBN 978-92-2-031408-1.
13. *Миланович, Б.* Глобальное неравенство: от классовой принадлежности к стране проживания, от пролетариев к мигрантам // Экономическая политика. 2016. Т. 11, № 1. С. 14-26. DOI: 10.18288/1994-5124-2016-1-02.
14. *Арсеенко, А. Г., Малюк, А. Н., Толстых, Н. В.* Вызовы глобализации и Украина. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2011. 516 с. ISBN 978-966-02-6034-4.
15. *Сибрук, Дж.* Мировая бедность / Пер. с англ. А. Захарова. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. 192 с. ISBN 978-5-4224-0793-4.
16. Global Inequality Dynamics: New Findings from WID.world / *F. Alvaredo, L. Chancel, T. Piketty [et al.]*. Cambridge, Massachusetts: NBER, 2017. Working Paper No. 23119. URL: <https://www.nber.org/papers/w23119> (last request 11.11.2021).
17. *Alvaredo, F., Chancel, L., Piketty, T. [et al.]*. World Inequality Report 2018. URL: <https://wir2018.wid.world> (last request 11.11.2021).
18. Child Labour: Global estimates 2020, trends and the road forward. New York: ILO and UNICEF, 2021. 88 p. ISBN: 978-92-2-034878-9.
19. Нерівність в Україні: масштаби та можливості впливу / За ред. Е. М. Лібанової. Київ: Інститут демографії та соціальних досліджень імені М. В. Птухи НАН України, 2012. 404 с. ISBN 978-966-304-005-9.
20. Детермінанти соціально-економічної нерівності в сучасній Україні / *О. М. Балакірева, В. А. Головенько, Д. А. Дмитрук [та ін.]*; За ред. О. М. Балакіревої. Київ: Інститут економіки та прогнозування НАН України, 2011. 592 с. ISBN 978-966-02-6144-0.
21. Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / Под. ред. Г. В. Осипова. М.: Либроком, 2009. 528 с. ISBN 978-5-397-07756-9.
22. *Волошина, О. В., Иванов, О. В., Иващенко, А. І. [та ін.]*. Аналіз оплати праці державних службовців у контексті реформування системи державного управління: збірка досліджень / За заг. ред. В. М. Мазярчука. Київ, 2019. 210 с. ISBN 978-617-7533-42-8.
23. *Петрушина, Т., Арсеенко, А., Буткалюк, В.* Куди йде Україна у XXI сторіччі? Соціальні зміни в українському суспільстві за умов економічної глобалізації: соціологічний вимір. Наукова доповідь. Київ: Інститут соціології НАН України. 2020. 120 p. ISBN 978-966-02-9424-0.
24. COVID-19 in Ukraine: Impact on Households and Businesses. New York: United Nations Development Programme. 2020. 108 p. URL: https://sme.gov.ua/wp-content/uploads/2020/12/6_COVID19%20in%20Ukraine_Impact%20on%20Households%20and%20Businesses.pdf (last request 11.11.2021).

: 15.11.2021.
: 29.11.2021.

Сведения об авторе:

Буткалюк Виталина Александровна, кандидат социологических наук, научный сотрудник, отдел экономической социологии, Институт социологии Национальной академии наук Украины. Киев, Украина.
e-mail: vbutkalyuk@ukr.net

V. A. Butkaliuk¹

¹ Institute of Sociology of the NAS of Ukraine. Kiev, Ukraine.

GLOBAL AND NATIONAL DIMENSIONS OF THE SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY PROBLEM

Abstract. The article is devoted to the study of socio-economic inequality as one of the key problems of the modern economic system. The author analyzes the evolution, scale and specificity of the manifestation of the phenomenon of inequality in the context of the intensification of economic globalization and the post-Fordist / neoliberal regime of capital accumulation in the global dimension. The national context of inequality is investigated on the example of Ukraine, as one of the post-Soviet countries, consistently implementing the principles of neoliberalism in practice throughout the post-Soviet period.

The author pays attention to the study of the social consequences and changes in inequality in the context of the current COVID-19 pandemic, arguing that the intensification of negative trends in the development of society in the context of the corona-crisis is a natural consequence of the policy of the pre-pandemic period. The growth of poverty and inequality, as well as the generally negative consequences of the pandemic for the majority of the population, were largely the result of the depletion of state and public institutions in the context of neoliberalism. The way out of the current crisis lies in the implementation in practice of the public demand for building a more "equal" and just society in the interests of the majority of the population.

The author bases her conclusions on a large array of domestic and foreign sources on this issue, as well as the results of public opinion polls. In particular, the article uses the data of sociological measurements of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, the sociological company Research & BrandingGroup, as well as the international research company Ipsos, conducted in 2020-2021.

Keywords: neoliberalism, socio-economic inequality, population differentiation, Ukraine, COVID-19.

For citation: Butkaliuk V.A. (2021) *Global and national dimensions of the socio-economic inequality problem. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 4. P. 66-75. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.6*

References

1. Polyakova N. L. (2018) The formation of social inequality in the everyday practices: the historical perspective. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science.* Vol. 24, No. 4. Pp. 7-25. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-4-7-25 (in Russ.).
2. Milanović B. (2017) *Global inequality: a new approach for the age of globalization.* Transl. from Eng. by D. Shestakov. M. : Gaidar Institute Publishing House. 333 p. ISBN 978-5-93255-489-0 (in Russ.).
3. Osipova N. G. (ed.) (2021) *Sotsial'noe neravenstvo v sovremennom mire: novye formy i osobennosti ikh proyavleniya v Rossii [Social inequality in the modern world: new forms and features of their manifestation in Russia].* M. : Perspektiva Publ. 276 p. ISBN 978-5-88045-478-5 (in Russ.).
4. Stiglitz J. (2015) *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future.* Transl. from Eng. by E. Rozhdestvenskaya. M. : Eksmo Publ. 512 p. ISBN 978-5-699-72540-3 (in Russ.).
5. Atkinson A. (2015) *Inequality: What Can Be Done?* Cambridge, Massachusetts, London, England : Harvard University Press. 536 p. ISBN 978-0-674-50476-9 (in Eng.).
6. Lawson M., Butt A. P., Harvey R. [et al.] (2020) *Time to care. Unpaid and underpaid care work and the global inequality crisis.* Oxford: Oxfam International. 63 p. ISBN 978-1-78748-541-9 (in Eng.).
7. Piketty T. (2015) *The Economics of Inequality.* Cambridge, Massachusetts ; London, England : Belknap Press. 160 p. ISBN 9780674504806 (in Eng.).
8. COVID-19 and the world of work. *ILO Monitor.* Issue 7. 2021, January 25. 38 p. (In Russ.).

9. *World Employment and Social Outlook: Trends 2021*. Geneva: ILO, 2021. 164 p. ISBN 978-92-2-031958-1 (in Eng.).
10. Berkhout E., Galasso N., Lawson M. [et al.] (2021) *The Inequality Virus. Bringing together a world torn apart by coronavirus through a fair, just and sustainable economy*. Oxford: Oxfam International. 83 p. ISBN 978-1-78748-640-9 (in Eng.).
11. *COVID-19 and Human Development: Assessing the Crisis, Envisioning the Recovery*. New York: United Nations Development Programme, 2020. 35 p. URL: <http://hdr.undp.org/en/hdp-covid> (last request 11.11.2021) (in Eng.).
12. *World Employment and Social Outlook: Trends 2020*. Geneva: ILO, 2020. 108 p. ISBN 978-92-2-031408-1 (in Eng.).
13. Milanović B. (2016) Global Inequality: From Class to Location, from Proletarians to Migrants. *Economic Policy*. Vol. 11, No. 1. Pp. 14-26. DOI: 10.18288/1994-5124-2016-1-02 (in Russ.).
14. Arsenko A. G., Malyuk A. N., Tolstykh N. V. (2011). *Vyzovy globalizatsii i Ukraina [Challenges of globalization and Ukraine]*. Kyiv : Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine. 516 p. ISBN 978-966-02-6034-4 (in Russ.).
15. Seabrook J. (2014) *World poverty*. Transl. from Eng. by A. Zakharov. M. : Knizhnyi Klub Knigovek Publ. 192 c. ISBN 978-5-4224-0793-4 (in Russ.).
16. Alvaredo F., Chancel L., Piketty T. [et al.] (2017) *Global Inequality Dynamics: New Findings from WID.world*. Cambridge, Massachusetts : NBER. Working Paper No. 23119. URL: <https://www.nber.org/papers/w23119> (last request 11.11.2021) (in Eng.).
17. Alvaredo F., Chancel L., Piketty T. [et al.] (2018) *World Inequality Report 2018*. URL: <https://wir2018.wid.world> (last request 11.11.2021) (in Eng.).
18. *Child Labour: Global estimates 2020, trends and the road forward*. New York: ILO and UNICEF. 2021. 88 p. ISBN: 978-92-2-034878-9 (in Eng.).
19. *Nerivnist' v Ukraïni: masshtabi ta mozhливosti vplivu [Inequality in Ukraine: scale and opportunities of influence]*. Ed. by E. M. Libanova. Kyiv : M. V. Ptukha Institute of demography and Social Research of the NAS of Ukraine. 2012. 404 p. ISBN 978-966-304-005-9 (in Ukrainian).
20. Balakireva O. M., Goloven'ko V. A., Dmitruk D. A. [et al.] (2011) *Determinanti sotsial'no-ekonomichnoi nerivnosti v suchasniï Ukraïni [Determinants of socio-economic inequality in modern Ukraine]*. Ed. by O. M. Balakireva. Kyiv : Institute of Economics and forecasting of the NAS of Ukraine. 592 p. ISBN 978-966-02-6144-0 (in Ukrainian).
21. *Global'nyi krizis zapadnoi tsivilizatsii i Rossiya [The Global Crisis of Western Civilization and Russia]*. Ed. by G. V. Osipov. M. : Librokom Publ. 2009. 528 p. ISBN 978-5-397-07756-9 (in Russ.).
22. Voloshina O. V., Ivanov O. V., Ivashchenko A. I. [et al.] (2019) *Analiz oplati pratsi derzhavnikh sluzhbovtziv u konteksti reformuvannya sistemi derzhavnogo upravlinnya: zbirka doslidzhen' [Analysis of remuneration of civil servants in the context of Public Administration Reform: a collection of studies]*. Kyiv. 210 p. ISBN 978-617-7533-42-8 (in Ukrainian).
23. Petrushyna T., Arseienko A., Butkaliuk V. (2020) *Where is Ukraine going in the 21st century? Social changes in Ukrainian society in the context of economic globalization: sociological dimension*. Scientific report. Kyiv : Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine. 120 p. ISBN 978-966-02-9424-0 (in Ukrainian).
24. *COVID-19 in Ukraine: Impact on Households and Businesses*. New York: United Nations Development Programme. 2020. 108 p. URL: https://sme.gov.ua/wp-content/uploads/2020/12/6_COVID19%20in%20Ukraine_Impact%20on%20Households%20and%20Businesses.pdf (last request 11.11.2021) (in Eng.).

The article was submitted on November 15, 2021.

Accepted on November 29, 2021.

Information about the author:

Vitalina A. Butkaliuk, Candidate of Sociology, Researcher, Department of Economic Sociology, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Kiev, Ukraine.

e-mail: vbutkalyuk@ukr.net

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI 10.19181/nko.2021.27.4.7

УДК 316.422; 347.51

С. М. Зубарев¹, А. В. Иванов²

¹ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина.

² Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Оба – Москва, Россия.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-011-00749¹*

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния цифровых технологий государственного управления на его эффективность. Развитие новых информационно-коммуникационных технологий, перераспределение управленческих полномочий в сетевом пространстве, переход на качественно иной уровень взаимодействия субъектов государственного управления приводят к большому системным изменениям как среды функционирования самого государственного аппарата, так и процесса принятия и реализации различных государственных управленческих решений. Рассматриваются вопросы готовности органов исполнительной власти к использованию современных цифровых технологий, дается анализ преимуществ и рисков цифровизации государственного управления. В статье эмпирически доказывается, что усиления государства по формированию цифровой среды взаимодействия с гражданами в высокой мере отвечают на запрос общества о снижении уровня бюрократизма и волокиты, делают процесс исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг гражданам оперативным и доступным. Цифровые технологии государственного управления (в виде различных цифровых сервисов и интернет-платформ) не только облегчают принятие и реализацию управленческих решений, но и позитивно воспринимаются и активно используются гражданами.

Эмпирической основой статьи служат данные социологического опроса экспертов – государственных служащих, проведенных в рамках реализации научного проекта РФФИ № 20-011-00749 «Механизм обеспечения эффективности государственных управленческих решений в условиях цифровизации».

Ключевые слова: цифровые технологии государственного управления, цифровая среда, уровни власти, эффективность государственного управления, цифровое государство, цифровые государственные услуги, новые возможности цифровых методов государственного управления.

Для цитирования: Зубарев С.М., Иванов А.В. Социально-политические риски цифровизации и их влияние на государственное управление // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 4. С. 76-91. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.7

¹ Экспертный опрос проведен в рамках реализации гранта РФФИ «Механизм обеспечения эффективности государственных управленческих решений в условиях цифровизации». В ходе полевого этапа, проведенного с 15.07.2021 г. по 15.09.2021 г. в смешанном режиме (очное экспертное интервью и «on-line» экспертное интервью) опрошено 100 экспертов, являющихся работниками различных уровней исполнительной власти (федеральной, регионально, муниципальной). Опрос проведен в г. Москва (Администрация Президента РФ), Администрации Московской области, Администрации Тамбовской области, Администрации г. Мичуринск Тамбовской области, в органах федеральной исполнительной власти в гг. Дмитров и Истра Московской области.

Проблемы вступления человечества в эпоху нового технологического уклада, коренным образом изменяющие все базовые цивилизационные процессы развития сегодня стали фундаментальным направлением исследований ученых всего мира. Отражением глобальных мировых процессов цифровой трансформации в России сегодня является активно разрабатываемая и продвигаемая властными структурами концепция «цифрового государства» или «государство- платформа» [1].

Российское общество вступает в новую цифровой реальность, формирующую новые механизмы социального взаимодействия между органами власти и гражданами. К ним, в первую очередь, относятся цифровые технологии государственного управления, активно разрабатываемые государством и реализуемые на всех уровнях властной вертикали. В рамках научного проекта «Механизм обеспечения эффективности государственных управленческих решений в условиях цифровизации» была поставлена исследовательская задача: оценить степень влияния процесса цифровизации на государственное управление. По мнению экспертов, важнейшим фактором, снижающим эффективность цифровых технологий в сфере государственного управления, является отсутствие единой нормативной правовой базы применения цифровых управленческих технологий, несогласованность и противоречивость их регулирования.

В настоящее время вопросы цифровизации государственного управления нашли отражение в различных нормативных правовых актах, к основным из которых следует отнести:

- Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203;
- Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646;
- Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 01.12. 2016 № 642;
- Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждена Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490;
- Стратегию развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 – 2020 годы и на перспективу до 2025 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р;
- Государственную программу Российской Федерации «Информационное общество», утв. постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 31.03.2021);
- Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»», утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 № 7;
- Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление», утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9.

Кроме того, аналогичные проекты приняты во всех субъектах Российской Федерации (см., например, [2]).

К сожалению, следует констатировать, что применение цифровых технологий в государственном управлении не нашло должного закрепления прежде всего на законодательном уровне. Нет упоминания о возможности их использования

в деятельности Правительства РФ в новом статутном законе от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ, фрагментарно говорится об информационно-коммуникационных технологиях в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Кроме того, такое количество одновременно действующих различных по статусу документов, которые по идее должны способствовать цифровизации государственного управления, на самом деле содержат очень серьезные риски дестабилизации этого процесса ввиду отсутствия единства нормативно установленных целей, задач, а также мероприятий по их достижению. В этой связи изучение мнения государственных служащих о современном состоянии и перспективах, позитивном и негативном опыте внедрения цифровых технологий в государственное управление имеет не только теоретическое, но и прикладное значение для совершенствования их правового регулирования.

Оценка экспертами актуального уровня цифровизации и его влияния на повышение эффективности государственного управления. В целом эксперты положительно оценивают процесс цифровизации государственного управления и заявляют о росте его эффективности при реализации возложенных на органы власти функций и полномочий (см. рис. 1). Около четверти экспертов (23,0%) убеждены, что цифровизация государственного управления в высокой степени способствует росту его эффективности. Около половины опрошенных экспертов (45,0%) менее оптимистичны в своих оценках, однако, все же являются твердыми сторонниками процесса цифровизации государственного управления, считая, что она в «средней степени» способствует росту его эффективности. Значительное число экспертов сегодня являются противниками процесса цифровизации государственного управления, не видят в ней потенциала для роста его эффективности (18,0%).

Низкая оценка потенциала цифровизации государственного управления в значительно большей степени характерна для экспертов регионального уровня. Так, в г. Москве данной позиции придерживаются 17,5% экспертов, в Московской области 15,5%, а в г. Тамбове 30,8% и в Тамбовской области (г. Мичуринск) – 22,2% соответственно. В городах Истра и Дмитров по 25% экспертов. Полученные экспертные оценки позволяют говорить о существовании технического, технологического и профессионального отставания региональных структур

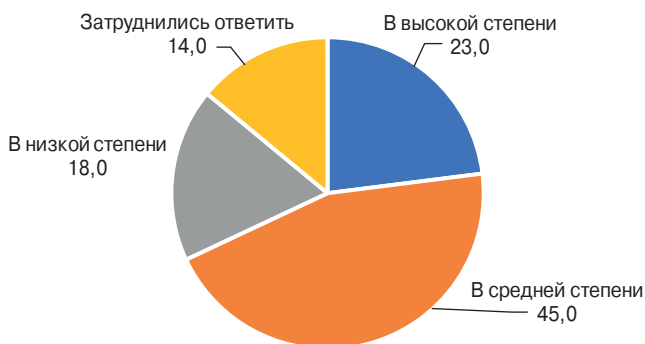

Рисунок 1. В какой степени существующий уровень цифровизации управленческой деятельности способствует осуществлению эффективной социальной политики? (% от числа опрошенных)

государственной власти от управленческого центра. В первую очередь это проявляется в низком качестве и скорости информационных каналов и интернет-сетей, невозможности использования современных программных продуктов на устаревшем оборудовании и, как следствие, низкой профессиональной компетентности муниципальных и региональных управленцев в использовании новых цифровых возможностей в государственном управлении. «Очередной этап зрелости цифрового государственного управления связан с датацентричностью – формированием государственного управления, решения в котором все в большей степени основаны на объективных данных. При этом цифровизация расширяет возможности использования самых различных источников таких данных при планировании, мониторинге и оценке достигаемых результатов, принятии управленческих решений» [3].

Выявленная тенденция подтверждается характером экспертных оценок, полученных на различных уровнях власти. Так, о высокой степени влияния процесса цифровизации государственного управления на его эффективность заявили 43,5% экспертов, работающих в федеральных органах власти, 30,4% экспертов из числа региональных управленцев и лишь 17,4% муниципальных управленцев.

Влияние цифровых технологий на эффективность государственного управления. Одной из главных исследовательских задач при реализации данного проекта является получение экспертных оценок влияния применяемых цифровых технологий государственного управления на его эффективность в различных направлениях управленческой деятельности исполнительных органов власти. Полученные в ходе экспертного опроса данные позволяют сделать вывод об общей позитивной оценке влияния цифровых технологий на рост эффективности государственного управления во всех областях управленческой деятельности. Тем не менее, экспертные оценки в значительной степени дифференцированы по уровню эффективности влияния цифровых управленческих технологий в различных областях государственного управления, что позволяет выявить и проанализировать их узкие места. С другой стороны, представляется возможность более детально рассмотреть, отмеченные экспертами, преимущества цифровых управленческих технологий, оказывающих позитивное влияние на рост его эффективности в различных областях государственного управления.

Наиболее позитивные оценки экспертов наблюдаются в отношении роста эффективности цифровых методов государственного управления в области социальной поддержки и защиты социально незащищенных граждан, малоимущих, пенсионеров и инвалидов. Более 74% экспертов заявляют о положительном влиянии цифровых технологий государственного управления причем, 40% из них отмечают значительный рост эффективности государственного управления в данной области, а еще 11% экспертов о высоком росте. Высоко оценивают представители экспертного сообщества применение цифровых технологий в области обеспечения общественной безопасности и правопорядка. О наличии такого позитивного влияния заявляют 82% опрошенных экспертов и 31% из них отмечают высокий уровень влияния цифровых технологий на эффективность государственного управления в данной области.

О росте избирательности и адресности государственного управления в области осуществления социальной политики в отношении отдельных категорий населения (семейная, молодежная политика, политика в отношении пожилых и инвалидов) свидетельствуют оценки экспертов, консолидировано заявляющих о повышении эффективности управленческой деятельности в этой области

государственного управления. Так, о высоком и значительном эффекте от применения цифровых технологий в этом направлении высказались 14,0% и 34,0% экспертов соответственно. Около трети экспертов – 28,0%, оценивают эффект как «средний», о «незначительном эффекте» и отсутствии такового» заявили 3,0% и 14,0% соответственно.

Очень важным результатом экспертного опроса является выявленная устойчивая тенденция роста эффективности деятельности самих органов власти в связи с использованием цифровых технологий в государственном управлении. Причем, о значительном положительном эффекте заявило 40% экспертов, о высоком – 10% и о среднем эффекте – 21% экспертов. Это отмечают эксперты на всех уровнях государственного управления. Так, о переходе на электронный документооборот заявляет подавляющее число экспертов на всех уровнях государственного управления (федеральный уровень – 82,1%, региональный – 83,3%, муниципальный – 67,7%). Все более активно государственные, региональные и муниципальные управленцы используют возможности принятия решений на основе применения технологий «Big Data», систем «распределенного реестра», государственные информационные системы становятся необходимым атрибутом управленческой деятельности. Все это обеспечивает гибкость, оперативность, точность управленческих решений, что обеспечивает рост эффективности государственного управления в целом.

Значительный рост эффективности отмечается и в целом ряде других областей государственного управления. В первую очередь это относится к использованию цифровых технологий государственного управления в развитии и регулировании отраслей социальной сферы. О положительном эффекте цифровизации в здравоохранении, образовании, науке, культуре, физической культуре и спорте заявляет 85,0% экспертов, причем о высоком и значительном положительном эффекте от применения цифровых технологий в данных областях высказались 25,0% и 39,0% экспертов соответственно. О незначительном эффекте сообщают лишь 2,0% экспертов.

В высоком и значительном положительном эффекте цифровых технологий государственного управления в сфере труда и трудовых отношений (оплата труда, охрана труда и социальное страхование, занятость населения) уверены 49,0% экспертов, о среднем эффекте позитивного влияния цифровых технологий государственного управления в этой сфере заявляют еще 23,0% экспертов. Позитивный эффект от применения цифровых технологий государственного управления в области развития современной инфраструктуры (жилье, транспорт, дороги, связь, торговля и бытовое обслуживание) также отмечается экспертами. Более половины экспертов (57,0%) заявляют об этом, еще 21,0% придерживаются позиции, что положительный эффект есть, но характеризуют его как «средний». О незначительном эффекте высказались лишь 6,0% представителей экспертного сообщества. Отсутствие эффекта от применения цифровых технологий государственного управления в данной сфере отметили 12,0% экспертов.

Экспертам также было предложено оценить степень влияния цифровых технологий государственного управления на рост доходов и благосостояния граждан. При анализе экспертных оценок, полученных по этому важнейшему направлению государственной политики необходимо учитывать, что цифровизация не решает задачу роста благосостояния граждан. Она является одним из эффективных инструментов, обеспечивающих успешное достижение этой глобальной цели развития российского общества. В рамках нашего исследования

мы можем говорить о выявлении устойчивой тенденции позитивной экспертной оценки влияния цифровых технологий государственного управления на доходы и уровень благосостояния граждан. Цифровые технологии в этой сфере, прежде всего, помогают оптимизировать расходы граждан, управлять бюджетом семьи, не допустить дублирования платежей, обезопасить денежные расчеты граждан с помощью перевода их в безналичную форму и т.д. и, в этом смысле, способствуют повышению доходов граждан и росту уровня благосостояния. Более трети экспертов (34,0%) отмечают высокий и значительный эффект цифровых технологий государственного управления в этой сфере, еще четверть (25,0%) наличия среднего эффекта. Лишь 11,0% считают, что эффект отсутствует. Таким образом, большинство экспертов дают высокую оценку влияния цифровых технологий государственного управления на рост эффективности государственной политики в области доходов и благосостояния населения.

Тем не менее, в ходе экспертного опроса выявлен ряд сфер государственного управления, которые не столь оптимистично оцениваются экспертами в плане роста их эффективности и влияния на этот процесс цифровых технологий. К ним, в первую очередь, относится государственное регулирование в области экологической политики. При оценке данной сферы государственного управления, наибольшее количество экспертов затруднились оценить влияние цифровых технологий государственного управления в сфере экологии (23%), заявили об отсутствии влияния (11%) и около трети экспертов считают эффект от их внедрения незначительным (28%).

Низкий уровень ожиданий экспертного сообщества по поводу внедрения цифровых технологий государственного управления в сфере экологической политики зависит от ряда факторов, снижающих эффективность государственного управления в данной сфере. Во-первых, экология, как наука о природосбережении является очень молодой, ее предметное поле еще не сформировалось окончательно, а перед лицом все более часто возникающих новых экологических угроз и рисков, она не всегда может предложить своевременные меры борьбы и предупреждения опасных последствий, что и приводит к неполному правовому регулированию. Во-вторых, законодательная база в области экологии только формируется и развивается. Именно этим объясняется столь высокий процент экспертов, затруднившихся дать оценку эффективности государственного управления в экологической сфере. В-третьих, низкий уровень экологической грамотности населения и неразвитость в массовом сознании россиян приоритетов экологического поведения затрудняют юридическое оформление законодательства в области экологии.

Еще одно направление государственного управления – демографическая и миграционная политика внушает экспертам значительно меньше оптимизма. Так, четверть экспертов (25,0%) отмечают, что цифровые технологии государственного управления в этой сфере не дают эффекта, либо дают незначительный эффект (5,0%), либо затрудняются дать оценку (8,0%). Еще 33,0% оценивают эффект как «средний». Сдержанное отношение экспертов к возможностям цифрового государственного регулирования объясняется спецификой работы основных государственных управленческих структур в этой области. Так, например, подразделения МВД России по вопросам миграции в абсолютном большинстве регистрационных процедур требует личного присутствия мигранта (гражданина), по-прежнему необходимо большое количество подтверждающих документов, справок, выписок и пр. Данные направления государственного управления на сегодня слабо оцифрованы.

Полученные экспертные оценки свидетельствуют о росте эффективности деятельности органов и структур исполнительной власти на всех уровнях федеральном, региональном и муниципальном и во всех ключевых областях государственного управления. Важнейшими результатами являются эмпирическая фиксация существования общественного запроса на развитие цифровых управленческих технологий в сфере государственного управления и объективная необходимость развития цифровой среды взаимодействия граждан и государства.

Основные преимущества цифровых технологий государственного управления. К числу наиболее важных преимуществ цифровых технологий эксперты в первую очередь относят новые возможности информационного обеспечения процесса принятия управленческого решения (40,0%), новые возможности контроля реализации управленческого решения на всех стадиях (38,0%), оперативности и точности управленческого воздействия (36,0%), расширение возможностей получения обратной связи от граждан и оценки эффективности управленческих действий (35,0%), рост прозрачности и открытости работы исполнительных органов государственной власти (35,0%), использования возможностей цифровых технологий для компьютерного моделирования и прогнозирования возможных результатов управленческого воздействия еще на этапе его планирования (32,0%). Значительная часть экспертов также отмечает как наиболее существенные преимущества цифровых технологий государственного управления – устранение несогласованности и управленческого дублирования (26,0%), возможности персонификации управленческой деятельности и установления персональной ответственности за её результаты (25,0%). Однако, по таким важнейшим и ожидаемым преимуществам цифровых технологий в государственном управлении как «осуществление управленческой деятельности в соответствии с законодательством» и «рост качества и компетентности государственного управления» эксперты дают более скромные оценки (13,0% и 19,0% соответственно).

Невысоко эксперты оценивают и возможности цифровых технологий государственного управления в борьбе с коррупцией в органах исполнительной власти (15,0%). Подробнее смотри рисунок 2.

При анализе экспертных оценок, полученных на этот блок вопросов выявлен ряд устойчивых связей и зависимостей. Так, например, обнаружена зависимость более высокого уровня информационной обеспеченности процессов принятия управленческого решения в исполнительных органах г. Москвы и Московской области (42,5% 65,0% соответственно). Эксперты, представляющие г. Тамбов и Тамбовскую область, значительно ниже оценивают доступность информационных ресурсов и информационную обеспеченность процесса принятия управленческого решения (30,0% и 10,0% соответственно). Эксперты, представляющие г. Москву и Московскую область, значительно чаще отмечают преимущества цифровых технологий в устранении управленческого дублирования и несогласованности управленческих действий различных структур (25,0% и 35,0% соответственно), в экспертных группах г. Тамбова и Тамбовской области (15,0% и 20,0% соответственно). О преимуществах персонификации управленческой деятельности в связи с использованием цифровых управленческих технологий также значительно чаще заявляют эксперты, представляющие г. Москву (25,0%) и Московскую область (45,0%) против 10,0% экспертов в г. Тамбове и 15,0% в Тамбовской области.

Выявленные устойчивые связи экспертных оценок по уровням власти, которые представляют эксперты, позволяют сделать вывод о более высоком уровне

Рисунок 2. Какие преимущества цифровых технологий государственного управления Вы считаете наиболее важными?

освоения потенциала новых цифровых управленческих технологий исполнительными органами власти г. Москва и Московской области и подтвердить ранее сделанный вывод о существовании технологического отставания органов власти субъектов Российской Федерации от центра. Это обстоятельство также во многом объясняет и более низкую квалификацию управленцев в вопросах использования новых цифровых технологий государственного управления на региональном и муниципальном уровнях.

Какие же сложности в работе с цифровыми технологиями государственного управления, в первую очередь, испытывают эксперты?

Основные риски процесса цифровизации государственного управления.

В наибольшей степени в среде управленцев всех уровней распространены опасения несанкционированного доступа к данным, представляющим государственную или служебную тайну, персональным данным госслужащих и граждан (48,0%). Около половины экспертного сообщества считает существующий уровень защиты компьютерной информации недостаточным. Данная проблема, к сожалению, носит глобальный характер, в равной степени характерна для функционирования компьютерных информационных систем во всем мире. По-

стоянное совершенствование уровня защиты цифровой информации является важнейшей задачей IT-специалистов и государственных органов.

О существовании технологического отставания регионального и муниципального управленческих звеньев уже было сказано ранее, здесь мы отметим, что значительное число экспертов (39,0%) заявляют о неготовности управленческих кадров к работе в условиях широкого применения цифровых управленческих технологий, тем самым подтверждая тезис об отсутствии опыта работы с современными цифровыми управленческими технологиями и низкий уровень технического и программного обеспечения органов управления на местах. Этот тезис подтверждается исследованиями Р. В. Амелина: «Одной из причин незавершенности и низкой эффективности при внедрении в России электронного правительства стало создание новых электронных технологий, при сохранении ранее действующих аналоговых, или бумажных, и применение к ним единых правовых норм» [4].

Одним из наиболее существенных рисков, связанных с широким внедрением цифровых технологий в практику управленческой деятельности, по мнению экспертов, является «формализация деятельности органов государственного управления, ориентация на достижение целевых показателей, а не на реальную помощь гражданам в решении их проблем (29,0%)». Данный риск проявляется также в замене традиционных управленческих цепочек на цифровые обезличенные команды, которые пока не полностью агрегированы в практику управленческой деятельности на местах. Процесс модернизации государственного управления, переход его в цифровую форму сегодня нередко приводит к снижению эффективности ситуационного управления (20,0%), ввиду неготовности существующих программных алгоритмов к решению практических управленческих задач с учетом местной специфики. Использование универсальных целевых показателей, ориентация органов власти на достижение усредненных, не учитывающих качественные характеристики объекта управления результатов, является причиной снижения избирательности и точности управленческого воздействия, ведет к не учёту отраслевой и региональной специфики объекта управления (11,0%).

В условиях формирования цифрового государства граждане должны быть готовы к осуществлению своих прав и наиболее полной реализации всех возможностей в цифровой среде. Однако, сегодня рано говорить о всеобщей компьютерной грамотности населения России. Это, в первую очередь, относится к старшим возрастным группам. Одной из задач цифровизации государственного управления является рост открытости и прозрачности деятельности органов исполнительной власти, расширение возможностей общественного контроля гражданами управленческой деятельности властных структур, но в силу низкого уровня компьютерной грамотности значительного числа граждан, наблюдается обратный эффект «эффект возведения цифровой стены», крайне негативно влияющий на уровень социального доверия в обществе. О росте непрозрачности процесса государственного управления для лиц, имеющих низкий уровень компьютерной грамотности заявляют 15,0% экспертов.

В заключении анализа блока вопросов, посвященного возможным рискам и нежелательным последствиям процесса цифровизации государственного управления, отметим, что группа экспертов, которые не видят отрицательных последствий внедрения цифровых технологий в государственное управление крайне мала (9,0%). Подробнее смотрите рисунок 3.

Рисунок 3. Риски и нежелательные последствия цифровизации государственного управления в оценках экспертов

Основные трудности применения цифровых управленческих технологий. Для нашего исследования важными является ряд сложностей и проблем, с которыми сталкиваются управленцы (работники исполнительных органов власти) всех уровней при использовании цифровых технологий государственного управления.

В наибольшем количестве случаев эксперты указывают на сложности, возникающие по причине не разработанности (отсутствии) единой нормативной правовой базы применения цифровых управленческих технологий, их законодательной несогласованности и противоречивости (30,0%) Суть цифровой управленческой технологии хорошо раскрыта Н. Н. Ковалевой: «Информационная система – это технологическая система, представляющая совместимость технических, программных и иных средств, объединяющих структурно и функционально несколько видов информационных процессов и предоставляющая информационные услуги» [5]. Данная проблема существенно снижает позитивный

эффект от использования цифровых технологий государственного управления и требует своего решения на уровне федеральной и региональной законодательной власти. Законодательная недооформленность, отсутствие достаточной правоприменительной практики ведут к оцифровке «сырых» законодательных актов, часто противоречащих друг другу, и приводят к обратному эффекту – затрудняют управленческую деятельность исполнительных органов власти.

В этой же проблемной плоскости эксперты выделяют отсутствие единых банков информации, разобщенность различных государственных информационных систем, отсутствие возможности их интегрирования в процессе информационного обеспечения принятия управленческого решения (28,0%). По-прежнему высоким остается риск нестабильности коммуникационных каналов связи, низкая скорость передачи и обработки информации, использование устаревшего оборудования (29,0%). Значительная часть экспертов испытывает сложности с освоением новых компьютерных интерфейсов, применения всех новых возможностей цифровых управленческих технологий в своей деятельности (18,0%) и существенное число экспертов (11,0%) по этой причине не желают отказываться от проверенных временем традиционных управленческих технологий, считая, что с ними работать комфортнее.

Значительная часть экспертов (17,0%) обеспокоена необходимостью использования универсальных алгоритмов, заложенных в цифровых технологиях государственного управления, часто не учитывающих региональную специфику и снижающих адресность управленческого воздействия, что влечет за собой доработку управленческого решения в «ручном режиме». Причем данная тенденция сильнее выражена на региональном и муниципальном уровнях управления (16,7% и 22,6% соответственно, против 7,1% у экспертов федерального уровня). Данный факт свидетельствует о недостаточной гибкости и универсальности актуального уровня применения цифровых технологий государственного управления, о необходимости создания возможностей их адаптации к решению управленческих задач регионального и муниципального уровня с учетом региональной специфики и повышения их эффективности в решении проблем граждан на местах. «Для оценки потенциала использования цифровых технологий в государственном управлении представляется целесообразным рассмотреть различные аспекты качества государственного управления (обоснованность государственного вмешательства, результативность и эффективность), а также проанализировать потребности государственного управления, с одной стороны, и выявить возможности и ограничения использования цифровых технологий для удовлетворения таких потребностей – с другой» [6]. Достаточно высоко оценивают эксперты (15,0%) вероятность «парализации» деятельности исполнительных органов власти из-за большого количества жалоб, направленных с использованием цифровых технологий, что в свою очередь свидетельствует о невысокой степени готовности государственных служащих к эффективной работе в условиях цифровизации государственного управления.

О существовании проблемы избыточного контроля за деятельностью государственных служащих и должностных лиц, в связи с использованием цифровых управленческих технологий заявило 13,0% экспертов. Подробнее смотри рисунок 4.

Около четверти экспертов сообщили об отсутствии сложностей в применении цифровых технологий государственного управления (23,0%). Однако, таковых значительно больше в федеральных органах исполнительной власти

Рисунок 4. Трудности, с которыми пришлось столкнуться экспертам при использовании новых цифровых управленческих технологий при принятии управленческих решений в процессе исполнения должностных обязанностей

и в Администрации Московской области (55,0%). В г. Тамбове и Тамбовской области об отсутствии сложностей с использованием современных цифровых технологий государственного управления заявило всего 10%, а в городах Московской области Истре и Дмитрове (муниципальный уровень) ни один эксперт не заявил об отсутствии трудностей в применении цифровых технологий государственного управления. Этот факт еще раз подчеркивает необходимость дальнейшей работы по региональной «настройке» возможностей цифрового государственного управления, адаптации цифровых управленческих алгоритмов с учетом региональной специфики, особенностей регионального законодательства.

В целом, подчеркнем, что наиболее серьезные сложности и проблемы связаны в первую очередь с неразработанностью единой нормативно-правовой базы применения цифровых управленческих технологий, их законодательной несогласованностью и противоречивостью, низкими интеграционными возможностями и разобщенностью государственных информационных систем и, как следствие, невозможностью оперативного получения необходимой информации в процессе принятия управленческого решения. Преодоление данной проблемы видится

в создании цифровых платформ, сочетающих различные цифровые технологии государственного управления в единой цифровой платформе «Платформа – это не столько новая рыночная площадь, сколько базовая инфраструктура, опосредующая взаимоотношения между разными группами. И в этом ключ к пониманию её преимуществ» [7].

Перспективы цифровизации государственного управления в оценках экспертов. Наиболее ожидаемыми результатами цифровизации государственного управления эксперты считают повышение доступности государственных услуг для граждан (53,0%) и сокращение бюрократического аппарата и «бумажной волокиты». Эти же социальные ожидания получили широкое распространение в массовом сознании россиян (70,3% и 43,8% соответственно). Отметим, что усилия государства по формированию цифровой среды взаимодействия с гражданами (цифрового государства – 34,0%) в высокой мере отвечают на запрос общества о снижении уровня бюрократизма и волокиты, делают процесс предоставления государственных услуг гражданам оперативным и доступным (28,0%). Консолидированные оценки экспертов и граждан о росте возможностей общественного контроля деятельности власти также свидетельствуют о высокой оценке потенциала цифровых технологий государственного управления, с точки зрения осуществления важнейшей функции общественного контроля различными институтами гражданского общества (20,0% и 22,0%) соответственно. По мнению экспертов цифровые технологии государственного управления вносят существенный вклад в реализацию принципов дистанционного взаимодействия населения

Рисунок 5. Обеспечит ли цифровизация государственного управления решение указанных задач?

с властными структурами в условиях пандемии коронавирусной инфекции и снижения темпов её распространения (17,0%).

К сожалению, по таким ожидаемым обществом результатам применения цифровых технологий в государственном управлении, как борьба с коррупцией и повышение эффективности работы органов власти и управления получены более чем скромные экспертные оценки (6,0% и 16,0% соответственно). Подробнее смотри рисунок 5.

Основные выводы по результатам исследования.

1. В современных условиях развитие новых информационно-коммуникационных технологий, перераспределение управленческих полномочий в сетевом пространстве, переход на качественно иной уровень взаимодействия субъектов государственного управления приводят к большим системным изменениям как среды функционирования самого государственного аппарата, так и процесса принятия и реализации различных государственных управленческих решений. Сами по себе эти трансформации не создают социально-политических рисков как таковых, однако могут служить их катализатором, модифицировать логику их развития и распространения.
2. Эксперты консолидировано заявляют о росте под влиянием цифровизации эффективности деятельности исполнительных органов публичной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях и во всех ключевых областях государственного управления.
3. Важнейшим результатом является эмпирическая фиксация существования общественного запроса на развитие цифровых технологий в сфере государственного управления и объективная необходимость развития цифровой среды взаимодействия граждан и государства.
4. Отсутствие единой нормативной правовой базы создает риски принятия государственных управленческих решений с использованием различных цифровых технологий, что влияет на формирование противоречивой правоприменительной практики и приводят к обратному эффекту – затрудняет управленческую деятельность исполнительных органов власти.
5. Использование в рамках цифровизации универсальных целевых показателей, ориентация исполнительных органов власти на достижение усредненных, не учитывающих качественные характеристики объекта управления результатов, является причиной снижения избирательности и точности управленческого воздействия, ведет к игнорированию отраслевой и региональной специфики объекта управления.
6. Отсутствие единых банков информации, разобщенность различных государственных информационных систем, отсутствие возможности их интегрирования в процессе информационного обеспечения принятия управленческого решения является существенным риском, снижающим эффективность цифровых технологий государственного управления.
7. Усилия государства по формированию цифровой среды взаимодействия с гражданами в высокой мере отвечают на запрос общества о снижении уровня бюрократизма и волокиты, делают процесс исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг гражданам оперативным и доступным. Цифровые технологии государственного управления (в виде различных цифровых сервисов и интернет-платформ) не только облегчают принятие и реализацию управленческих решений, но и позитивно воспринимаются и активно используются гражданами.

Библиографический список

1. Государство как платформа / М. Петров, В. Буров, М. Шклярчук, А. Шаров. М. : Центр стратегических разработок, 2018. 52 с.
2. Цифровое государственное управление : Региональный проект Томской области; утв. Советом при Губернаторе Томской области по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 05.08.2019 № СЖ – Пр – 1900.
3. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность : докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 9–12 апреля 2019 г.) / Д. Ю. Двинских, Н. Е. Дмитриева, А. Б. Жулин [и др.]; Под общ. ред. Н. Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 43 с. ISBN 978-5-7598-1980-6.
4. Амелин, Р. В. Правовой режим государственных информационных систем. М. : ГроссМедиа, 2016. 338 с. ISBN 978-5-4230-0505-4.
5. Ковалева, Н. Н., Холодная, Е. В. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». М. : Новая правовая культура, 2008. 334 с.
6. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов [и др.]. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 114 с. ISBN 978-5-7749-1434-0.
7. Срничек, Н. Капитализм платформ / Пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М. : Изд. дом ВШЭ, 2019. 125 с. ISBN 978-5-7598-1786-4.

: 07.11.2021.

: 22.11.2021.

Сведения об авторах:

Зубарев Сергей Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва, Россия.

e-mail: zubarevsm@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 642722

ORCID: 0000-0003-4322-3602

ResearcherID (Web of Science): B-2029-2019

Иванов Артур Валентинович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной безопасности и рискологии, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: artur-i@list.ru

Author ID РИНЦ: 238512

S. M. Zubarev¹, A. V. Ivanov²

¹ Kutafin Moscow State Law University. Moscow, Russia.

² Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

SOCIO-POLITICAL RISKS OF DIGITALIZATION AND THEIR IMPACT ON PUBLIC ADMINISTRATION

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of digital technologies of public administration on its efficiency. The development of new information and communication technologies, the redistribution of managerial powers in the network space, the transition to a qualitatively different level of interaction between the subjects of public administration lead to large systemic changes in both the environment of the functioning of the state apparatus itself and the process of making and implementing various state man-

agement decisions. The issues of readiness of executive authorities to use modern digital technologies are considered, an analysis of the advantages and risks of digitalization of public administration is given. The article empirically proves that the state's efforts to create a digital environment of interaction with citizens highly respond to society's request to reduce the level of bureaucracy and red tape, make the process of performing public functions and providing public services to citizens operational and accessible. Digital technologies of public administration (in the form of various digital services and Internet platforms) not only facilitate the adoption and implementation of public services. management decisions, but also positively perceived and actively used by citizens.

The empirical basis of the article is the data of a sociological survey of experts - civil servants conducted within the framework of the scientific project of the Russian Foundation for Basic Research No. 20-011-00749 "Mechanism for ensuring the effectiveness of state management decisions in the context of digitalization".

Keywords: digital technologies of public administration, digital environment, levels of power, efficiency of public administration, digital state, digital public services, new opportunities of digital methods of public administration.

For citation: Zubarev S.M., Ivanov A.V. (2021) Socio-political risks of digitalization and their impact on public administration. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 4. С. 76-91. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.7

References

1. Petrov M., Burov V., Shklyaruk M., Sharov A. (2018) *Gosudarstvo kak platforma [The State as a Platform]*. М. : Tsentr strategicheskikh razrabotok, 52 p. (In Russ.).
2. *Tsifrovoe gosudarstvennoe upravlenie [Digital Public Administration]* : Regional'nyi proekt Tomskoi oblasti: utv. Sovetom pri Gubernatore Tomskoi oblasti po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam, protokol ot 05.08.2019 № SZH – Pr – 1900 (in Russ.).
3. Dvinskikh D. Yu., Dmitrieva N. E., Zhulin A. B. [et al.] (2019) *Tsifrovaya transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya: mify i real'nost' [Digital Transformation of Public Administration: Myths and Reality]* : doklad k XX Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ehkonomiki i obshchestva (Moskva, 9–12 aprelya 2019). М. : Higher school of economics Publ. 43 p. ISBN 978-5-7598-1980-6 (in Russ.).
4. Amelin R. V. (2016) *Pravovoi rezhim gosudarstvennykh informatsionnykh sistem [Legal regime of state information systems]*. М. : GrossMedia. 338 p. ISBN 978-5-4230-0505-4 (in Russ.).
5. Kovaleva N. N., Kholodnaya E. V. (2008) *Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 27.07.2006 № 149-FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» [Commentary to the Federal Law of 27 July 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection"]*. М. : Novaya pravovaya kul'tura Publ. 334 p. (In Russ.).
6. Dobrolyubova E. I., Yuzhakov V. N., Efremov A. A. [et al.] (2019) *Tsifrovoe budushchee gosudarstvennogo upravleniya po rezul'tatam [Digital Future of Public Administration by Results]*. М. : "Delo" Publ., RANEPА. 114 p. ISBN 978-5-7749-1434-0 (in Russ.).
7. Srnicek N. (2017) *Platform Capitalism*. Transl. from Eng. by M. Dobryakova. М. : Higher school of economics Publ. 125 p. ISBN 978-5-7598-1786-4 (in Russ.).

The article was submitted on November 07, 2021.

Accepted on November 22, 2021.

Information about the authors:

Sergey M. Zubarev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law and Process. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow, Russia.

e-mail: zubarevsm@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4322-3602

ResearcherID (Web of Science): B-2029-2019

Artur V. Ivanov, Candidate of Sociology, Leading researcher, Center for Social Security and Riskology. Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: artur-i@list.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ В ОЦЕНКАХ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В нашей стране сегодня сохранили свою остроту значимые социально-политические противоречия, которые являются вызовом устойчивому развитию российского общества. Одним из инструментов снятия остроты этих противоречий должна стать стратегия государственной социальной политики, опирающаяся на национальные проекты. Национальные цели и проекты не только дают ориентиры экономического развития, но и могут служить основой для консенсуса интересов гражданского общества и государства. Сложная эпидемиологическая обстановка, вызовы и угрозы социально-политического и внешнеполитического характера усилили социально-политическую отчужденность российского государства и гражданского общества, отодвинули в 2021 году проблематику нацпроектов в информационном поле на второй план, однако сохраняется задача формирования в общественном сознании установки на необходимость решения поставленных задач как для общества, так и для каждого из граждан. В статье приводятся данные социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» по оценке важности национальных проектов лично для российских граждан и для всего общества. Показано, что граждане в целом оценивают важность нацпроектов для общества выше, чем для себя лично, и в 2021 году уровень оценок ниже, чем в 2020 году. В июле 2021 г. наиболее востребованными как лично для себя, так и для российского общества в целом были два национальных проекта: «Здравоохранение» и «Образование». Более половины россиян по степени важности также выделили проекты «Экология», «Жилье и городская среда».

Ключевые слова: национальные цели, национальные проекты, социально-политические противоречия, стратегические задачи, социальная политика, гражданское общество, социальное государство.

Для цитирования: Новоженина О.П. Национальные проекты развития страны в оценках гражданского общества // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27. № 4. С. 92-106. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.8

Совокупность национальных проектов, как механизм реализации национальных целей и задач развития Российской Федерации, является элементом стратегического управления развитием страны. Направления этого развития в конечном счете задаются социально ориентированным, в соответствии с Конституцией РФ, характером деятельности государства.

Глубокие социально-экономические и социально-политические трансформации, проведенные в нашей стране за последние 30 лет, привели к существенным дисфункциям во взаимодействии государства и гражданского общества, которые «приобретают характер институциональных дефицитов в обществе» [1, с. 76; 2-3]. Анализируя обострившиеся социальные проблемы в России начала XXI века, С. Хедлунд определяет их как системные провалы [4, с. 17].

Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН исследует социальную и социополитическую ситуацию в РФ в режиме социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», с 1992 года. Данные мониторинга, приведенные на рис. 1 показывают, что три самых значимых социально-политических противоречия – между «бедными и богатыми», «низшими и высшими классами» и «народом и властью», по мнению подавляющего числа россиян, несмотря на некоторые улучшения в социальной сфере и увеличение социальной поддержки граждан, не утратили своей остроты, и по-прежнему являются вызовом устойчивому развитию российского общества. Одним из инструментов снятия остроты этих противоречий должна стать стратегия государственной социальной политики, направленная на изменения в социальной сфере, опирающаяся на национальные проекты.

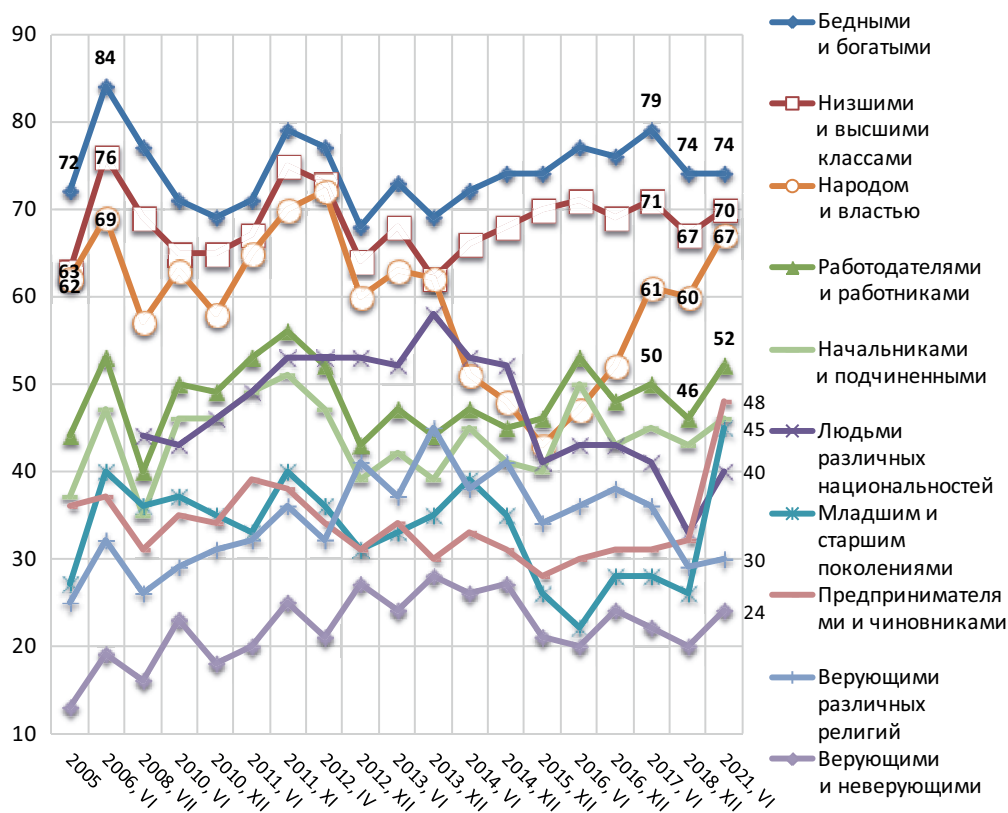

Рисунок 1. Мнение респондентов о том, насколько значительны сегодня противоречия, неприязнь в современном российском обществе (РФ, % от числа опрошенных. Вариант ответа «значительны») [5, с. 35].

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Национальные цели и стратегические задачи развития РФ были сформулированы в Указе Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г.¹ и скорректированы с изменением механизмов реализации и увеличением горизонта планирования Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474² (Подробнее о задачах корректировки и различиях в структуре и формулировках Национальных целей развития см. [6]). В новом Указе были установлены и новые целевые показатели.

В сложных условиях коронавирусной пандемии и экономического спада власти нуждаются в консолидации, укреплении совместных усилий государства, граждан, гражданского общества по преодолению разразившегося кризиса. Государство, заявившее себя как социальное, не может не формулировать внятные, близкие субъектам социополитических отношений задачи. Национальные цели,

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 24.10.2021).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения 24.10.2021).

поставленные государством, должны быть созвучны целям основных социальных групп и слоев российского общества.

Между тем российское гражданское общество по-прежнему в значительной своей части отчуждено от власти. В июне 2021 г. 73% респондентов утверждали, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей». По сути, на протяжении последних двадцати лет такого мнения придерживаются подавляющее число граждан РФ. Число граждан, которые считали, что «власти заботятся о жизни простых людей», составило 15%. Это самый высокий показатель за весь период наблюдений, на 7 п.п. превышающий показатель 2020 года³. Но огромный разрыв в оценках отношения властей к «простым людям» говорит о наличии глубокого социально-политического противоречия, которое требует своего разрешения.

Сравнение перечня и формулировок Национальных целей развития Российской Федерации в упомянутых двух Указах говорит о постепенном изменении стратегических приоритетов практической политики **от количественных характеристик и экономических категорий** (обеспечение устойчивого естественного роста численности населения России, повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет, обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также рост уровня пенсионного обеспечения, снижение в 2 раза уровня бедности, улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно, обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, ускорение технологического развития, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50% от их общего числа, создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира) **к приоритетам социальной важности**: сохранение населения, здоровье и благополучие людей, возможности для самореализации и развития талантов, достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство, комфортная и безопасная среда для жизни, цифровая трансформация.

В начале 2021 года в России осуществлялась реализация 12 национальных проектов и Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры. Презентация еще одного национального проекта – «Туризм и индустрия гостеприимства», состоялась в апреле 2021 года. Проект ориентирован в первую очередь на внутренний туризм, и ставит своей целью разгон внутренней экономики и наращивание ее несырьевого сектора.

По предварительным данным, исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов и Комплексного плана по состоянию на 1 октября 2021 года составило 1588,9 млрд рублей или 67,1% от плановых бюджетных назначений (см. табл. 1).

На низком уровне (менее 40%) за девять месяцев 2021 года исполнены расходы по 3-м нацпроектам: «Цифровая экономика» (28,4%), «Экология» (39,1%), «Образование» (39,7%). Немногим выше половины объема средств использованы в проектах «Международная кооперация и экспорт» (59,6%), «Культура» (61,2%), Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры (63,1%). Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», начавшийся в апреле 2021 г., в условиях пандемии сумел реализовать бюджетные средства на 65,2% за счет строительства объектов туризма. О возможности

³ Согласно результатам 51 этапа социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», июнь 2021 г. [5]

Таблица 1

**Оперативная информация об исполнении федерального бюджета
в части бюджетных ассигнований, предусмотренных на реализацию
национальных проектов по состоянию на 01.10.2021**

Наименование национального проекта	Сводная бюджетная роспись федерального бюджета, млн руб.	Кассовое исполнение, млн руб.	% исполнения
ВСЕГО:	2 368 247,3	1 588 930,2	67,1
Национальный проект «Демография»	650 091,7	550 375,3	84,7
Национальный проект «Здравоохранение»	255 357,7	199 072,4	78,0
Национальный проект «Безопасные качественные дороги»	329 711,0	227 945,4	69,1
Национальный проект «Наука и университеты»	98 999,5	66 521,0	67,2
Национальный проект «Жилье и городская среда»	149 270,6	100 183,2	67,1
Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства»	26 211,2	17 088,9	65,2
Национальный проект «Производительность труда»	4 978,9	3 225,4	64,8
Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»	65 673,6	41 704,6	63,5
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры (транспортная часть)	277 794,7	175 348,0	63,1
Национальный проект «Культура»	23 887,5	14 626,9	61,2
Национальный проект «Международная кооперация и экспорт»	89 752,3	53 499,7	59,6
Национальный проект «Образование»	158 512,6	62 965,6	39,7
Национальный проект «Экология»	81 563,4	31 895,8	39,1
Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»	156 442,6	44 477,9	28,4

Источник: Министерство финансов Российской Федерации⁴.

исполнения расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов в пределах 100% можно говорить только по проектам «Демография» (84,7% на 01.10.2021) и «Здравоохранение» (78,0% на 01.10.2021). Такие результаты в значительной мере обусловлены ситуацией с распространением коронавируса, в результате которой в зоне риска оказалась реализация многих запланированных действий и мероприятий.

Необходимым условием для усиления доверия и поддержки выполнения национальных проектов является признание гражданами их значимости и участие в их реализации, а для достижения такого результата общество должно быть в полной мере и адресно информировано о стратегических целях и задачах раз-

⁴ Исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов. Пресс-центр Министерства Финансов РФ. 08.10.2021. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/press_center/2021/10/pazmeshenie.xlsx (дата обращения 24.10.2021).

вития страны, о связанных с ними федеральных и региональных программах. Граждане должны увидеть свои возможности в информационном поле национальных проектов, определить своё отношение к ним. В июле 2021 г., по данным Аналитического центра НАФИ⁵, доля россиян, которые информированы о национальных проектах, выросла по сравнению с 2019 годом на 10 п.п. (с 44% до 54%), хотя этот рост произошел за счет респондентов, осведомленных о нацпроектах в общих чертах (с 37% до 49%)⁶. Период 2019-2021 годов был непростым для российских граждан и российского общества в целом. Вопросы, связанные с постановкой национальных целей и реализацией национальных проектов отошли в информационном поле на второй план по сравнению с жизненно важными тревогами – пандемией, снижением уровня и качества жизни, внутри- и внешнеполитическими событиями. Произошедший рост уровня осведомленности россиян о реализуемых национальных проектах связан именно с самыми наиболее проблемными: чаще всего россияне отвечали, что слышали о национальных проектах «Здравоохранение» (34%), «Образование» (28%), «Экология» (23%), «Демография» (22%) и «Жилье и городская среда» (19%)⁷.

По данным мониторинга «Как живешь, Россия?», мнения граждан о важности национальных проектов для них лично и для российского общества в целом распределились в июне 2021 г. следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?»**
(РФ, июль 2021. N=1609. % от числа опрошенных.
Ответы ранжированы по столбцу «Для российского общества в целом»)

Национальные проекты	Для Вас лично	Для российского общества в целом
Здравоохранение	76	78
Образование	62	70
Экология	55	64
Жильё и городская среда	55	54
Культура	41	47
Наука	33	44
Производительность труда и поддержка занятости	31	44
Безопасные и качественные автомобильные дороги	46	43
Демография	21	34
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	28	33
Цифровая экономика Российской Федерации	11	21
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	9	18
Международная кооперация и экспорт	6	13

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

⁵ Всероссийский опрос проведен Аналитическим центром НАФИ в июле 2021 г. Опрошено 1600 человек от 18 лет в 53 регионах России. Статистическая погрешность данных не превышает 3,4%. URL: <https://nafi.ru/analytics/bolshinstvo-rossiyan-veryat-v-polnuyu-ili-chastichnyu-realizatsiyu-natsproektov/> (дата обращения 12.09. 2021).

⁶ Там же.

⁷ Приведены проценты от числа тех респондентов, кто знает о национальных проектах.

Как видно из представленных данных, значимость всех национальных проектов для российского общества в целом получила гораздо больше «голосов», чем их значимость лично для респондентов (расхождение по проектам «Жильё и городская среда» и «Безопасные и качественные автомобильные дороги» находится в пределах ошибки выборки).

Проект «Здравоохранение» выделяется всеми как самостоятельная, наиболее важная программа и поэтому к ней проявляется отдельный, повышенный интерес, независимо от других проектов. Остальные проекты можно объединить в две группы: проекты социальной направленности («Экология», «Жильё и городская среда», «Образование», «Культура», «Демография» – выделены в таблице заливкой) и проекты экономической направленности.

Для себя лично в качестве наиболее важных граждане выделили пять проектов: «Здравоохранение» (76%), «Образование» (62%) «Экология» (55%), «Жильё и городская среда» (55%), «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (46%). Именно эти проекты – четыре из них являются проектами социальной направленности, – составляют базисную сферу жизнедеятельности респондентов и их семей, суть их ежедневных забот и тревог. В меньшей мере в блоке социальных проектов граждане увидели для себя лично значение проекта «Демография» (21%). Такая иерархия оценок значимости нацпроектов социальной направленности лично для респондентов подтверждается данными о структуре тревожности («экологическая обстановка» в июне 2021 г. вызывала тревогу 22%, «падение нравов, культуры» – у 21% опрошенных), и о выполнении российским государством своих обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина (с тем, что государство обеспечивает право на жильё, согласны 40% респондентов, право на благоприятную окружающую среду – 39%).

Среди национальных проектов экономической направленности, оцененных гражданами как важные для них лично, ни один не набрал 50 и более процентов голосов. Проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги» сочли важным для себя лично 46% респондентов, проекты «Наука», «Производительность труда и поддержка занятости», «Малое и среднее предпринимательство» – не более трети респондентов, проект «Цифровая экономика» и Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры – каждый десятый. Всего по индикатору «для себя лично» только четыре проекта из тринадцати назвали важными 50% и более респондентов.

Возраст практически не дифференцирует иерархию ценности нацпроектов для респондентов лично. При этом проект «Здравоохранение», находясь на первом месте среди всех нацпроектов, предсказуемо наибольший процент голосов набрал среди граждан в возрасте 50-59 лет (82%) и 60 лет и старше (80%), наименьший процент – в младшей возрастной группе, до 29 лет (70%). «Образование», второе место во всех группах, наиболее популярен среди 30-39-летних респондентов (67%), наименее – снова среди молодежи (58%). В целом возрастная группа 50-59-летних показала наибольшую личную заинтересованность практически во всех национальных проектах. Так, в этой группе проект «Производительность труда и поддержка занятости» представляет ценность для 39% опрошенных, в то время как среди молодежи в нем заинтересованы лишь 26%. Молодежная группа (до 29 лет) меньше других возрастных групп отмечала ценность всех национальных проектов для себя лично. Исключение – проект «Цифровая экономика Российской Федерации», который среди этой группы набрал наибольшее число ценителей из всех возрастных групп (13%).

Для российского общества в целом также только четыре национальных проекта из тринадцати считали важными более половины респондентов. В число лидеров, помимо «Здравоохранения» (78%), вошли «Образование» (70%), «Экология» (64%), «Жильё и городская среда» (54%). При этом в возрастной группе 50-59 лет к проектам, важность которых для общества отметили более 50%, добавились «Культура» (53%) и «Наука» (51%), а важность проекта «Экология» отметили в этой группе 58% опрошенных – значительно меньше, чем в целом по массиву. В группе молодежи (до 29 лет) наивысшую среди возрастных групп оценку значимости для общества в целом получил проект «Образование» – 73%, наименьшую – проект «Демография» – 30% и «Производительность труда и поддержка занятости» – 43%.

Отметим, что по индикатору «для российского общества в целом», как и «для себя лично», все проекты, получившие более 50% голосов респондентов, имеют социальную направленность. Гражданское общество ожидает от социального государства ответа в первую очередь на свои социальные запросы. Вместе с тем, граждане воспринимают более значимыми для российского общества в целом, чем для себя проекты «Культура» (разница 6 п.п.), «Наука» (11 п.п.), «Производительность труда и поддержка занятости» (13 п.п.) и «Демография» (13 п.п.).

Проекты «Цифровая экономика Российской Федерации», «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» и «Международная кооперация и экспорт» не пользуются высокой популярностью, однако доля респондентов, считающих их наиболее важными для российского общества в целом, вдвое превышает долю тех, кто считает их важными для себя лично (разница 10 п.п., 9 п.п. и 7 п.п. соответственно).

Следует особо отметить, что отмеченное ранее дистанцирование личных интересов граждан от интересов общества в целом нашло своё отражение и в суждениях респондентов. Отвечая на вопрос: «Чьи интересы, по вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?», более трети (37%) респондентов поддержали мнение, что российское государство выражает интересы государственной бюрократии, и только 16% опрошенных считали, что государство является выразителем интересов всех граждан России [5]. Если рассматривать «Обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан» как одну из основных задач национальных проектов, то лишь 17% граждан, согласно данным мониторинга в сентябре 2020 года, считали, что государство справляется с решением этой задачи [7].

Вопрос о том, какие национальные проекты являются наиболее важными для них лично и для российского общества в целом, был задан респондентам в сентябре 2020 года в рамках 50 этапа социологического мониторинга «Как живешь, Россия?». На рис. 2 представлены сравнительные результаты ответов 2020 и 2021 годов на вопрос по критерию «для себя лично», на рис. 3 – «для российского общества в целом».

За год структура оценок важности национальных проектов лично для респондентов претерпела значительные изменения. Продолжающийся COVID-кризис изменил приоритеты общественного сознания, что нашло свое отражение в иерархии оценок значимости национальных проектов в 2020 году [8]. С другой стороны, он стал отчасти привычной данностью, и граждане в 2021 году выстраивают свои приоритеты в рамках новой реальности. Выросла оценка значимости лично для граждан проектов «Культура» (на 20 п.п.), «Образование» (на 17 п.п.),

Рисунок 2. Динамика ответов респондентов на вопрос: «Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?» (РФ, % от числа опрошенных. Ответы по критерию «Для Вас лично»)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

«Наука» (на 15 п.п.), «Малое и среднее предпринимательство...» (на 10 п.п.), «Жильё и городская среда» (на 8 п.п.), «Демография» (на 7 п.п.), «Экология» (на 6 п.п.). В то же время на 12 п.п. снизилась значимость национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» – острота потребности в качественных автомобильных дорогах в условиях самоизоляции отошла на второй план. Уменьшилось восприятие значимости развития цифровой экономики на 9 процентных пунктов. Даже важность национального проекта «Здравоохранение», оставаясь на недостижимой высоте (76% опрошенных), при этом сократилась в оценках респондентов на 4 процентных пункта. Неизменной осталась оценка проекта «Производительность труда и поддержка занятости». И в 2020, и в 2021 годах третья часть опрошенных считали этот проект важным для себя лично – проблема трудоустройства и занятости в период ковид-кризиса не теряет своей значимости для граждан.

За период с сентября 2020 г. по июнь 2021 г. значительно уменьшилась оценка респондентами важности для всего российского общества всех тринадцати обозначенных в инструментарии нацпроектов.

Рисунок 3. Динамика ответов респондентов на вопрос: «Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?». (РФ, % от числа опрошенных. Ответы по критерию «Для всего российского общества»)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

В наименьшей степени (снижение оценки важности для всего общества на 7-12 п.п.) «пострадали» «Здравоохранение» (9 п.п.) и четыре из пяти проектов социальной направленности – «Культура» (7 п.п.), «Жильё и городская среда» (8 п.п.), «Образование» (8 п.п.), «Экология» (10 п.п.). На 12 п.п. снизилось в глазах респондентов значение проекта «Производительность труда и поддержка занятости» для всего российского общества. Перечисленные проекты, однако, сохранили высокий уровень значимости. Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры в 2020 году считали важным для общества более четверти респондентов, в 2021 году – менее пятой части (снижение на 9 п.п.).

В средней степени (на 17-21 п.п.) снижение оценки важности для всего общества коснулось проектов экономической направленности «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской

инициативы» (21 п.п.) и «Наука» (18 п.п.), которые в 2020 году получили поддержку более половины респондентов, а в 2021 году – 33% и 44% соответственно. Проект «Международная кооперация и экспорт» (снижение на 17 п.п.) оказался в 2021 году, по мнению граждан, на последнем месте по уровню значимости для всего общества в целом (13%).

В высокой степени (на 29–33 п.п.) снизились оценки трех национальных проектов: «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (на 33 п.п.), «Демография» (29 п.п.) и «Цифровая экономика Российской Федерации» (29 п.п.). Внимание граждан к их общественной значимости существенно снизилось. Соответственно, в рейтинге оценок значимости «Безопасные и качественные автомобильные дороги» переместились с третьего на восьмое место, «Демография» – с пятого на девятое. «Цифровая экономика РФ» сохранила одиннадцатое место в рейтинге важности для всего общества, однако «цена» этого места упала с 50% в 2020 до 21% в 2021 году.

Для наглядности на рис. 4 представлены результаты опросов отдельно по годам, за 2020 и 2021 годы. Сравнение графиков наглядно демонстрирует описанные изменения в структуре и иерархии оценок важности национальных проектов по критериям «Для себя лично» и «Для всего российского общества» в 2020–2021 гг. Особое внимание обращает на себя резкое снижение в 2021 году уровня оценок «Для всего российского общества».

Определенный интерес может представлять также сравнение оценок респондентов важности национальных проектов в 2021 году с процентом освоения средств на их реализацию к августу 2021 года (см. рис. 5).

Как видно из сравнения, строгой связи уровня признания респондентами важности национальных проектов как для общества, так и лично для граждан, с уровнем освоенных на эти проекты средств не наблюдается. Если высокая оценка важности проекта «Здравоохранение» как для граждан, так и для общества в целом сопровождается высоким процентом освоенных по этому проекту средств (что не удивительно в условиях коронавирусной пандемии), то финансирование востребованных проектов «Экология» и «Образование» освоено лишь на 40%.

Подводя итоги отметим, что сохранившиеся в 2021 году кризисные явления в экономической и социальной сферах, фактическое торможение экономического развития изменили уровень, структуру и иерархию оценок гражданами важности национальных проектов. Вопросы, связанные с постановкой национальных целей и реализацией национальных проектов отошли в информационном поле на второй план по сравнению с актуализировавшимися в это время жизненно важными тревогами – пандемией, снижением уровня и качества жизни, внутри- и внешнеполитическими событиями. Для активизации и степени включенности граждан в процесс реализации национальных проектов необходимым условием является признание важности этих проектов и для общества, и для граждан. А для этого, в свою очередь, нужны социальная адресность и содержательность информирования о них, а также обязательная обратная связь между гражданским обществом и социальным государством.

Согласно результатам исследования, в июле 2021 г. наиболее востребованными у большинства граждан были два национальных проекта: «Здравоохранение» и «Образование». Именно эти национальные проекты граждане отметили, как наиболее важные как лично для себя, так и для российского общества в целом. Более половины россиян по степени важности лично для себя выделили проекты «Экология», «Жилье и городская среда», немногим менее половины –

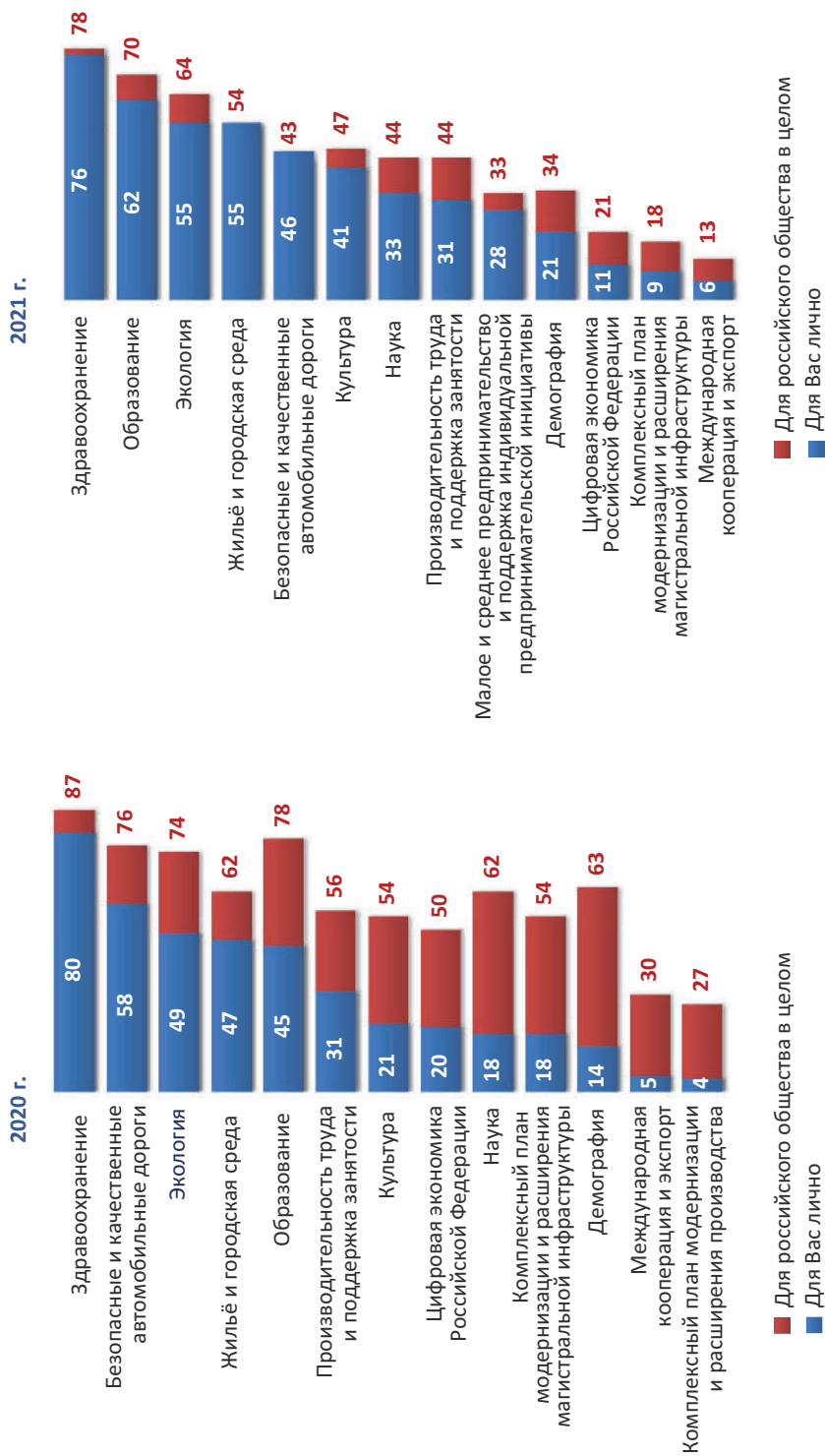

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?» (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?» в сравнении со степенью исполнения федерального бюджета по национальным проектам на 1 октября 2021 г.

(РФ, % от числа опрошенных; % исполнения расходов федерального бюджета РФ на реализацию национальных проектов в январе-сентябре 2021 года, ранжировано по % исполнения бюджетов).

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

«Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Культура». Около трети граждан считали важными для себя проекты «Наука» и «Производительность труда и поддержка занятости», около четверти – «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Приблизительно пятая часть респондентов лично для себя была заинтересована в реализации проекта «Демография». В меньшей степени лично для себя граждане считали важными национальные проекты: «Цифровая экономика Российской Федерации», «Международная кооперация и экспорт», а также Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры.

По мнению большинства россиян, структуру наиболее важных для страны и российского общества национальных проектов в 2021 году составили: «Здраво-

охранение», «Образование», «Экология», «Жилье и городская среда». «Культура», «Наука», «Производительность труда и поддержка занятости», «Безопасные и качественные автомобильные дороги» считали важными для российского общества 43–47% респондентов. Третья часть граждан поддержали проекты «Демография», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Менее третьей части граждан считали важными такие проекты, как «Цифровая экономика Российской Федерации», Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры и «Международная кооперация и экспорт».

Библиографический список

1. Парсонс, Т. Социальная система // О социальных системах / Под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М. : Академический Проект, 2002. С. 73–520. ISBN 5-8291-0242-0.
2. Калхун, К. Что грозит капитализму сегодня // Есть ли будущее у капитализма? : Сб. статей / Пер. с англ. А. Апполонского [и др.] под ред. Г. Дарлугьяна. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 216–260. ISBN 978-5-93255-405-0.
3. Нечаев, Д. Н., Леонова, О. В. Реализация нацпроектов в Российской Федерации как фактор преодоления институциональных дефицитов и пересборки государственной социальной политики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 1. С. 32-40.
4. Хедлунд, С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука : Способы объяснения системного провала / Пер. с англ. Н. В. Автономовой ; Под науч. ред. В. С. Автономова. М. : Изд. дом ВШЭ, 2015. 424 с. ISBN 978-5-7598-1003-2.
5. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 51 этап социологического мониторинга, июнь 2021 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 68 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021. ISBN 978-5-89697-368-3.
6. Новоженина, О. П. Национальные цели и задачи развития Российской Федерации в мнениях граждан // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 1. С. 45-57. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.4.
7. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М. : Перспектива, 2020. 64 с. ISBN 978-5-88045-463-1. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020.
8. Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] / Отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 128 с. ISBN 978-5-896-973522. DOI: 10.19181/monogr.978-5-896-973522.2021.

: 03.11.2021.
: 22.11.2021.

Сведения об авторе:

Новоженина Ольга Петровна, старший научный сотрудник, Центр социальных и социально политических исследований, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: olganov@yandex.ru

AutorID РИНЦ: 743485

ORCID: 0000-0003-3511-0384

ResearcherID (Web of Science): R-5132-2019

O. P. Novozhenina¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

NATIONAL DEVELOPMENT PROJECTS OF THE COUNTRY IN THE ASSESSMENTS OF CIVIL SOCIETY

Abstract. Significant socio-political contradictions have remained acute in our country today, which are a challenge to the sustainable development of Russian society. A strategy of state social policy based on national projects should become one of the tools to alleviate the severity of these contradictions. National goals and projects not only provide guidelines for economic development, but can also serve as a basis for consensus of interests of civil society and the state. The complex epidemiological situation, challenges and threats of a socio-political and foreign policy have intensified the socio-political alienation of the Russian state and civil society, pushed the problems of national projects in the information field into the background in 2021. The task of forming an attitude in the public consciousness to the need to solve the tasks set for both society and for each of the citizens remains. The article presents the data of the sociological monitoring "How are you, Russia?" according to the assessment of the importance of national projects for Russian citizens personally and for the whole society. It is shown that citizens in general assess the importance of national projects for society higher than for themselves, and in 2021 the level of assessments is lower than in 2020. In July 2021, two national projects were the most demanded both for themselves and for the Russian society as a whole: "Healthcare" and "Education". More than half of Russians also singled out the projects "Ecology", "Housing and urban environment" in terms of importance.

Keywords: national goals, national projects, socio-political contradictions, strategic objectives, social policy, civil society, social state.

For citation: Novozhenina O.P. (2021) National development projects of the country in the assessments of civil society. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. № 4. P. 92-106. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.8

References

1. Parsons T. (2002) The social system. In: *O sotsial'nykh sistemakh [About social systems]*. Ed. by V. F. Chesnokova & S. A. Belanovskij. M. : Akademicheskii proekt Publ. Pp. 73–520. ISBN 5-8291-0242-0 (in Russ.).
2. Kalkhun K. (2015) What threatens capitalism now? In: *Does capitalism have a future?: collection of articles*. Transl. from Eng. by A. Appolonskii [et al.]; ed. by G. Darlug'yan. M. : Gaidar Institute Press. Pp. 216–260. ISBN 978-5-93255-405-0 (in Russ.).
3. Nechaev D. N., Leonova O. V. (2021) The problem of institutional deficits in the Russian Federation: the priority of the implementation of national projects and programs in the sectoral state social policy. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. No. 1. Pp. 32-40 (in Russ.).
4. Hedlund S. (2015) *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science : Approaches to Understanding Systemic Failure*. Transl. from Eng. by H. V. Avtonomova; ed. by V. S. Avtonomov. Moscow : HSE Publ. 424 p. ISBN 978-5-7598-1003-2 (in Russ.).
5. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.] (2021) *How are you, Russia? Express information*. 51th stage of the sociological monitoring, June 2021. Executive editor V. K. Levashov. M. : FCTAS RAS. 68 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021. ISBN 978-5-89697-368-3 (in Russ.).
6. Novozhenina O. P. (2021) National goals and objectives of the development of the Russian Federation in the opinions of citizens. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. No. 1. Pp. 45-57. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.4 (in Russ.).
7. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.] (2020) *Express information "How are you, Russia?"*. 50th stage of the sociological monitoring, August-September 2020. Executive editor V. K. Levashov. M. : Perspektiva Publ. 64 p. ISBN 978-5-88045-463-1. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020 (in Russ.).

8. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.] (2021) *Social state and civil society in the context of implementation of nation projects*. Executive editor V. K. Levashov. M. : FCTAS RAS, 2021. 128 p. ISBN 978-5-896-973522. DOI 10.19181/monogr.978-5-896-973522.2021 (in Russ.).

The article was submitted on November 03, 2021.

Accepted on November 22, 2021.

Information about the author:

Olga P. Novozhenina, Senior Researcher, Center for Social and Socio-Political Research, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: olganov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3511-0384

ResearcherID (Web of Science): R-5132-2019

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЙ

Аннотация. В статье автор анализирует различия ценностных ориентаций и специфику партийно-политических систем западных стран и России, особенности базисных ценностей партии «Единая Россия» и ценностных ориентаций российских граждан. Проблема заимствования и использования успешного зарубежного опыта и поиска собственного пути развития всегда находилась в эпицентре российского политического дискурса. Сегодня в политике стран Запада преобладают консервативные или либеральные подходы, до недавнего времени — в виде идеологии новых правых. В России доминирующая партия «Единая Россия» находится у власти с 2003 года и позиционирует себя как всеохватывающая («catch-all party») партия. Однако в «Единой России» существуют либеральное и консервативное крылья. Последнее ближе идеологической платформе партий новых правых, которые на практике в политике отказываются от модели социального государства. В России неolibеральные ценности, зафиксированные в программных документах «Единой России», как показывают опросы, не отвечают ожиданиям большинства россиян, требующих проведения активной социальной политики. С этим противоречием, по мнению автора, связано падение популярности пропрезидентской «Единой России», которое пытается остановить Президент РФ Владимир Путин, поддерживая социальные программы, опираясь при этом на часть членов «Единой России» и ОНФ. Единая Россия выиграла выборы в Государственную Думу 2021 года, но влияние в обществе и государстве социально ориентированных политических партий усиливается.

Ключевые слова: религиозные ценности, идеологические ценности, новые правые, Единая Россия, социальное государство.

Для цитирования: Пророк В. Социально-политический выбор России в контексте идеологий // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 4. С. 107-121. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.9

Актуальность проблемы выбора пути развития. Время от времени государства оказываются на исторических перекрестках, когда шаг в неправильном направлении грозит хаосом с неопределенными последствиями. Россия, развиваясь в последних столетиях на евразийских просторах, несколько раз стояла на таком перекрестке, пытаясь найти оптимальные пути ликвидации своего отставания от западного мира. Проблема не только в её экономическом и социальном развитии, но также в специфических цивилизационных ценностях, способствующих или, наоборот, тормозящих развитие. Исторически для России характерен спор между западниками и славянофилами, связанный именно с выбором пути развития. Вопрос, однако, в том, не является ли альтернативный выбор слишком узким? Ведь история далеко не всегда совершается путем строго выбора «или-или», она полна компромиссов, когда реализуемый вариант рождается как результат диалектического снятия противоположностей.

Выбор варианта развития зависит всегда от субъекта — его ценностей, образования, опыта и на них базирующейся способности правильно оценить воз-

возможности, которые предлагает ситуация. Ценности связаны с мировоззрением, которое может быть религиозным или нерелигиозным, и с идеологическими предпочтениями. Религиозное мировоззрение опосредствует восприятие мира и роль субъекта в нем, политические идеологии связаны с предпочитаемыми ценностями функционирования и развития общества, образование, в свою очередь, вносит в процесс познания научные методологии, способные корректировать на основе фактов сложившийся опыт [1, с. 106-113].

Идеологические и религиозные ценности в политике. Политические идеологии начинают формироваться после французской революции и замещают в политике религии. Религии и идеологии различаются по сущности, но имеют одну общую функцию – создают ценностные рамки поведения в обществе, и их плюрализм и разновидности их внутренних течений создают условия для вариантного политического выбора и политических конфликтов. На Западе сегодня более важную роль в процессе принятия решений играют политические идеологии и наука, чем религии. Тем не менее, религиозные ценности остаются в фундаментах некоторых политических идеологий. Политические идеологии отличаются предпочитаемыми аксиологическими принципами (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные ценности идеологий либерализма, консерватизма и социализма

Либерализм	Консерватизм	Социализм
Индивидуализм	Поддержание и сохранение общественного порядка	Коллективизм
Личная свобода	Человеческое несовершенство	Классы и классовая борьба
Социальная справедливость – равенство перед законом	Естественность социального неравенства	Социальное равенство
Право на собственность	Уважение к собственности	Общественная собственность
Гражданское общество и минимальное государство, конституционное правительство	Авторитет и сильное государство	Государство как инструмент господствующего класса и социальное государство

Современный либерализм и патерналистский консерватизм выбирают модель социального государства, с другой стороны, неолиберализм и неоконсерватизм в виде новых правых от него отказываются. Первые – под девизом, что каждый должен заботиться прежде о себе, а другие – что роль государства – поддерживать порядок и не помогать людям [2, с. 74-76]. Более того, в рамках движения «новых правых», с целью удержать гегемонию Запада, либералы отказываются от продвижения мирными средствами демократических ценностей, а консерваторы готовы менять неудобные политические режимы ради сохранения традиционного международного порядка.

На практике противоречия идеологических подходов при решении общественных проблем оптимизируются наукой. Используемые научные подходы зависят, однако, от идеологических предпочтений отдельных субъектов. Консерваторы оперируют в рамках нормативно-онтологического подхода. Его сторонники исходят из того, что существуют нормы, закрепленные в бытии. Эти нормы вечны, неизменны, универсальны и, как правило, связаны с религиозными

ценностями или историческим положительным опытом предков. Для успешной практики достаточно эти нормы и опыт понять и применить. Либералы предпочитают эмпирически-аналитический подход. Его сторонники исходят из анализа существующего опыта, но в связи с тем, что человек воспринимается ими абстрактно, могут механически переносить опыт конкретного субъекта, возникший в конкретных условиях, в любую другую ситуацию. В этом случае методологический индивидуализм в принципе мешает применению системного подхода в конкретной реальности и осознанию особенностей ситуации. Социалисты в своём идеологическом многообразии реализуют себя в одной из разновидностей марксизма.

Когда Россия исторически решала проблему выбора путей и ценностных рамок для своего развития, всегда стоял вопрос, надо ли применить нормы или опыт Запада, и как следствие, какие нормы и какой опыт подходят для России, или наоборот, должна ли Россия искать собственный путь. Нормы и опыт Запада естественно связаны со спецификой развития Запада, и то, что работает там – не обязательно должно работать в других странах. В колыбели европейской цивилизации лежат ценности, которые формировались в древней Греции и Риме. Однако в средневековье появляются существенные различия между западной и восточной Европой.

В странах Запада постепенно дискредитировалась доминирующая католическая церковь, которая поддерживала неделимую власть феодальных классов, а тем самым социальное и политическое неравенство в обществе, что противоречило ценностям непривилегированных слоев населения. Результатом стала дискредитация католической церкви и возникновение протестантизма, и религиозные войны, дискредитирующие церкви как таковые. Альтернативой религиозному восприятию мира стали идеи Просвещения о естественном равенстве людей и необходимости демократии, на которых возникал капитализм Запада. Но большая часть мира не прошла через такое развитие, и роль религии в политике сохранилась в этих странах до сегодняшних дней. В странах ислама сегодня высока мера религиозности, достигающая 80-90%. В христианских странах мера религиозности колеблется от 70% до 90% в православных странах, от 50% до 80% – в католических странах и от 15% до 40% – в протестантских странах¹.

Низкий уровень религиозности в протестантских странах связан со спецификой протестантского восприятия отношения бога и человека. Каждый верующий в протестантизме должен самостоятельно искать путь к Богу, преодолевать свою греховность. Церковь и духовенство не являются необходимыми посредниками между Богом и человеком, а общность верующих, организованная в церкви, в которой верующие сами выбирают своих церковных представителей, лишь помогает не сойти с пути. Бог, таким образом, как бы растворяется в межчеловеческих отношениях, и служение людям, по сути, – это проявление уважения к Богу. Ценности, возникающие и воспроизводящиеся на пути к Богу и спасению, становятся составной частью жизненного опыта и переносятся в ежедневную жизнь людей, причем Бог постепенно становится лишним, а человек становится главным объектом заботы. Отсюда высокая степень неверия в Бога в протестантских странах и одновременно индивидуализм и высокая степень активности людей в общественной жизни, поддержка меньшинств и нетрадиционных межчеловеческих отношений, которые в их представлении являются легитимным проявлением личного выбора.

¹ Discrimination in the European Union: Special Eurobarometer, 493 // European Commission. 2019. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2251> (last request 07.09.2021).

Религии и социальные ценности. Новый тип межлических отношений влияет и на форму государства. Государство в силу слабости общности принимает на себя роль попечителя и становится социальным государством, которое именно в протестантских лютеранских странах наиболее развито. Исключением здесь являются англосаксонские страны, в которых доминирует кальвинизм (пуританизм) с его культом благословения богатых как избранных Богом. Бедность, наоборот, считается результатом недостаточной активности людей.

Ориентация на социальное государство типична также для католических стран Европы. Его поддержка со стороны католической церкви является результатом поворота, который сделала католическая церковь во второй половине XIX века. Процесс десакрализации общественной жизни в 19-ом веке, связанный с продвижением классического либерализма, ведущего к социальной поляризации общества и возрастающей поддержке со стороны рабочих социалистической идеологии, заставил католические элиты переосмыслить ценности и обратить внимание на социальное учение Фомы Аквинского (1225-1274 гг.). Следуя Аристотелю, Фома Аквинский утверждал, что поскольку человек является общественным существом, обществом необходимо управлять ради общего блага и сохранения мира. Неотомизм стал официальной философией католицизма с 1879 года. Путь к этому открыла энциклика Папы Римского Льва XIII от 4 августа 1879 года «*Aeterni Patris*»². Следующая важная энциклика Папы Римского Льва XIII от 15 мая 1891 года «*Regum Novarum*» рассматривала отношения между правительством, бизнесом, рабочими и церковью.

Православная Россия, естественно, таким путем развития не пошла. Православие отличается от западных версий христианства рядом специфических ценностей и организационных принципов. В православии организация церкви – автокефальная, под которой обычно подразумевают автономную церковь в пределах независимого государства. Одновременно она централизованная, что её отличает от протестантов. Отношение государства и церкви в России исторически связано с императорско-папской моделью, возникшей в Римской империи, которая подразумевает или гармонию отношений государства и церкви, или доминирование государства, что больше отвечает российской традиции и берет свое начало в Синоде по управлению церковными делами, созданном Петром I.

С точки зрения внутренней организации, православная церковь ближе католической, чем протестантской, в которой верующие сами выбирают своих священников. С другой стороны, в католической церкви с конца 19 века поддерживается политическая активность верующих и, кроме традиционных ценностей христианства, акцент также делается на их материальном благополучии и социальной справедливости. В православии доминируют традиционные ценности христианства, выраженные в Ветхом Завете, в которые не входила ни политическая активность мирян, ни социальное равенство, ни тем более социальное государство, хотя в Евангелиях проблема социального равенства затрагивается (см. табл. 2).

² *Aeterni Patris*: encyclical of Pope Leo XIII on the restoration of Christian philosophy // The Holy See : [официальный сайт Святого Престола]. URL: https://www.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_04081879_aeterni-patris.html (дата обращения 07.09.2021).

Таблица 2

Разница в принципах христианских течений

	Православие	Католицизм	Протестантизм
Организация церкви	Автокефальная	Централизованная	Децентрализованная
Отношение церкви и государства	Модель императорско-папская	Дуальность церкви и государства	Подчинение церкви государству или объединение церкви и государства
Церковная иерархия	Назначение (за исключением патриарха)	Назначение (за исключением папы)	Выборная
Ценности и предпочтения	Духовное развитие	Материально-духовное развитие	Материальное богатство – путь к богу (пуритане) и социальная справедливость (гуситы)
Поддержка общественной активности	Низкая, дозор коллектива	Умеренная, дозор священников	Высокая, индивидуализм и дозор коллектива
Социальное государство	Нет	Да	В лютеранстве – да

Сторонники отдельных религий и идеологий предполагают, что при соблюдении «правильных норм» мир станет более стабильным, но в силу плюрализма религий и идеологий, наоборот, возникают конфликты. Из-за этого, по мнению некоторых теоретиков, мир религий и идеологий должен быть заменен более надежным подходом в виде науки, которая может предоставить единую и научно обоснованную позицию по решению общественных проблем.

Конкретным проявлением этой тенденции было возникновение в 60-ых годах 20-ого века теории деидеологизации, которая базировалась на утверждении, что ценностные концепции могут быть заменены именно наукой. Однако данная концепция показала свою несостоятельность, поскольку ученые не всегда имеют единую точку зрения, особенно, что касается решения общественных проблем. Большинство людей не искушены в науках, а исходят в практической жизни из традиций или мнения признанных авторитетов. Такие стереотипы мышления и поведения продолжают работать в социуме и государстве в условиях интенсивного развития вычислительной техники, ИКТ и искусственного интеллекта. Но даже если бы удалось на основе достижений информационного общества вычислить «единый правильный вариант» политического поведения, маловероятно, что его признают те, кого он ограничивает, что они не будут искать другие решения.

Различия политической структуры и ценностей Запада и России. Сегодня в странах Запада преобладают консервативные или либеральные подходы в процессе принятия решений. Влияние новых правых в настоящее время падает. Реакцией на возрастающее социальное неравенство является усиление влияния антисистемных популистских политических партий или движений правого и левого толка. Что касается партийной структуры западных стран, то везде, за исключением США, существует многопартийность, и нигде нет доминирующей партии, партии чередуются у власти. В России ситуация иная.

В статье 13 Конституции Российской Федерации закреплено идеологическое и политическое многообразие и многопартийность, и отрицается существование государственной или обязательной идеологии³, в чем Россия никак не отличается от западных демократических стран. С другой стороны, в России существует доминирующая партия «Единая Россия», которая возникла как пропрезидентская партия и находится у власти с 2003 года.

В этом смысле Россия существенно отличается от Европы, что вызывает на Западе сомнения в её демократическом характере. «Единая Россия» позиционирует себя как всеохватывающая партия типа «catch-all party» и результаты выборов с 2003 года указывают на то, что своей программой она на самом деле отвечает ожиданиям населения России, чем можно обосновать её доминирующее положение в обществе и одновременно её лидерство. Однако все не так просто. Возникновение политических партий типа «catch-all» на Западе исторически связано с существованием государства всеобщего благосостояния, каким Россия в европейском понимании не является, несмотря на то что в статье 7 Конституции Российской Федерации указано: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»⁴.

Мера неравенства в России с 90-ых годов растет (см. рис. 1)⁵. Она сравнима с ситуацией в США (2018 г. – 0,414), но не в западной Европе. Несмотря на рост и высокую меру неравенства, «Единая Россия» сохраняет свою лидирующую позицию.

Рисунок 1. Коэффициент Джини в России

Источник: Руксперт⁶.

³ Глава 1. Основы конституционного строя // Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения 07.09.2021).

⁴ Там же.

⁵ По другим источникам коэффициент Джини в России находится на уровне 0,375. См: Gini index (World Bank estimate) - Russian Federation // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=RU> (дата обращения 07.09.2021).

⁶ Статистика: Коэффициент Джини в России // Руксперт. URL: https://ruxpert.ru/Статистика:Коэффициент_Джини_в_России (дата обращения 07.09.2021).

Тем не менее, опыт Запада показывает, что высокая мера неравенства рано или поздно вызывает сомнения граждан в справедливости функционирования политических структур. Экономическая политика в России, по опросам ВЦИОМ, с 2021 года в целом устраивает около 21-27%, но не устраивает 41-47% граждан (см. табл. 3). Социальная политика в целом устраивает около 27-33%, но не устраивает 35-40% опрошенных (см. табл. 4).

Таблица 3

Оценка властей – экономическая политика
(закрытый вопрос, один ответ, % опрошенных)

В какой мере Вас устраивает экономическая политика, которую проводят власти нашей страны?	31.01.2021	31.03.2021	31.05.2021	31.07.2021	31.08.2021
В целом устраивает	27	24	22	22	21
Отчасти устраивает, отчасти нет	26	28	27	25	26
В целом не устраивает	41	44	43	45	47
Затрудняюсь ответить	6	4	8	8	6

Источник: ВЦИОМ⁷.

Таблица 4

Оценка властей – социальная политика
(закрытый вопрос, один ответ, % опрошенных)

В какой мере Вас устраивает социальная политика, которую проводят власти нашей страны?	31.01.2021	31.03.2021	31.05.2021	31.07.2021	31.08.2021
В целом устраивает	33	29	30	30	27
Отчасти устраивает, отчасти нет	26	28	27	27	26
В целом не устраивает	35	36	35	37	40
Затрудняюсь ответить	6	7	8	6	7

Источник: ВЦИОМ⁸.

Оценкам политики отвечает, в принципе, и степень одобрения или неодобрения деятельности государственных институтов. Самые высокие показатели имеет президент, и наоборот, мера одобрения деятельности правительства – ниже 50%. Высокая мера неодобрения, около 50%, – к ключевому органу законодательной власти, Государственной Думе. Приведенные данные, и это надо подчеркнуть, никак не отличаются от данных, которые можно получить в западных демократических странах, но Россия отличается существованием доминирующей политической партии. Вышепоказанные тенденции сохраняются и после выборов в Государственную Думу в сентябре 2021 года (см. табл. 5,6).

⁷ Оценка властей // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/ratings/ocenka-vlastei> (дата обращения 07.09.2021).

⁸ Там же.

Таблица 5

Одобрение/неодобрение деятельности государственных институтов

	16.05.2021		06.06.2021		08.08.2021		05.09.2021		24.10.2021	
Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность:	одоб	неод	одоб	неод	одоб	неод	одоб	неод	одоб	неод.
Президент РФ	62.2	27.3	62.1	27.5	57.2	30.9	60.2	29.6	61.2	28.6
Председатель Правительства РФ	43.2	15.2	43.1	17.5	40.4	20.1	40.9	18.2	40.6	17.2
Правительство РФ	37.2	28.8	38	28.8	34.5	32.7	36.8	31.3	33.7	29

Источник: ВЦИОМ⁹.

Таблица 6

Одобрение/неодобрение деятельности государственных институтов РФ

	28.02.2021		31.05.2021		25.07.2021		26.09.2021		24.10.2021	
Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность:	одоб	неод	одоб	неод	одоб	неод	одоб	неод	одоб.	неод.
Государственная Дума	36	49.1	34	46.7	32.3	47.1	34.8	50.5	34.8	50.5
Совет Федерации	39	37.9	37.9	34	35.9	35.2	36.6	38.3	40.1	32

Источник: ВЦИОМ¹⁰.

Единая Россия и партии новых правых. Поскольку «Единая Россия» находится у власти с 2003 года, она несет полную ответственность за результаты. Она позиционируется как всеохватывающая политическая партия, но для «catch-all» партии, по сравнению с массовыми политическими партиями прошлого, типичен неидеологический характер программы. Это связано с тем, что в обществе общего благосостояния существует согласие граждан с принципами его деятельности, и политические партии, если хотят победить, должны действовать в рамках этой идеологической платформы. Из общего согласия граждан с принципами государства общего благосостояния вытекает и то, что данные партии могут ориентироваться на все социальные группы. Такие партии могут отличаться конкретным предложением решения общественных проблем в рамках данного ценностного консенсуса или способностью как можно лучше продать свою программу благодаря харизматическим лидерам или лучшему PR.

Поскольку государство общего благосостояния в условиях глобализации распадается из-за ограниченных возможностей облагать налогами капитал и перераспределять источники, «catch-all» партии на Западе теряют влияние и на их место приходят новые правые или популистские партии. По утверждениям лидеров «Единой России», официальная идеологическая платформа партии –

⁹ Деятельность государственных институтов // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov> (дата обращения 07.09.2021).

¹⁰ Там же.

центризм, консерватизм¹¹, правый либерализм¹². В соответствии с этим в партии возникло несколько дискуссионных клубов консервативного, либерального и патриотического направления. Одним из первых был Клуб «4 ноября», целью которого, по заявлениям, была разработка с 2010 года либерально-консервативной программы развития страны и мер по её реализации. Клуб рассматривает Партию «Единая Россия» как наиболее значимого политического партнёра, но является непартийной площадкой¹³. Такое же идеологическое направление имел «Центр социально-консервативной политики», члены которого были связаны с «Единой Россией» и её фракцией в Государственной Думе. Центр занимался обсуждением общественных проблем и формированием в «Единой России» либеральных и социальных подходов¹⁴. Одновременно с вышеуказанными организациями возникает «Либеральный клуб Единой России», в который вошли представители бизнеса и культуры. Идеологией либерального клуба является новый консерватизм: «Суть дела в том, что по смыслу реформ, которые мы хотели бы видеть, мы либералы, а по методам – мы консерваторы, то есть против радикализма и против ломки системы»¹⁵. Консервативное направление имеет также «Государственно-патриотический клуб», выдвигающий потребность существования сильного и ответственного государства, находящегося в органичном единстве с обществом на основе отечественной истории и культуры, национальных традиций, и «Патриотическая платформа», целью которой было обсуждение законодательных инициатив, а также взаимодействие с традиционными религиозными конфессиями.

Ценностно-идеологическое направление клубов и платформ, действующих внутри «Единой России», свидетельствует о том, что «Единая Россия» имеет явно либерально-консервативный фундамент, что никак не отвечает характеристике всеохватывающей партии. «Единая Россия», с точки зрения идеологических ценностей, больше похожа на партию новых правых, объединяющую как раз неолибералов и неоконсерваторов в одной политической стране.

Данное идеологическое направление на Западе находится уже на нисходящей траектории, поскольку консерваторам не удалось стабилизировать положение их избирателей и общества в целом. Доказательством этого являлся уход М. Тэтчер от власти в 1990 году и победа на президентских выборах в США в 2017 году Д. Трампа, который являлся, в принципе, сторонником традиционного консерватизма.

Естественно, что в деятельности «Единой России» как партии новых правых должны проявляться особенности традиций политической жизни России. Ценности новых правых в США и Британии базируются на протестантской этике, где ключевым является индивидуализм, индивидуальная активность и ответственность, авторитет избранных богом – богатых. В соответствии с данными

¹¹ Путин: «Единая Россия» должна быть центристской и консервативной силой // Официальный сайт партии «Единая Россия». 24 апреля 2012. URL: https://er.ru/activity/news/putin-edinaya-rossiya-dolzha-byt-centristskoj-i-konservativnoj-siloi_81954 (дата обращения 07.09.2021).

¹² Рубин М. В Кремле рассказали о правом сдвиге «Единой России» // РБК : [сайт]. 23 декабря 2015. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/12/2015/567af0bd9a7947294f286206> (дата обращения 07.09.2021).

¹³ Материалы Клуба «4 ноября» // Институт общественного проектирования. 10 февраля 2011. URL: <http://www.inop.ru/page642/> (дата обращения 07.09.2021).

¹⁴ О ЦСКП // Web Archive. URL: <http://web.archive.org/web/20110912151123/http://www.cscp.ru/about/> (дата обращения 07.09.2021).

¹⁵ Кара-Мурза В. Почему «партия власти» нуждается в создании нового либерального клуба? // Радио «Свобода» : [сайт]. 17 марта 2010. URL: <https://www.svoboda.org/a/1986114.html> (дата обращения 07.09.2021).

принципами новые правые в США и Британии никогда не выступали за социальное государство. В России ценности новых правых базируются на православии, а православие исторически не поддерживало ни светскую активность верующих, ни социальное равенство и социальное государство. Желаемым принципом социального поведения было эмоциональное сострадание и милосердие.

В контексте идеологии новых правых неудивительны звучащие иногда в «Единой России» идеи, отрицающие потребность существования социального государства. В ноябре 2018 года директор Департамента молодежной политики Свердловской области Ольга Глацких сказала, что «у молодежи, в подрастающем поколении, складывается, почему-то, понимание о том, что нам государство все должно. Нет, вам государство вообще в принципе ничего не должно»¹⁶. Критика социального государства звучит и у части российских интеллектуалов, которые воспринимают социальные льготы и пособия, предоставляемые людям на Западе, как средство их развращения [3, с. 76].

Как было сказано выше, новые правые на Западе потеряли к началу 21 века доверие граждан. Вопрос, будет ли «Единая Россия» исключением? Социологические опросы показывают растущие противоречия между доминирующей либерально-консервативной политикой «Единой России» и социально ориентированными ожиданиями граждан России.

Ценностные предпочтения граждан России. В 2021 году проводились опросы, касающиеся налоговой политики. Налогообложение является одним из ключевых факторов поддержания социального государства, и партии новых правых являются сторонниками равных и низких налогов, что не позволяет поддерживать социальное государство. В России один из самых низких равных налогов в мире, что, естественно, ограничивает возможности развития социального государства. В июне 2021 г. ВЦИОМ предоставил данные о том, как россияне относятся к действующей системе налогообложения (см. табл. 7).

Таблица 7

Социальное государство и налоги: в поисках баланса

Все опрошенные	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Я предпочитаю платить больше налогов, но быть уверенным в широкой доступности и высоком качестве государственных услуг (образования, здравоохранения, безопасности и другого)					
45	66	43	50	45	38
Я предпочитаю платить меньше налогов, понимая, что государственные услуги при этом могут быть более низкого качества и менее доступными					
33	22	43	31	32	31
Затрудняюсь ответить					
22	12	14	19	23	31

¹⁶ *Нигаматова К.* «Государство не просило вас рожать»: Глацких заявила, что власть ничего не должна молодежи // Вечерние ведомости : [сайт]. 5 ноября 2018. URL: <https://veved.ru/eburg/press/115475-gosudarstvo-ne-prosilo-vas-rozhat-glackix-zayavila-chto-vlast-nichego-ne-dolzhdna-molodezhi.html> (дата обращения 07.09.2021).

Окончание табл. 7

Все опрошенные	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Налоги должны быть как можно меньше, тогда каждый человек сам сможет наилучшим образом распоряжаться своими деньгами					
28	42	41	26	27	18
Налоги могут быть и высокими, лишь бы бедные люди могли получать от государства больше поддержки в виде бесплатных услуг (образования, здравоохранения, безопасности и другого)					
54	45	45	55	56	60
Затрудняюсь ответить					
18	13	14	19	17	22
Все опрошенные	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Все должны платить одинаковый процент налогов от своего дохода, вне зависимости от того, сколько они зарабатывают					
13	17	27	16	9	3
Чем богаче человек, тем больший процент доходов он должен отдавать государству в виде налогов, чем беднее – тем меньший					
83	80	67	79	87	95
Затрудняюсь ответить					
4	3	6	5	4	2

Источник: ВЦИОМ¹⁷.

Данные показывают, что 45% опрошенных готовы платить больше налогов. Среди молодежи таких даже больше – 66% (в целом, не готовы 33%). 54% утверждает, что налоги должны быть высокими, а 83% – высказываются даже за прогрессивные налоги.

В феврале 2021 г. ВЦИОМ представляет данные исследования взглядов россиян на цели и задачи государства в текущей ситуации (см. табл. 8).

В соответствии с результатами исследования, разногласий между программными установками «Единой России» (сторонниками «Единой России») и гражданами меньше. Касательно ответов на первый вопрос – сторонники «Единой России» более либеральны, чем россияне в целом. Касательно ответов на второй и третий вопрос – сторонники «Единой России», наоборот, более консервативны, чем граждане и являются сторонниками сильного государства. Ответы, однако, больше соответствуют ценностям традиционного консерватизма, позволяющего государству активно вмешиваться в экономику, нежели неоконсерватизму новых правых.

О разногласиях в ценностях и мере неудовлетворения экономической и социальной ситуацией граждан свидетельствуют рейтинги «Единой России». По данным ВЦИОМ в 2021 году, они находятся на уровне 30%¹⁸, что гораздо ниже результатов «Единой России» в выборах в Государственную Думу с 2003 года

¹⁷ Социальное государство и налоги: в поисках баланса // ВЦИОМ: [сайт]. 03 июня 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-gosudarstvo-i-nalogi-v-poiskakh-balansa> (дата обращения 07.09.2021).

¹⁸ Рейтинг политических партий // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/ratings/reiting-politicheskikh-partii/> (дата обращения 01.11.2021).

Таблица 8

Государство и общество: цели, приоритеты, императивы
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных - согласен и скорее согласен)

Благополучие человека больше зависит от него самого, от его усилий, чем от того, как устроено общество и какую политику проводит государство?					
Всего опрошенных	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»	Непарламентские партии
64	78	52	67	66	52
Государство должно минимально вмешиваться в экономику, бизнес и другие сферы жизни					
Всего опрошенных	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»	Непарламентские партии
26	16	29	30	16	46
Необходимо усилить роль государства в разных сферах, в том числе в экономике и бизнесе					
Всего опрошенных	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»	Непарламентские партии
65	77	66	57	74	49
Личные интересы – это главное для человека, их нельзя ограничивать даже ради блага общества					
Всего опрошенных	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»	Непарламентские партии
38	32	39	39	32	49

Источник: ВЦИОМ¹⁹.

(2003 – 37,57; 2007 – 64,30; 2011 – 49,30; 2016 – 54,20)²⁰. Хотя «Единая Россия» выиграла выборы в Государственную Думу в сентябре 2021 года с результатом 49,82%, её рейтинг в октябре 2021 года не превысил, как и раньше, 30%. «Единую Россию», вероятнее всего, поддерживают те, кто предпочитает либерально-консервативные ценности. Но поскольку «Единая Россия» – пропрезидентская партия, за неё могут также голосовать и те, кто уважает авторитет В. В. Путина. Президент, стараясь сбалансировать интересы отдельных слоев населения, в том числе низших слоев или людей, находящихся в затруднительном положении, поддерживает социальное государство, но, одновременно, не противоречит своими высказываниями консервативно настроенным сторонникам партии.

По данным 2010 года, 26% членов «Единой России» были пенсионерами, студентами и временно неработающими гражданами, 21,2% работали в образовании, 20,9% – в промышленности, 13,2% – состояли на государственной службе и работали в органах власти, 8% – трудились в сфере здравоохранения, 4% – были предпринимателями, примерно столько же партийцев трудилось в сфере искусства²¹. Очевидно, что между ними были успешные индивидуалисты, проповедующие идеологию новых правых, но также и сторонники социального государства.

¹⁹ Государство и общество: цели, приоритеты, императивы // ВЦИОМ: [сайт]. 12 февраля 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativu> (дата обращения 07.09.2021).

²⁰ Мухаметшина Е. Новые кадры и структура. С чем «Единая Россия» пойдет на выборы в Госдуму // Ведомости [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/11/24/817006-v> (дата обращения 07.09.2021).

²¹ Закатова А. Клик – и в партии: «Единороссы» себя сосчитали // Российская газета. № 5185 от 19 мая 2010 г.

Влияние новых правых в «Единой России», таким образом, компенсируется и Президент РФ опирается на ту часть членов «Единой России», которая не связана с бизнесом и придерживается принципа солидарности. Более того, Президент может опираться при реализации программных целей на членов Общероссийского народного фронта, который был создан по его инициативе в мае 2011 года на межрегиональной конференции партии «Единая Россия». В 2012 году Владимир Путин уже в качестве главы государства провёл в Ново-Огарёво первую встречу с активом Общероссийского народного фронта, в рамках которой обозначил главные задачи движения – контроль над исполнением Указов и поручений главы государства, а также борьба с коррупцией. Хотя сторонники либерально-консервативных ценностей хорошо организованы в клубах, они не могут противостоять авторитету Президента РФ, опирающегося на доверяющих ему людей, но могут тормозить движение в сторону социального государства.

У избирателей – сторонников социального государства, в принципе, имелись две возможности: поверить словам Президента, требующего обеспечить социальную справедливость в обществе и голосовать за правящую пропрезидентскую партию, или подстраховаться голосованием за политические партии, поддерживающие социальное государство. На выборах 2021 года в Государственную Думу «Единая Россия» ради снижения риска потери доминирующего положения целенаправленно противодействовала давлению слева партий социальной ориентации. Лидерами «Единой России» стали члены партии с высоким рейтингом – председатель правительства Российской Федерации М. В. Мишустин, министр обороны С. К. Шойгу и министр иностранных дел С. В. Лавров. Одновременно партия активно пропагандировала социальные программы в пользу широких слоев населения. Результаты выборов подтвердили как правильность подхода «Единой России», которая победила на выборах, так и рост значения для населения принципа социальной справедливости – политические партии, декларирующие поддержку социального государства, укрепили свои позиции – КПРФ получила 18,93% голосов, «Справедливая Россия» – 7,46%.

Российское общество, несомненно, стоит перед очередным вызовом, каким образом и на основе каких ценностей решить существующее и будущие проблемы. Президент России В. В. Путин в своем выступлении на заседании Валдайского клуба в октябре 2021 года выдвинул идею нового консерватизма: «Цена непродуманного социального естествоиспытательства иногда просто не поддается оценке. Оно разрушает не только материальные, но и духовные основы существования человека»²². Новый консерватизм сигнализирует расхождение с неоконсерватизмом новых правых, готовность соблюдать традиции, но и реализовать умеренные реформы. Одним из средств консолидации общества должна стать идея «общественного договора» как морально-этического соглашения между властью и обществом. Добровольное согласие по ключевым целям развития общества и условиям его устойчивого развития, должно быть достигнуто и реализовано совместными усилиями власти, бизнеса и общества [4, с. 162-185]. Шагом реализации социального договора стало распоряжение Правительства РФ, которым утверждены инициативы социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года²³.

²² Путин поддержал умеренный консерватизм, сравнил его с врачебным принципом «не навреди» // ТАСС: [сайт]. 21 октября 2021. URL: <https://tass.ru/politika/12728229> (дата обращения 07.09.2021).

²³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 октября 2021 г. № 2816-р // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/all/136925/> (дата обращения 07.09.2021).

Выводы. Актуальным остаётся вопрос, как получится реализовать реформы, насколько их оценят и поддержат избиратели. В принципе, существуют три варианта будущего развития России: 1. «Единая Россия» удержит свое доминирующее положение, потому что проводимые социальные программы будут реализовываться и будут отвечать ожиданиям большинства населения; 2. «Единая Россия» потеряет свое доминирующее положение и возникнет коалиционное правительство, что позволит реализовать более радикальные реформы системы; 3. Система заблокируется, и население будет решать «свои проблемы» на улице. Этот вариант – самый плохой, революционное брожение на улице не обязательно и редко ведет к быстрому решению проблем.

Библиографический список

1. *Prorok, V. Tvorba rozhodování a analýza v politice.* Praha : Grada, 2012. 189 s. ISBN 978-80-247-4179-6.
2. *Heywood, A. Politické ideologie.* Plzeň : Vydavatelství a nakladatelství A. Čeněk, 2008. 362 s. ISBN 978-80-7380-137-3.
3. Электоральные процессы в России и Европе: новые практики, институты и технологии / М. Е. Родионова, С. Ю. Белоконев, П. С. Селезнев [и др.]. М. : КноРус, 2018. 344 с. ISBN 978-5-406-06613-3.
4. *Ильичева, Л. Е., Кондрашов, А. О., Лапин, А. В.* Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2(162). С. 162-185. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1917.

: 20.10.2021.

: 29.11.2021.

Сведения об авторе:

Пророк Владимир, кандидат философских наук, доцент, кафедра Международных отношений и дипломатии, Университет Яна Амоса Коменского, Прага, Чешская республика.
e-mail: vprorok@seznam.cz

V. Prorok¹

¹ Jan Amos Comenius University. Prague, Czech Republic.

SOCIO-POLITICAL CHOICE OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF IDEOLOGIES

Abstract. In the article, the author analyzes the differences in value orientations and the specifics of the party-political systems of Western countries and Russia, the features of the basic values of the United Russia party and the value orientations of Russian citizens. The problem of borrowing and using successful foreign experience and finding one's own way of development has always been in the center of Russian political discourse. Today conservative as well as liberal approaches prevail in politics in Western countries, until recently they were present in the form of the ideology of the new right. In Russia the dominant "United Russia" party has been in power since 2003 and it positions itself as an all-encompassing or "catch-all" party. However, there are liberal and conservative wings in United Russia. The second one is closer to the ideological platform of the parties of the new right, which in practice in politics abandon the model of the welfare state. According to the surveys, in Russia the neoliberal values recorded in the program documents of United Russia do not meet the expectations of the majority of Russians who demand an active social policy. This contradiction, according to the author, is connected with the decline in popularity of the pro-presiden-

tial United Russia, which Russian President Vladimir Putin is trying to stop by supporting social programs, while relying on some members of United Russia and the ONF. United Russia won the elections to the State Duma in 2021, but the influence of socially oriented political parties in society and the state is increasing.

Keywords: religious values, ideological values, new right, united Russia, social state.

For citation: Prorok V. (2021) Socio-political choice of Russia in the context of ideologies. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 4. P. 107-121. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.9

References

1. Prorok V. (2012) *Tvorba rozhodování a analýza v politice*. Praha : Grada. 189 p. ISBN 978-80-247-4179-6 (in Czech).
2. Heywood A. (2008) *Politické ideologie*. Plzeň : Vydavatelství a nakladatelství A. Čeněk. 362 p. ISBN 978-80-7380-137-3 (in Czech).
3. Rodionova M. E., Belokonev S. Yu., Seleznev P. S. [et al.] (2018) *Electoral processes in Russia and Europe: new practices, institutions and technologies*. M. : KnoRus Publ. 344 p. ISBN 978-5-406-06613-3 (in Russ.).
4. Iliycheva L. E., Kondrashov A. O., Lapin A. V. (2021) Trust as a bridge over the uncertainty gap between the government and society. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. No. 2. Pp. 162–185. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1917 (in Russ.).

The article was submitted on October 20, 2021.

Accepted on November 29, 2021.

Information about the author:

Prorok Vladimir, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of International Relations and Diplomacy, Jan Amos Comenius University, Prague, Czech Republic.
e-mail: vprorok@seznam.cz

ЧТЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. Чтение разнообразной литературы является важнейшим видом деятельности, способствующим социализации подростка, становлению идентичности, формированию мировоззрения, ценностных ориентаций. В настоящее время чтение для подростков стало необязательным занятием, воспринимается ими как одно из досуговых, предпочтение отдается бездумному времяпрепровождению: просмотр сериалов, компьютерные игры, «зависание» в соцсетях. Эти изменения во многом связаны с теми процессами, которые происходят в современном обществе, в том числе с повышением представленности цифровых технологий в жизни подростков. Согласно психологическим исследованиям в структуре мотивации чтения современных подростков можно выделить следующие основные мотивы: мотив пользы, мотив развлечения, мотив эскапизма, личностный мотив, мотив принуждения, социальный мотив. При этом более трети подростков не имеют сформированной читательской мотивации, а среди мотивов чтения преобладают внешние: пользы, развлечения и принуждения. В мотивации чтения прослеживается динамика изменений по возрастам, а также гендерные различия. Социологические опросы показывают, что круг чтения современных подростков состоит из печатных и электронных книг и периодики. Пропорции с каждым годом меняются в сторону предпочтения электронного чтения и несмотря на то, что Интернет усилил интенсивность чтения подростков, они читают в Интернете не только электронные книги, но и новостные сообщения, энциклопедии, юмористические сайты, публикации о знаменитостях и даже музыкальные порталы. Таким образом, цифровизация способствует увеличению объема чтения, но снижает его качество.

Ключевые слова: чтение подростков, мотивы чтения подростков, круг чтения подростков, цифровая среда, гендерные различия, возрастная динамика.

Для цитирования: Березина А.В., Колосова Е.А. Чтение современных российских подростков в условиях цифровой реальности // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 4. С. 122-131. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.10

Чтение разнообразной литературы является важнейшим видом деятельности, способствующим социализации подростка, становлению идентичности, формированию мировоззрения, ценностных ориентаций. Художественная литература является носителем и средством передачи ценностей, накопленных человечеством и прошедших испытание временем. Процесс чтения художественной литературы позволяет подростку сформировать собственную *идентичность* – что является важнейшими новообразованиями данного периода жизни.

Однако современные подростки живут в ситуации нестабильности, разноплановости ценностей, что затрудняет ценностное самоопределение. Кроме того, ценности не могут просто передаваться от человека к человеку (как информация). Чтобы сформировалась некоторая ценность, ребенок должен прожить многие приятные и неприятные моменты жизни, получить опыт сопереживания. Чтение художественных произведений позволяет прожить и пережить необхо-

димый опыт, и сформировать соответствующие *ценности, мировоззрение*. Персонажи-ровесники, описанные в художественной литературе, являются тем зеркалом, мерилом, сравнивая себя с которым подростки строят свою собственную идентичность.

Подростковый возраст также является периодом активного развития теоретического, абстрактно-логического, понятийного мышления: без чтения и размышлений над текстами (причем, как художественными, так и научно-познавательными или философскими), процесс становления высших форм мышления если не останавливается совсем, то существенно затормаживается.

Самой заметной особенностью подросткового возраста является высокий уровень эмоциональности, который выражается в том, что подросткам трудно совладать с собственными эмоциями, им еще нужно научиться рефлексировать свои эмоции, управлять ими, а также разбираться в эмоциях других людей. Чтение, как вид искусства является одной из важнейших практик, способствующих эмоциональному развитию в подростковом возрасте. Еще в начале прошлого века Л. С. Выготский указывал на то, что «...основой эстетической реакции являются вызываемые искусством аффекты, переживаемые нами со всей реальностью и силой, но находящие себе разряд в той деятельности фантазии, которой требует от нас всякий раз восприятие искусства» [1, с. 206]. Опираясь на работы Выготского, известный детский поэт и педагог В. А. Левин также писал, что, процесс чтения художественного произведения позволяет нам удваивать тот духовный опыт, который его наполняет. Этот опыт одновременно живет в самом человеке, в его внутреннем мире, переживаниях, а, с другой стороны, описанный в художественном произведении опыт, объективно представлен в тексте, и таким образом находится вне индивида. Это позволяет посмотреть на переживания со стороны, отделиться от них и благодаря этому отделению, лучше понять и изучить: лучшее понимание дает возможность овладеть эмоциями и научиться управлять своими переживаниями [2].

Современные исследования, выполненные под руководством известного социолога В. С. Собкина, также показывают, что создание внутренней мотивации чтения у подростков является важным фактором социального развития, так как при этом происходит переработка читателем-подростком своего идеального «образа Я» на материале художественного произведения, а герой произведения выступает в качестве личностного образца [3].

Однако, в настоящее время чтение стало необязательным занятием, оно воспринимается взрослыми, а за ними и подростками, как одно из досуговых занятий наряду с просмотром телепрограмм, компьютерными играми, общением и др.

Опросы, проведенные социологами РГДБ в 2006 и 2013 годах [4], показывают, что у младших подростков ухудшается отношение к чтению (см. табл. 1). За период, прошедший между опросами, в три раза выросло число пятиклассников, которые считают, что чтение никому не нужно, и почти в четыре раза увеличилось количество тех, кто считает чтение скучным занятием и относится к нему резко негативно. Возможно, это связано с возросшими требованиями со стороны школы, увеличением объема книг, которые ребенок должен прочесть. С другой стороны, физиологи говорят о том, что увеличивается количество детей, испытывающих трудности с технической стороной чтения (дислексии, дисграфии и т.д.), и это также может негативно влиять на их отношение к чтению.

Отношение подростков к чтению¹

Варианты ответа:	2006		2013	
	ученики 5 класса, %	ученики 9 класса, %	ученики 5 класса, %	ученики 9 класса, %
«Мне нравится читать»	81	64	73	84
«Я читаю, потому что этого требуют учителя и родители»	27	42	48	40
«Ненавижу читать, скучное занятие»	4	19	15	11
«Чтение сейчас никому не нужно»	6	10	18	11

Таким образом у большинства современных подростков чтение часто либо полностью исключается из значимых видов деятельности (появляется стремление к бездумному времяпрепровождению: просмотр сериалов и незатейливых видео, компьютерные игры, «зависание» в социальных сетях) [5], либо ограничивается только легкой, не затрагивающей мировоззренческий пласт, литературой, что не способствует формированию духовных ценностей, личностному самоопределению. Эти изменения во многом связаны с теми процессами, которые происходят в современном обществе, в том числе с повышением представленности цифровых технологий в жизни подростков. Что при этом происходит с мотивами, побуждающими подростков читать, что заставляет современных подростков обращаться к книге?

В 2019 г. одним из авторов статьи – Березиной А. В. – было проведено исследование особенностей чтения современных российских подростков [6]. Опрос проводился среди подростков 11-15 лет. В нем приняли участие 1430 подростков из более чем 10 регионов России. Участвовали не только городские школьники, но и подростки, проживающие в селах и деревнях. Так как большая часть данных была собрана с помощью библиотекарей, в исследовании в основном приняли участие подростки, посещающие какую-либо библиотеку – 90%. Десятая часть – это подростки, не посещающие библиотеку (здесь опрос проводить помогали психологи школ). Часть подростков заполнили анкету, которая была размещена в социальных сетях. 57,5% респондентов – подростки-девочки, 42,5% – подростки-мальчики. По возрастам было примерно равное распределение.

На вопрос «Читаешь ли ты книги? Как часто?» более половины подростков ответили, что читают каждый день или через день:

¹ На основании результатов исследований:

2006 г. Исследование «Детское чтение» проведено сотрудниками Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр) в городах России по заказу фонда «Пушкинская библиотека» в декабре 2006 г. Выборку исследования, которое проходило в 26 региональных отделениях Центра по всей стране, составили 400 младших школьников (учащиеся 1-4 классов), 400 старших школьников (5-9 классы).

2013 г. Исследование «Детское чтение в России» было проведено Российской государственной детской библиотекой при поддержке Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр) по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в городах России в сентябре 2013 г. Выборку исследования, которое проходило в 34 региональных отделениях Центра по всей стране, составили 350 младших школьников (учащиеся 1-4 классов), 350 старших школьников (5-9 классы).

- 31% читают каждый день;
- 25% читают 2-3 раза в неделю;
- 9% читают раз в неделю;
- 9% читают 2-3 раза в месяц;
- 18% читают только на каникулах;
- 3% читают очень редко;
- 5% не читают совсем.

В структуре мотивации чтения современных подростков мы выделили следующие основные мотивы (в скобках указан процент респондентов, у которых этот мотив представлен в структуре мотивации чтения) [см. подробнее 7]:

- **мотив пользы (22%)**: подростки считают, что читать нужно для того, чтобы что-то улучшить в себе (*чтение помогает развивать любознательность, расширяет кругозор, повышает грамотность, развивает фантазию, словарный запас, ораторские способности, читать нужно, чтобы познавать, получать знания и т.д.*).
- **мотив развлечения (13%)**: читать можно для того, чтобы развлекаться, не жить скучной жизнью (*в книге интересный, занимательный сюжет, интересные приключения; читаю, чтобы развеять скуку, это приносит удовольствие, это умный способ безделья*).
- **мотив принуждения (11%)**: подростки читают, потому что их заставляют взрослые (*надо по программе, делать домашнее задание, заставляют родители или учителя, «учитель по литературе не дремлет и ждет моих сочинений»*).
- **социальный мотив (6 %)**: подростками осознается важность чтения, но само по себе оно им не интересно (*это круто, это модно; читать нужно; с детства приучили к этому родители; я читаю, потому что читают мои друзья*).
- **мотив эскапизма (4%)**: стремление убежать в другую реальность (*иногда хочется погрузиться в другой мир, отличающийся от нашего и забыть городскую суету; забывать о проблемах; это помогает отвлечься; «это помогает мне дышать»; «потому что книги лучше людей, с ними можно провести время, и они не сделают больно»*).
- **внутренний мотив (6%)**: чтение важно для подростков само по себе, они осознают важность чтения для своего личностного развития, книга воспринимается как ценность, как собеседник, источник размышлений и самопознания (*«я читаю потому, что книги помогают иначе взглянуть на возможности нашей жизни, понять, как просто сделать неповторимой каждую секунду бытия»; «я могу олицетворить героя с собой, оказываюсь в другом мире»; «хочется перенестись в другой мир и прожить жизнь главного героя, я могу ощущать все чувства, эмоции и переживание каждого из героев этой книги»; «люблю проникать в мир книги, радоваться и плакать за героев, чувствовать то, что они чувствуют, переживать за них»*).

Достаточно большая часть подростков (35%) не осознает, почему они читают, или не хотят задумываться над этим вопросом. Мы отнесли таких подростков к группе с **неопределенной читательской мотивацией** (*мне просто нравится, это мое хобби, это интересное занятие, хочу и читаю*). 10% ответили, что **не читают совсем** (*неинтересно, скучно, нет времени; есть аудиокниги; лень; есть другие более интересные занятия (игры, интернет); не хватает терпения, это утомительно; трудно достать книги, дорого; нет интересных книг*).

В мотивации чтения прослеживается динамика изменений по возрастам, а также гендерные различия. От 11 к 15 годам уменьшается количество подростков с неопределенной читательской мотивацией и увеличивается количество подростков с внутренним (личностным) мотивом чтения. Спады мотивов пользы и развлечения приходятся на 12-13 лет. Мотив принуждения максимально выражен 13-14 лет, когда у подростков видимо совсем другие интересы, а может быть это связано с увеличением текстов, которые им приходится читать по программе, и не остается времени для свободного досугового чтения. Социальный мотив также имеет небольшой пик в этот период (13-14 лет). Эскапизм несколько увеличивается с возрастом. При этом количество не любящих читать подростков также с возрастом увеличивается.

В чтении девочек и мальчиков подросткового возраста были выявлены следующие отличия: у девочек в два раза чаще, чем у мальчиков (8% против 4%) проявляется внутренний, личностный мотив чтения. Во внешних мотивах чтения, у девочек больше, чем у мальчиков, выражены мотивы: пользы (24% против 18%) и развлечения (14% против 11%). Таким образом, книги для них в большей степени являются как средством развития каких-либо навыков и достижения целей, так и источником для отдыха, радости, игры. Мальчики же меньше в книгах видят возможности для развлечения. Отвечая на вопросы анкеты, мальчики чаще говорили о том, что не читают, потому что есть другие возможности для проведения досуга: компьютерные игры, спорт и др. Девочки также чаще стремятся «убежать» в книги, для мальчиков мотив эскапизма оказался почти не характерен (6% против 1%). В ответах мальчиков почти в три раза чаще, чем у девочек, звучит мотив принуждения (16% против 6%). Возможно, они его более остро переживают, или родителям и учителям действительно чаще приходится заставлять мальчиков читать. Интересно, что у мальчиков оказался также более, чем у девочек, выражен и социальный мотив (8% против 4%): мальчикам важнее понимать, что, читая, они занимаются какой-то признаваемой сверстниками или взрослыми деятельностью, отвечают социальным требованиям, моде, сохраняют традиции и т.д. Также мальчики почти в два раза чаще, чем девочки отвечали, что они не любят читать (13% против 7%).

Опросы (2013, 2020 годов) показывают, что круг чтения современных подростков состоит из печатных и электронных книг и периодики. Данные исследований [8; 9] подтверждают наметившуюся еще в 2013 г. тенденцию к предпочтению чтения в бумажном виде среди школьников (см. табл. 2).

Таблица 2

Предпочитаемый формат для чтения книг

	2013	2020	
	В целом, %	Для чтения художественных текстов, %	Для чтения информационных текстов, %
читают бумажные книги	48	52,4	32,5
читают с экрана	23	21,0	40,8
не имеет значение	29	26,6	26,7

Пропорции с каждым годом меняются в сторону предпочтения электронного чтения, но преимущественно это касается развлекательного чтения. При необходимости читать серьезную литературу, в том числе по школьной программе, подростки выбирают бумажный вариант (см. табл. 3).

Таблица 3

Предпочитаемый носитель для чтения книг

	2013	2020
с экрана компьютера	57%	9,6%
с экрана смартфона/мобильного	19%	14,2%
с помощью других гаджетов	4%	3%

За последние 7 лет практически ушла практика чтения с экрана персональных компьютеров, поскольку они сильно уступают смартфонам, которые привлекают детей своей портативностью, мобильностью и многофункциональностью.

При этом именно Интернет во многом усилил интенсивность чтения подростков, они читают в Интернете не только электронные книги, но и новостные сообщения, энциклопедии, юмористические сайты, публикации о знаменитостях и даже музыкальные порталы. Например, подростки находили информацию о книгах, литературных новинках и мнениях других читателей: на сайтах книжных издательств (27%); в социальных сетях (30%); на форумах и тематических сообществах (15%), в блогах (16%).

Данные исследования «Взрослые и дети в Интернете: цифровая грамотность», проведенного Лабораторией Касперского в 2020 году [10], представлены на Рис. 1. Приведенные данные говорят о том, что только 22% подростков в интернете читают, при этом не художественную литературу, а новости или статьи.

Меняется ли репертуар чтения современных российских подростков в связи с развитием чтения на различных носителях? В Таблицах 4, 5 представлены книги, которые интересны современным российским подросткам. Данные приводятся по результатам исследований, которые периодически проводятся социологами и психологами Российской государственной детской библиотеки на репрезентативных выборках современных российских подростков.

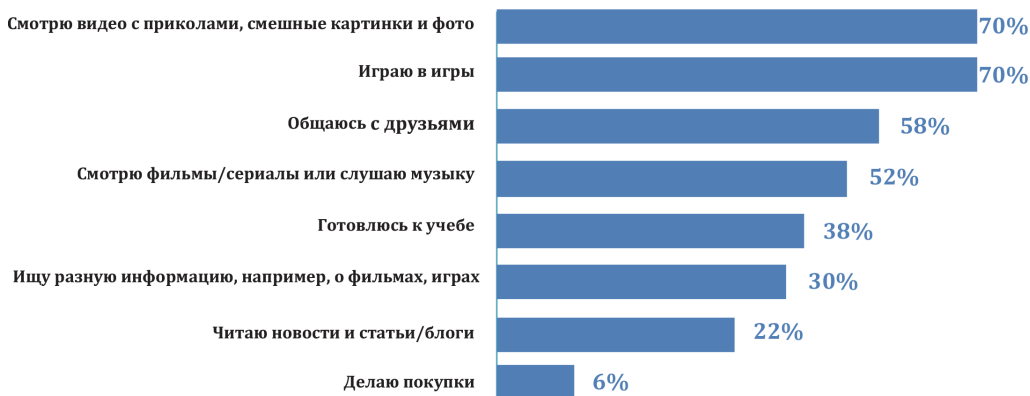

Рисунок 1. «Взрослые и дети в Интернете: цифровая грамотность» (Лаборатория Касперского, 2020) [10]

Таблица 4

Популярные у подростков книги зарубежных авторов

2013 г.	2019 г.
<i>Роулинг Дж.</i> Гарри Поттер (серия)	<i>Роулинг Дж.</i> Гарри Поттер (серия)
<i>Майерс Ст.</i> Сумерки (серия)	<i>Экзюпери А.</i> Маленький принц
<i>Хантер Э.</i> Коты-воители (серия)	<i>Твен М.</i> Приключения Тома Сойера
<i>Лондон Дж.</i> Белый клык	<i>Дэфо Д.</i> Робинзон Крузо
<i>Дефо Д.</i> Робинзон Крузо	<i>Хантер Э.</i> Коты воители (серия)
<i>Твен М.</i> Приключения Тома Сойера	<i>Дойл А.</i> Записки о Шерлоке Холмсе
<i>Дойль А.</i> Рассказы о Шерлоке Холмсе	<i>Толкин Дж.</i> Хоббит
<i>Кэрролл Л.</i> Алиса в Стране Чудес	<i>Шекспир У.</i> Ромео и Джульетта
<i>Дюма А.</i> Три мушкетера	<i>Дюма А.</i> Три мушкетера
<i>Стивенсон Р. Л.</i> Остров сокровищ	<i>Бредбери Р.</i> Вино из одуванчиков
<i>Верн Ж.</i> Дети капитана Гранта, Таинственный остров	<i>Кэрролл Л.</i> Алиса в стране чудес
<i>Распе Р. Э.</i> Приключения барона Мюнхгаузена	<i>Стивенсон Р. Л.</i> Остров сокровищ
<i>Сент-Экзюпери А.</i> Маленький принц	<i>Лондон Дж.</i> Белый клык
	<i>Парр М.</i> Вафельное сердце
	<i>Верн Ж.</i> Таинственный остров

Таблица 5

Популярные у подростков книги отечественных авторов

2013 г.	2019 г.
<i>Пушкин А. С.</i> Капитанская дочка	<i>Пушкин А. С.</i> Капитанская дочка,
<i>Чехов А. П.</i> Рассказы	<i>Дубровский, Евгений Онегин,</i>
<i>Грин А.</i> Алые паруса	<i>Повести Белкина</i>
<i>Гоголь Н. В.</i> Тарас Бульба	<i>Гоголь Н. В.</i> Тарас Бульба, Вечера
<i>Булгаков М. А.</i> Мастер и Маргарита	<i>на хуторе близ Диканьки, Мертвые души</i>
<i>Волков А.</i> Волшебник Изумрудного города	<i>Грин А.</i> Алые паруса
<i>Беляев А.</i> Голова профессора Доуэля	<i>Тургенев И. С.</i> Муму
<i>Драгунский В.</i> Денискины рассказы	<i>Щерба Н.</i> Часодеи
<i>Тропольский Г.</i> Белый Бим Черное ухо	<i>Тропольский Г.</i> Белый Бим Черное ухо
	<i>Толстой Л. Н.</i> Детство, Кавказский пленник
	<i>Булгаков М.</i> Мастер и Маргарита, Собачье сердце
	<i>Железников В.</i> Чучело
	<i>Распутин В.</i> Уроки французского

За последние 6 лет в репертуаре подросткового чтения были зафиксированы минимальные изменения: так из круга подросткового чтения практически пропали книги из серии «Сумерки» Ст. Майерс, меньше подростков интересуется книжка Р. Э. Распе «Приключения барона Мюнхгаузена»; в предпочтениях появились «Хоббит» Дж. Толкина и книги современного автора М. Парр (это единственная книга современного автора, которая отмечается многими подростками как заинтересовавшая их. Остальные книги современных авторов либо подростками не читаются (не попадают в их поле зрения), либо почему-то ими не воспринимаются).

ются как интересные). Из книг отечественных авторов подростки меньше стали интересоваться А. П. Чеховым и В. Драгунским, но вернулись в круг чтения подростков книги В. Железникова «Чучело» и В. Распутина «Уроки французского». Из книг современных авторов в первую десятку попала только серия книг Н. Щерба «Часодеи».

Таким образом, большинство подростков называют либо классику из школьной программы, в том числе задаваемые в рамках внеклассного чтения (Пушкин, Гоголь, Экзюпери, Твен, Дефо), либо книги, прочитанные в детстве и перечитываемые (с ними не возникает сложностей при чтении). Бессменным лидером остается серия книг Джоан Роулинг о Гарри Поттере. Очень мало указываются современные авторы. Анализ по регионам представленности в репертуаре чтения подростков тех или иных книг, показывает, что существуют очень большие различия именно в предпочтении книг современных российских и зарубежных авторов. Получается, что возможности доступа к электронным версиям книг сами по себе не влияют на процесс включения в круг чтения подростков современной подростковой литературы. Видимо, книга современного автора может попасть в любимые, если эту книгу закупила библиотека и с ней проводится какая-либо работа.

Выводы:

1. Сегодняшнее чтение подростков состоит из двух основных частей: чтения бумажных книг и периодических изданий и чтения книг и периодических изданий в Интернете.
2. Пропорции постепенно меняются в сторону предпочтения «экранного» чтения, но в то же время «бумажные» книги по-прежнему доминируют.
3. Благодаря Интернету подростки демонстрируют более интенсивное чтение по сравнению с началом 2000-х годов, но качество чтения снижается.
4. Результаты наших исследований говорят о наибольшей выраженности внешних мотивов чтения у подростков. Особенную обеспокоенность вызывает неопределенность мотивации чтения у трети и отрицательное отношение к чтению у десятой части подростков, а также выраженность мотивов принуждения у мальчиков. Доступ к электронным книгам скорее влияет на формирование внешних мотивов чтения, но не способствует развитию внутреннего мотива, интереса к книге как источнику культурного опыта и производству искусства.
5. Репертуар чтения подростков практически не меняется: интернет и возможности чтения с электронных носителей не делает современную подростковую литературу более доступной для подростков. Репертуар их чтения, как и двадцать лет назад, в основном состоит из классической литературы и «золотой полки» приключенческой подростковой литературы.

Таким образом, цифровизация способствует увеличению объема чтения, но снижает его качество.

Библиографический список

1. *Выготский, Л. С.* Психология искусства / Под ред. М.Г. Ярошевского. М. : Педагогика, 1987. 344 с.
2. *Левин, В. А.* Когда маленький школьник становится большим читателем. М. : Лайда, 1994. 191 с. ISBN 5-87632-035-8.
3. *Собкин, В. С., Калашикова, Е. А.* Влияние школьной академической успешности и социального статуса в классе на мотивацию чтения художественной литературы учащихся основной школы // Доклады Научного совета по проблемам чтения РАО. М. : Издательство «Канон+», 2016. Вып. 13. С. 85-93. ISBN 978-5-88373-048-0.

4. Детское чтение в России / *Е.А. Колосова, О.П. Мезенцева, М.А. Веденятина* [и др.]. Москва, 2014. 114 с.

5. *Березина, А. В.* Особенности социализации современных подростков // Педагогические проблемы социализации: научные практико-ориентированные разработки. М. : ООО «Франтера», 2010. С. 37-45.

6. *Березина, А. В.* К проблеме подросткового чтения // Библиотечные социологи и психологи представляют: программы, методики, исследования. М. : РГДБ, 2020. Вып. 6. С. 16-29.

7. *Березина, А. В.* Чтение современных российских подростков: мотивационный аспект // Психология обучения. 2021. № 3. С. 101-109.

8. *Колосова, Е. А.* Чтение российских детей и подростков в трансформирующемся обществе // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2015. № 7 (150). С. 123-130.

9. Особенности цифрового чтения современных подростков: результаты теоретико-эмпирического исследования / *Н.А. Борисенко, К.В. Миронова, С.В. Шишкова, Г.Г. Граник* // Science for Education Today. 2020. Т. 10, № 5. С. 28-49. DOI: 10.15293/2658-6762.2005.02.

10. Взрослые и дети в Интернете: цифровая грамотность: опрос «Лаборатории Касперского» // Kaspersky Safe Kids: [сайт]. 01.09.2020. URL: https://kids.kaspersky.ru/article/opros_vzroslye_i_deti_v_internete_cifrovaya_gramotnost (дата обращения 25.05.2021).

: 01.10.2021.

: 19.10.2021.

Сведения об авторах:

Березина Александра Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социологии, психологии и педагогики детского чтения, Российская государственная детская библиотека. Москва, Россия.

e-mail: berezina.75@mail.ru

Author ID РИНЦ: 273794

ORCID: 0000-0002-2923-8966

Колосова Елена Андреевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий отделом социологии, психологии и педагогики детского чтения, Российская государственная детская библиотека. Москва, Россия.

e-mail: the_shmiga@mail.ru

Author ID РИНЦ: 617955

ORCID: 0000-0003-1183-0766

Scopus ID: 57202980926

A. V. Berezina¹, E. A. Kolosova¹

¹ Russian State Children's Library. Moscow, Russia.

READING OF TODAY RUSSIAN ADOLESCENTS IN THE CONTEXT OF DIGITAL REALITY

Abstract. Reading of literature is important type of activity contributed to the formation of identity and worldview. Reading for teenagers has become an optional activity, perceived as the leisure, preference is given to watching TV, computer games, social networks and etc. These changes are principally related to the processes taking place in modern society, including the increasing representation of digital technologies in the life of adolescents. Psychological study showed that in the structure of reading motivation of today adolescents can be distinguished: benefit motive, entertainment motive, escapism motive, personal motive, compulsion motive, social motive. At the same time, more than a third of adolescents do not have any formed reading motivation, and prevail motives for reading are external motives: benefit motives, entertainment and compulsion motives. The age dynamic and gender differences can be traced. Sociological surveys show that the reading circle of adolescents consists of printed and electronic books and periodicals.

The proportions change towards the preference for electronic reading. Despite the fact that the Internet has increased the intensity of teenagers reading, they read not only e-books, but also news, encyclopedias, humorous sites, publications about celebrities and music portals. Thus, digitalization increases the volume of reading, but decreases its quality.

Keywords: reading of adolescents, motives for reading of adolescents, reading circle of adolescents, digital environment, gender differences, age dynamics.

For citation: Berezina A.V., Kolosova E.A. (2021) Reading of today Russian adolescents in the context of digital reality. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 4. P. 122-131. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.10

References

1. Vygotsky L. S. (1987) *Psychology of art*. Ed. by M. G. Yaroshevsky. M.: "Pedagogy" Publ. 344 p. (In Russ.).
2. Levin V. A. (1994) *Kogda malen'kii shkol'nik stanovitsya bol'shim chitatelem [When a small pupil becomes a big reader]*. M.: "Laida" Publ. 191 p. (In Russ.).
3. Sobkin V. S., Kalashnikova E. A. (2016) The influence of school academic success and social status in the classroom on the motivation for reading fiction of primary school students. In: *Doklady Nauchnogo soveta po problemam chteniya RAO [Reports of the Scientific Council on the problems of reading RAO]*. M.: "Canon +" Publ. Issue 13. Pp. 85-93 (in Russ.).
4. Kolosova E. A., Mezentseva O. P., Vedenyapina M. A. [et al.] (2014) *Detskoe chtenie v Rossii [Children's reading in Russia]*. Moscow. 114 p. (In Russ.).
5. Berezina A.V. (2010) Features of socialization of modern adolescents. In: *Pedagogicheskie problemy sotsializatsii: nauchnye praktiko-orientirovannye razrabotki [Pedagogical problems of socialization: scientific practice-oriented development]*. M.: Frantera Publ. Pp. 37-45 (in Russ.).
6. Berezina A. V. (2020) To the problem of teenage reading. In: *Bibliotchnyye sotsiologii i psikhologii predstavlyayut: programmy, metodiki, issledovaniya [Library sociologists and psychologists present: programs, methods, research]*. M.: Russian State Children's Library Publ. Issue 6. Pp. 16-29 (in Russ.).
7. Berezina A. V. (2021) Reading of modern Russian adolescents: the motivational aspect. *Psychology of learning*. No. 3. Pp. 101-109 (in Russ.).
8. Kolosova E. A. (2015) Reading of Russian children and teenagers in transforming society. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. No. 7 (150). Pp. 123-130 (in Russ.).
9. Borisenko N. A., Mironova K. V., Shishkova S. V., Granik G. G. (2020) Features of digital reading of modern adolescents: results of theoretical and empirical research. *Science for Education Today*. Vol. 10. No. 5. Pp. 28-49. DOI: 10.15293/2658-6762.2005.02 (in Russ.).
10. *Adults and children on the Internet: digital literacy, a survey by Kaspersky Lab*. URL: https://kids.kaspersky.ru/article/opros_vzroslye_i_deti_v_internete_cifrovaya_gramotnost (last request 25.05.2021) (in Russ.).

The article was submitted on October 01, 2021.

Accepted on October 19, 2021.

Information about the authors:

Alexandra V. Berezina, Candidate of Psychology, Associate professor, Leading Researcher of the Department of Sociology, Psychology and Pedagogy of Children's Reading, Russian State Children's Library. Moscow, Russia.

e-mail: berezina.75@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2923-8966

Elena A. Kolosova, Candidate of Sociology, Associate professor, Head of the Department of Sociology, Psychology and Pedagogy of Children's Reading, Russian State Children's Library. Moscow, Russia.

e-mail: the_shmiga@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1183-0766

Scopus AuthorID: 57202980926

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

DOI 10.19181/nko.2021.27.4.11
УДК 001.89; 303.01

С. Г. Кара-Мурза¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ЦИТИРОВАНИЕ В НАУКЕ И ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ НАУЧНОГО ВКЛАДА¹

Аннотация. Редакция предлагает Вашему вниманию переиздание статьи С. Г. Кара-Мурзы, опубликованной в 1981 году. Автор лично встречался и дискутировал с создателем Science Citation Index Юджином Гарфилдом: признавая важность библиометрии для науковедения, Сергей Георгиевич отстаивает недопустимость использования индексов цитирования с целью оценки научного вклада отдельных исследователей и научных организаций. Потребовалось бы выполнение ряда нереализуемых на практике условий, чтобы цитирование могло неискаженно транслировать научный вклад. По прошествии четырех десятков лет с момента выхода статьи необходимо признать, что актуальность проблемы себя не исчерпала. Измерение результативности учёных формальными количественными параметрами укоренилось до статуса официального для научных отчётов, усугубившись выделением приоритетной роли журнальных статей по сравнению с фундаментальными монографическими трудами. В научной среде неоднократно звучали аргументы, поясняющие проблемность объективных показателей для оценки продуктивности и научной значимости и научного потенциала учёных, – в особенности в сфере социо-гуманитарного знания. Дискуссия по поводу внедрения количественных методик оценки эффективности работы ученых продолжается. В этой связи редакция журнала считает целесообразным предложить нашим читателям ознакомиться с точкой зрения, изложенной в публикации известного ученого С.Г. Кара-Мурзы 40 лет назад.

Ключевые слова: наукометрия, индекс цитирования, оценка научной деятельности, Science Citation Index.

Для цитирования: Кара-Мурза С.Г. Цитирование в науке и подходы к оценке научного вклада // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 4. С. 132-141. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.11

Проблема оценки продуктивности ученого, его научного вклада – одна из важнейших теоретических и прикладных проблем науковедения. Стремление создать пусть даже «грубоватую», но в принципе работоспособную методику такой оценки психологически вполне понятно. Но конструирование систем оценки – область очень деликатная: любое решение здесь самым непосредственным образом воздействует на социально-психологические условия работы научных коллективов, затрагивает сферу человеческих отношений и мотивации ученых. И последствия ошибок здесь могут быть весьма серьезными.

Для оценки продуктивности исследователей уже сравнительно давно пытаются использовать различные параметры системы научных коммуникаций. Это вполне объяснимо: через систему коммуникаций поступают в хранилище «отпечатки» научной продукции – публикации. Подсчет этих «отпечатков» на первых порах показался самым простым и естественным подходом к определению научного вклада. Он и сейчас составляет основу большинства формализо-

¹ Впервые опубликовано в журнале «Вестник АН СССР». 1981. Т. 51, № 5. С. 68-75 [1].

ванных систем оценки научных кадров, хотя и стыдливо, со многими оговорками: трудно найти социолога или администратора, который не постеснялся бы прямо заявить, что число публикаций действительно отражает научный вклад исследователя. Значение качественных аспектов научной деятельности слишком очевидно.

Но вот в середине 60-х годов появился информационный инструмент, который, казалось, давал возможность отразить качество научных публикаций. Это – «Указатель библиографических ссылок» (Science Citation Index – SCI), издаваемый Институтом научной информации (США). Почти 20 лет, в течение которых издается этот указатель, – солидный срок, позволяющий строить довольно представительные временные ряды, и социологи науки стали все активнее использовать открывающиеся здесь возможности. Создатель SCI Ю. Гарфилд с самого начала указывал на широкую применимость указателя в социологии и истории науки [2, р. 290]. Действительность не обманула этих ожиданий. Более того, нам представляется, что потенциальные возможности SCI в науковедении оценены еще лишь в малой степени, и по мере удлинения временных рядов ценность его будет возрастать. Но можно ли использовать такой измеримый параметр научных коммуникаций, как цитируемость, для оценки вклада в науку отдельных исследователей или целых коллективов?

Исходные посылки тех, кто отвечает на этот вопрос положительно, кажутся вполне обоснованными. Ссылки на предыдущие публикации отражают связи между работами отдельных ученых. Следовательно, чем больше ссылок получают работы ученого, тем в большей степени используется его продукция научным сообществом, тем выше полезность его вклада. Исходя из этих посылок, американские социологи науки Дж. Коул и С. Коул одними из первых применили измерения цитируемости для обоснования весьма радикальных социологических выводов². Измерение цитируемости быстро стало связываться со злободневными практическими вопросами. Поборники использования SCI для оценки продуктивности ученых, не дождавшись теоретических обоснований, стали выходить с пропагандой этого подхода в широкую печать. Судя по литературе, в некоторых университетах США показатель цитируемости уже вошел в методики формальной оценки сотрудников. Возможность использования цитирования для оценки научного труда видят и некоторые советские социологи. Так, Н. З. Мирская пишет: «Показатель цитирования – основание для определения эффективности научного труда, что особенно важно в плане практических рекомендаций... Цитирование отражает использование публикации, т.е. ее полезность и, следовательно, эффективность деятельности ее автора» [5].

Но позволяет ли измерение цитируемости верно оценить научный вклад? Действительно, цитирование отражает связь между работами ученых, говорит об использовании научных результатов – но оно отражает не все связи. Если труды ученого цитируются широко, то это (в общем случае) указывает на то, что его продукция высоко оценивается и в большой степени используется другими учеными. Но обратное утверждение в общем случае неверно. А для того чтобы

² Известная статья Коулов так и озаглавлена: «Анализ цитирования показывает, что лишь немногие ученые вносят вклад в прогресс науки» [3]. В ней авторы утверждают, что темпы научного прогресса в физике могут остаться на прежнем уровне, даже если число исследователей-физиков будет резко сокращено. Примечательно, что эта статья появилась в 1972 г., после сильного снижения ассигнований на науку в США, повлекшего за собой безработицу среди ученых – с марта по декабрь 1970 г. в США только из учреждений, занимающихся аэрокосмическими исследованиями, было уволено 175 тыс. исследователей и инженеров (см. [4]).

цитируемость могла служить основой оценки научного вклада, необходимо, чтобы были верны как прямое, так и обратное утверждение, – это кажется очевидным.

Как же получается, что цитирование «высвечивает» лишь часть научных коммуникаций? Рассмотрим механизм цитирования на «микроуровне» – на уровне единичной научной публикации. Чтобы упростить нашу задачу, введем три явно идеализированных предположения:

- 1) вся использованная в работе автора публикации научная информация изложена в статьях, на которые он может сослаться;
- 2) все сообщения, несущие необходимую автору для данной работы информацию, достигают этого автора;
- 3) отбирая статьи, на которые он сошлется в своей публикации, автор руководствуется только релевантностью, ценностью этих статей для своей работы.

Объем информации, которой пользуются при подготовке публикации даже начинающие исследователи, весьма велик. Если бы его удалось весь «упаковать» в научные статьи (наше первое предположение), то их минимальное число достигло бы, вероятно, сотни. Естественно, что процитировать их все невозможно, да и сам институт цитирования потерял бы тогда смысл. В самоорганизующейся системе научных коммуникаций установились определенные нормы цитирования (несколько разные в разных областях науки). В среднем «нормальная» публикация содержит около 15 ссылок. Это значит, что из минимум сотни статей автор отбирает 15 наиболее релевантных для его работы. Другими словами, устанавливается некоторый ценз, порог ценности статьи для данной работы. Этот порог – своеобразный «уровень моря», над которым видна лишь небольшая верхушка айсберга использованной информации – цитированные статьи.

Но если цитируемость связана с пороговыми явлениями, не может быть и речи о линейной зависимости между ценностью статьи и возможностью ее попадания в список цитированных трудов. Все, что ниже порога, получает одинаковую оценку – ноль. Все, что выше порога – единицу. Система работает дискретно, по принципу «все – или ничего». Используя такую двухбалльную шкалу, можно лишь сказать, что цитированные статьи для данной работы более полезны, чем нецитированные. Мы не можем вынести никаких суждений о том, насколько первые полезнее вторых, – изменение происходит скачкообразно. Внутри же обеих групп каждая статья находится в области неопределенности.

На микроуровне ясно, что такая «черно-белая» шкала мало что дает для распределения использованных 100 статей по их полезности: каждая из 85 нецитированных статей может оказаться по своей полезности почти равной любой из цитированных. Таким образом, нарушается первое требование к шкале оценки, которая должна быть достаточно растянутой и непрерывной.

Что же изменяется при переходе к «макросистеме» – крупному массиву публикаций – и сравнению авторов по числу ссылок на них? Мы получаем ряды чисел разумной величины, по которым, как будто, можно ранжировать авторов. Но это – иллюзия. Оттого, что мы складываем неопределенности, выявленные на уровне одной статьи, определенность не возникает. Обсуждая проблему оценки деятельности ученых, С. Н. Хиншелвуд писал: «Иногда заявляют, что для статистики полезны даже грубые результаты. Не может быть более опасной доктрины, чем доктрина, основывающаяся на представлении, что большое число

ложных или бессмысленных догадок может быть каким-то образом усреднено, давая нечто имеющее смысл»³ [6].

Так, если какая-то работа цитируется во многих статьях, значит, многократно воспроизводится ситуация, которую мы рассмотрели на «микроуровне», – работа чаще других превышает порог полезности. Это говорит о широте «рынка» для данной работы, о массовости ее потребителя. Такие данные, позволяющие оценить масштабы того или иного научного сообщества, очень важны для науковедения, но можно ли выражать вклад в науку, импульс, даваемый ее развитию какой-то работой, через массовость потребителя?

Анализ показывает, что наиболее массового потребителя имеют методические статьи. Это понятно: разнообразие идей и объектов науки во много раз превышает разнообразие методов. Поэтому каждая идея имеет небольшой «рынок», а одним и тем же методом пользуются при экспериментальных исследованиях, связанных со множеством идей, – и ссылка на этот метод появляется о многих статьях. Кроме того, в отношении изложения методической стороны исследования нормы в науке гораздо строже, чем в отношении идей и интерпретации результатов (на идею можно и не сослаться, на метод – нельзя).

Это хорошо видно при содержательном анализе приведенных в «Current Contents» [8] заголовков наиболее цитируемых статей. По нашим оценкам, из 156 таких статей, относящихся к биохимии, биомедицинским исследованиям и психологии, 118 (т.е. 75,6%) имеют методический характер. И эти методические статьи получают 84,7% ссылок! Все 156 статей имеют 210759 ссылок (в среднем 1351 ссылка на одну статью); 118 методических статей имеют 178448 ссылок (1512 на одну статью), 38 нематодических статей – 32311 ссылок (850 на одну статью). В биохимии одна методическая статья имеет в среднем 1996 ссылок, а нематодическая – 949. В этой области методические статьи собрали 92% ссылок всех 78 статей-чемпионов.

Этот подсчет сделан нами на основании опубликованных Ю. Гарфилдом материалов, хотя сам он считает ошибочным вывод, что методические статьи обязательно получают больше ссылок, чем прочие работы. Свое мнение он обосновывает тем, что статьи в журналах по аналитической химии не отличаются особенно высоким цитированием [9]. На это можно ответить, что высокая цитируемость методических работ – не вывод, а эмпирический факт. Что же касается журналов по аналитической химии, то их статьи предназначены не для потребителя методов, а для их разработчика – химика-аналитика. Это – не продукт, а «полупродукт», и они, в сущности, не являются методическими статьями. Когда же аналитический метод доводится до «товарного вида» и выносится на широкий «рынок», он публикуется обычно в журналах той области исследований, для которой он предназначен, и цитируется очень обильно.

Однако и в том, что касается создания методов исследования, цитирование не отражает сколько-нибудь адекватно вклад того или иного ученого (или сово-

³ Кстати, именно большой объем массивов ссылок как аргумент в пользу применения цитируемости вызывает в США критику специалистов: в докладе Science Indicators-72 (ежегодно издаваемый аналитический обзор динамики ряда количественных показателей развития науки в США. – С.К.-М.) написано, что «...недостатки показателя цитируемости нейтрализуются, однако, благодаря огромному числу учитываемых ссылок. Другими словами, возможным источником ошибок можно пренебречь из-за большого размера выборки. В общем случае, как нетрудно видеть, дело обстоит как раз наоборот. Обычно систематическая ошибка, перекося, не зависит от размера выборки, но его роль по мере увеличения выборки относительно возрастает, поскольку случайные ошибки измерения и выборки меньше влияют на средние величины и пропорции» [7].

купностей ученых). Создание нового научного метода – это процесс, состоящий из ряда стадий. Все стадии важны, но качественно различны (выдвижение идеи, концепции метода; внесение модификаций, направленных на улучшение, упрощение, расширение применимости, – то есть придание методу «товарного вида»; пропаганда и широкое распространение метода). История многих нововведений в науке показывает, что вторая и третья стадии вознаграждаются цитированием несопоставимо щедрее, чем первая. Таким образом, еще более усугубляется ориентация механизма цитирования на работы по «расширению рынка», по доводке нововведений. Вот лишь несколько примеров.

В. Кеннет модифицировал известную с 1930 г. реакцию З. Дише для определения ДНК (предложил нагревать пробу несколько часов при 30°C вместо 3-10 мин. при 100°C, как делал Дише). Эта статья, опубликованная в 1956 г., получила за 1961-1975 гг. 5037 ссылок. М. Шомодьи открыл хороший реактив для определения моносахаридов, и его статья получила 970 ссылок. Н. Нельсон путем небольшой модификации улучшил методику, и его статья получила более 3300 ссылок [10-11]⁴. В сущности, и абсолютный рекордсмен цитируемости О. Лоури (50 тыс. ссылок) модифицировал ранее известный реактив, добавив к нему еще одну компоненту и расширив границы применимости метода.

Специального интереса заслуживает история создания и распространения аффинной хроматографии, которая была разработана в двух практически одинаковых вариантах почти одновременно в Швеции и США. Американский автор получил на свои работы почти в 10 раз больше ссылок, чем шведские авторы. Это объясняется тем, что он был не только творцом метода, но и активным агентом по его внедрению в самых разных областях исследований [13].

Сказанное ни в коей мере не означает, что мы склонны недооценивать значение методических работ, принижать их роль в развитии науки. Мы только хотим подчеркнуть, что создание и распространение методов – лишь один из элементов научной деятельности, по которому в общем случае нельзя судить о целом, обо всей системе. Здесь уместно повторить тезис, с которого мы начали рассмотрение: высокая цитируемость совокупности статей обычно указывает на их высокую полезность, но низкая цитируемость совокупности статей, отличающейся от первой совокупности каким-то существенным признаком, не позволяет утверждать, что их ценность низка. Этот тезис мы пытались обосновать, сделав три упрощающих ситуации предположения. Как же изменится наш вывод, если мы откажемся от них?

Первое предположение: «Вся использованная в работе научная информация изложена в статьях, на которые может сослаться автор публикации».

Это условие не выполняется по разным причинам. Научное знание производится как в фундаментальных, так и в прикладных исследованиях, и роль последних относительно усиливается в результате тенденции к их «фундаментализации». Но в прикладных исследованиях по целому ряду соображений введены ограничения на публикацию результатов. Да и сложившаяся в них система стимулов не ориентирует работника на высокую публикационную активность. Значительная часть «продукции» фундаментальных исследований также не попадает в научную печать. Многие важные виды знания вообще не приспособлены к публикации (например, информация о неудачных исследованиях или ошибках). В другом случае действуют соображения секретности: фундаментальные исследования все в большей степени становятся неотъемлемой частью прикладных программ и НИОКР военного характера.

⁴ Более подробно такие случаи описаны в статье Кара-Мурза, С. Г. Создание и распространение новой технологии исследований - важная функция ученого [12].

Если вся эта научная продукция не публикуется (и следовательно, не «производит» ссылок), то значит ли это, что она не используется и не может рассматриваться как вклад в науку? Вовсе не значит – во всех странах это «непубликуемое» научное знание является важным продуктом науки и используется весьма широко. Существует целый ряд каналов его распространения: отчеты и доклады, суждения экспертов, выступления на совещаниях, консультации и т.п. В подавляющем большинстве случаев на эти сообщения просто невозможно сослаться. Аппарат ссылок отражает лишь небольшой фрагмент всей получаемой и используемой ученым информации. Очевидно, что это резко сокращает возможность использования цитируемости для оценки вклада в науку. Снятие первого предположения усиливает аргументацию общего вывода, особенно когда речь идет о международных сравнениях. Удельный вес различных каналов в общей системе научной информации в разных странах различен. Например, отсутствие частной собственности на научно-техническую информацию в СССР позволило предоставить всем заинтересованным организациям доступ к отчетам по законченным исследованиям.

Второе предположение: «Все сообщения, необходимые для работы, достигают автора статьи». Это условие также не выполняется. Целый ряд барьеров препятствует проникновению к потребителю даже опубликованной информации. Первый из них – языковой. Этот барьер может быть совершенно непроницаемым, когда речь идет о статьях, опубликованных на совсем незнакомом языке (а большинство зарубежных ученых не знают русского языка и языка других народов СССР). Но даже и для людей, более или менее знающих иностранный язык, этот барьер остается весьма существенным. Его значение усиливается тем, что, как правило, иностранные публикации, особенно книги, часто бывают гораздо менее доступны, чем отечественные издания.

Важный фактор, ограничивающий область поиска информации, – предвзятое мнение о научных достоинствах того или иного журнала. Возникающая обратная связь усугубляет ситуацию: статьи этого журнала цитируются меньше, и неблагоприятное мнение о нем укрепляется.

Все эти барьеры, синергически взаимодействуя и усиливая друг друга, образуют вокруг каждого ученого своеобразную «информационную скорлупу»⁵. У одного внутри этой скорлупы оказываются лишь несколько отечественных журналов его узкой области знания, другой регулярно просматривает широкий спектр журналов на трех-четыре языках, третий же пользуется, кроме того, «Current Contents».

Ясно, что ученый может цитировать только те работы, которые оказываются внутри его «информационной скорлупы». В статьях советских ученых много ссылок на работы американских авторов, а американские ученые мало цитируют советские статьи – что из этого следует? Из этого прежде всего следует, что научная литература США находится внутри «информационной скорлупы» советских ученых, а для исследователей США большая часть информационных ресурсов советской литературы недоступна. Но это известно и без SCI: подавляющее большинство советских ученых в достаточной степени владеют английским языком, чтобы читать специальную литературу, а научный шовинизм совершенно чужд советской интеллигенции.

Устранение второго предположения еще сильнее сужает тот сектор системы научных коммуникаций, который отражается в SCI, и еще больше увеличивает неопределенность оценок, сделанных на основании подсчета ссылок. При междуна-

⁵ Это понятие мы употребляем по аналогии с понятием «скорлупа повседневной жизни», используемым А. Молем [14, с. 338].

родных сравнениях эта неопределенность резко возрастает из-за асимметричности потоков информации, отражаемых SCI: оценка научной продуктивности стран, публикующих работы на труднодоступных для американских и западноевропейских ученых языках, занижается настолько, что один этот фактор лишает такие оценки всякого смысла. Асимметричность потоков информации «умножается» на асимметричность самого SCI – в нем, например, отражаются лишь 60 советских журналов (1335 журналов США, 529 – Великобритании, 179 – Нидерландов).

Третье предположение: «При цитировании автор руководствуется лишь ценностью статьи для своей работы».

Это допущение – слишком сильная идеализация. Во-первых, авторы зачастую без необходимости цитируют видных ученых. Ю. Гарфилд пишет: «Цитирование может быть вызвано стремлением автора поднять свою собственную репутацию, связав свою работу с более крупными исследованиями, или стремлением избежать ответственности, ссылаясь на работы других авторов» [15]. Расширение использования SCI как инструмента для оценки научной продуктивности индивидуальных работников неизбежно приведет к росту ненужного цитирования. Это нанесет ущерб SCI как исключительно ценному средству информационного поиска и науковедческих исследований.

Еще больше искажений вносит уклонение от цитирования релевантных работ, о которых автор знает. Это, конечно, нарушение научной этики, но разве такие нарушения редки? Важнейшим фактором, предупреждающим такие нарушения, является личное знакомство авторов. Но там же, где личные контакты советских ученых с американскими и западноевропейскими коллегами относительно слабы, в отношении советских статей этот фактор не действует. Замалчивание работ наших авторов – обычное явление. Известны случаи, когда советские исследователи по собственной инициативе посылали иностранным коллегам отписки своих статей, чтобы предотвратить использование их результатов без ссылки на авторство – и это не помогало. Поскольку цитирование – норма весьма расплывчатая, на поведение автора публикации часто действуют и чисто технические, но существенные на «микроуровне» факторы, например отсутствие пишущей машинки с подходящим алфавитом.

Конечно, уклонение от цитирования не распространяется на ключевые, основополагающие работы. Но наука сейчас – деятельность миллионов людей, и статистика цитирования определяется не столько ссылками на «статьи-чемпионы», сколько сложением тех двух-трех ссылок, которые получают на свои работы большинство исследователей (в 1972 г. каждый отмеченный в SCI автор имел в среднем 6,65 ссылок).

Работы же ученых высшего ранга быстро перестают цитироваться вследствие хорошо известного явления «стирания» их имен. Ю. Гарфилд пишет: «Стирание (obliteration) происходит, когда авторы предполагают, что сделанный ранее научный вклад становится частью общего знания, известного каждому, кто работает в данной области» [15, р. 6]. Сам факт такого стирания говорит о том, что вклад ученого велик и используется очень широко (Ю. Гарфилд говорит даже о преимуществах быть «стертым»), но это – еще один источник ошибки при использовании SCI как оценочного механизма⁶.

Таким образом, устранение третьего предположения также усиливает общий вывод, который мы обосновали, даже приняв весьма сильные допущения.

⁶ Известная статья Дж. Уотсона и Ф. Крика о структуре двойной спирали ДНК, положившая начало современной молекулярной биологии, за 1961-1976 гг. получила всего 552 ссылки, в то время как статьи Лоури, предложившего модификацию метода определения белка, за то же время получили 50 016 ссылок!

Нельзя не отметить, что недавно сам Ю. Гарфилд выступил с обзорной статьей под названием «Является ли анализ цитирования разумным инструментом оценки?» [16]. В этой статье он приводит аргументы противников этого подхода и отстаивает точку зрения, согласно которой измерение цитируемости служит хорошим методом оценки⁷. Но те аргументы, против которых возражает Ю. Гарфилд, представляются настолько незначительными, что мы о них до сих пор даже не упоминали. Это – наличие «негативного» цитирования с целью критики работы, наличие «самоцитирования» и цитирования сотрудников. Все это – факторы второго порядка. Главное же – пороговые явления в цитировании и невыполнение тех трех условий, о которых говорилось выше.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что наши рассуждения касались лишь одной стороны использования SCI – как инструмента для оценки вклада в науку отдельных исследователей или целых стран. Но это рассмотрение ни в коей мере не ставит под сомнение иные, исключительно богатые возможности использования этого указателя в науковедении. Здесь нет смысла перечислять все эти возможности – они уже отражены в обширной литературе.

В рамках статьи трудно с достаточной полнотой осветить все вопросы использования SCI как инструмента оценки в исследовательской и управленческой практике. Необходимо глубокое методологическое рассмотрение, с четкой формулировкой всех допущений и тезисов. Такое рассмотрение тем более важно и актуально, что проблема выходит за рамки академического спора. Достаточно сказать, что данные о цитируемости ученых разных стран используются государственными органами США (Национальным научным фондом) для характеристики национальных научных потенциалов⁸. Известно, что вопрос об оценке научного потенциала целых стран, измерение вклада в науку целых сообществ исследователей в настоящее время представляет не только теоретический интерес – он даже касается не только органов управления наукой. Хотят того социологи науки или нет, этот вопрос приобрел идеологическую и даже политическую окраску. Экономия усилий на анализе этого вопроса оборачивается расширением возможностей для демагогии, яркий пример которой – многочисленные статьи «советологов» о советской науке.

Библиографический список

1. *Кара-Мурза, С. Г.* Цитирование в науке и подходы к оценке научного вклада // Вестник Академии наук СССР. 1981. Т. 51, № 5. С. 68-75.
2. *Garfield, E.* Citation Indexes in Sociological and Historical Research // American documentation. 1963. Vol. 14(4). Pp. 289-291. DOI: 10.1002/asi.5090140405.
3. *Cole, J. R., Cole, S.* The Ortega hypothesis: Citation Analysis suggest that only a few scientists contribute to scientific progress // Science. 1972. Vol. 178, No. 4059. Pp. 368-375. DOI: 10.1126/science.178.4059.368.
4. *Milton, H.* Cost-of-Research Index. 1920-1970 // Operations Research. 1972. Vol. 20, No. 1. Pp. 1-18. DOI: 10.1287/opre.20.1.1.
5. *Мирская, Е. З.* Механизм оценки и формирования нового знания // Вопросы философии. 1979. № 5. С. 119-130.
6. *Хинишляуд, С. Н.* Качественное и количественное // Философские проблемы современной химии : сборник переводов / ред. и предисл. Ю. И. Соловьева, Н. И. Родного ; пер. В. В. Щекина. М. : Прогресс, 1971. С. 21-32.

⁷ Правда, Ю. Гарфилд делает при этом ряд оговорок и предупреждает, что измерение должно сопровождаться содержательным анализом. Хорошее напутствие администраторам, которые потому и нуждаются в методике, что не имеют возможности заниматься содержательным анализом!

⁸ См. ежегодные обзоры «Science Indicators».

7. *Kruskal, W.* Taking data seriously // *Toward a metric of science: the advent of science indicators.* New York [et al.] : Wiley-Interscience Publ., 1978. Pp. 139-170.
8. *Garfield, E.* Highly cited articles. 39. *Biochemistry* // *Current Contents.* 1977. Vol. 9, No. 25. Pp. 5-12.
9. *Garfield, E.* Highly cited articles. 40. *Biomedical and behavior papers published in the 50's.* // *Current Contents.* 1977. Vol. 9, No. 29. Pp. 5-12.
10. *Citation classics* // *Current Contents.* 1977. Vol. 9, No. 1.
11. *Citation classics* // *Current Contents.* 1977. Vol. 9, No. 26.
12. *Кара-Мурза, С. Г.* Создание и распространение новой технологии исследований – важная функция ученого // *Вестник АН СССР.* 1980. № 4. С. 54-61.
13. *Кара-Мурза, С. Г.* Технология научных исследований. Изучение создания и распространения аффинной хроматографии с помощью Science Citation Index // *Научно-техническая информация. Сер. 1.* 1979. № 1. С. 7-12.
14. *Моль, А.* Социодинамика культуры : пер. с фр. / Вступ. статья, ред. и примеч. Б. В. Бирюкова [и др.]. М. : Прогресс, 1973. 405 с.
15. *Garfield, E.* To cite or not to cite: a note of annoyance // *Current Contents.* 1977. Vol. 9, No. 35. Pp. 5-8.
16. *Garfield, E.* Is citation analysis a legitimate evaluation tool? // *Scientometrics.* 1979. Vol. 1, No. 4. Pp. 359-376.

Сведения об авторе:

Кара-Мурза Сергей Георгиевич, (в 1981, на момент первого издания статьи: кандидат химических наук) доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: skaramur@rambler.ru

Author ID РИНЦ: 72026

ResearcherID (Web of Science): J-7485-2018

Scopus: ID 16535890200

S. G. Kara-Murza¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

CITATION IN SCIENCE AND APPROACHES TO THE EVALUATION OF SCIENTIFIC CONTRIBUTIONS⁹

Abstract. The editorial board brings to your attention a reprint of the article by S. G. Kara-Murza, published in 1981. The author personally met and debated with the creator of the Science Citation Index Eugene Garfield: recognizing the importance of bibliometry for science studies, Sergey Georgievich defends the inadmissibility of using citation indexes to evaluate the scientific contribution of individual researchers and scientific organizations. It would require the fulfillment of a number of unrealizable conditions in practice so that the citation could not distort the scientific contribution.

After four decades since the publication of the article, it must be recognized that the relevance of the problem has not exhausted itself. Measuring the effectiveness of scientists by formal quantitative parameters has taken root to the status of official for scientific reports, aggravated by the prioritization of journal articles in comparison with fundamental monographic works. Arguments have repeatedly been heard in the scientific community explaining the problematic nature of objective indicators for assessing the productivity and scientific significance and scientific potential of scientists, especially in the field of socio-humanitarian knowledge.

⁹ First published in: *Vestnik AN SSSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]. 1981. Vol. 51, No 5. Pp. 68-75 (in Russ.).

The discussion on the introduction of quantitative methods for evaluating the effectiveness of scientists' work continues. In this regard, the editorial board of the journal considers it appropriate to invite our readers to familiarize themselves with the point of view set forth in the publication of the famous scientist S. G. Kara-Murza 40 years ago.

Keywords: scientometrics, citation index, science evaluation, Science Citation Index.

For citation: Kara-Murza S.G. (2021) Citation in science and approaches to the evaluation of scientific contributions. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. № 4. P. 132-141. DOI: 10.19181/nko.2021.27.4.11

References

1. Kara-Murza S. G. (1981) Citation in science and approaches to the evaluation of scientific contributions. *Vestnik AN SSSR [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]*. Vol. 51, No. 5. Pp. 68-75 (in Russ.).
2. Garfield E. (1963) Citation Indexes in Sociological and Historical Research. *American documentation*. Vol. 14(4). Pp. 289-291. DOI: 10.1002/asi.5090140405 (in Eng.).
3. Cole J. R., Cole S. (1972) The Ortega hypothesis: Citation Analysis suggest that only a few scientists contribute to scientific progress. *Science*. Vol. 178, No. 4059. Pp. 368-375. DOI: 10.1126/science.178.4059.368 (in Eng.).
4. Milton H. (1972) Cost-of-Research Index. 1920-1970. *Operations Research*. Vol. 20, No. 1. Pp. 1-18. DOI: 10.1287/opre.20.1.1 (in Eng.).
5. Mirskaya E. Z. (1979) Mechanism of assessment and formation of new knowledge. *Voprosy Filosofii*. No. 5. Pp. 119-130 (in Russ.).
6. Khinshel'vud S. N. (1971) Qualitative and quantitative. In : *Filosofskie problemy sovremennoi khimii [Philosophical problems of modern chemistry]*: sbornik perevodov. Ed. by Yu. I. Solov'ev, N. I. Rodnoi. Transl. by V. V. Shchekin. Moscow : Progress Publ. Pp. 21-32 (in Russ.).
7. Kruskal W. (1978) Taking data seriously. In : *Toward a metric of science: the advent of science indicators*. New York [et al.] : Wiley-Interscience Publ. Pp. 139-170 (in Eng.).
8. Garfield E. (1977) Highly cited articles. 39. Biochemistry. *Current Contents*. Vol. 9, No. 25. Pp. 5-12 (in Eng.).
9. Garfield E. (1977) Highly cited articles. 40. Biomedical and behavior papers published in the 50's. *Current Contents*. Vol. 9, No. 29. Pp. 5-12 (in Eng.).
10. Citation classics. *Current Contents*. 1977. Vol. 9, No. 1 (in Eng.).
11. Citation classics. *Current Contents*. 1977. Vol. 9, No. 26 (in Eng.).
12. Kara-Murza S. G. (1980) The creation and dissemination of new research technology is an important function of a scientist. *Vestnik AN SSSR [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]*. No. 4. Pp. 54-61 (in Russ.).
13. Kara-Murza S. G. (1979) Technology of scientific research. Exploring the creation and dissemination of affinity chromatography using the Science Citation Index. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 1*. No. 1. Pp. 7-12 (in Russ.).
14. Moles A. (1973) *Sociodynamique de la culture* : Transl. from French. Ed. by B. V. Biryukov [et al.]. M. : Progress Publ. 405 p. (In Russ.).
15. Garfield E. (1977) To cite or not to cite: a note of annoyance. *Current Contents*. Vol. 9, No. 35. Pp. 5-8 (in Eng.).
16. Garfield E. (1979) Is citation analysis a legitimate evaluation tool? *Scientometrics*. Vol. 1, No. 4. Pp. 359-376 (in Eng.).

Information about the author:

Sergey G. Kara-Murza, (in 1981, at the time of first publication: Candidate of Chemistry)
Doctor of Chemistry, Professor, Main researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
e-mail: skaramur@rambler.ru
ResearcherID (Web of Science): J-7485-2018
Scopus: ID 16535890200

Журнал «Наука. Культура. Общество» зарегистрирован Роскомнадзором
(ЭЛ № ФС77 81252 от 30.06.2021).

Учредители:
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Общественная российская академия социальных наук

Главный редактор:
В. К. Левашов

Ответственный секретарь:
О. В. Гребняк

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте
<http://www.journal-scs.ru/>

Журнал индексируется в национальной библиографической базе данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Наука. Культура. Общество» обязательна.

Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.
Freely available online. No charges for authors.

ISSN 2713-0681

Подписано в печать 06.12.2021 г.

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Контакты редакционного отдела:
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
тел.: +7(499)530-27-32
e-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru